

Брат Андрей

БОЖИЙ КОНТРАБАНДИСТ

Брат Андрей

**БОЖИЙ
КОНТРАБАНДИСТ**

Предисловие

Никто не сомневается в том, что Россия и другие страны бывшего коммунистического блока сильно изменились за последнее время. Теперь эти государства более открыты для новых идей и более доступны для путешественников.

Но что привело к таким переменам? Эксперты по сей день занимаются исследованием экономических и политических факторов, повлиявших на развитие этих регионов. Но есть еще одно обстоятельство, которое многие упустили из виду. Это творческая работа маленькой группы обычных мужчин и женщин, начатая одним-единственным человеком. Эти люди тоже внесли свой вклад в изменение истории.

Когда мы познакомились с Андреем, мы сразу поняли, что должны написать о нем. Но прежде нужно было разрешить одну проблему. Многие из его деятельности, которой он продолжал заниматься, нельзя было предавать огласке, иначе некоторым людям это грозило бы большой бедой. Более того, пришлось изменить даже то, что уже представляло собой какие-то исторические факты. Во многих случаях мы использовали вымышленные имена, названия и даты событий. И, конечно же, мы не стали рассказывать, как пересекались границы и провозилась необходимая литература. Но даже со всеми этими предосторожностями история Андрея остается совершенно уникальной и очень важной для всех нас.

Андрей вырос в небольшой голландской деревне, в семье не очень преуспевающего кузнеца. Как и все в начале 1950-х гг., он понял, какую мощную силу представляет собой коммунизм, захвативший власть в одной трети мира. Как и мы, он знал, что страны коммунистического лагеря закрыты для Запада, тем более для одиночки-миссионера, работающего без какой бы то ни было финансовой помощи. Как и все остальные, он знал, что невозможно просто так приехать в Россию, Венгрию, Албанию или Китай и начать проповедовать иной образ жизни.

И вот теперь мы подошли к началу его абсолютно уникальной истории...

Джон и Элизабет Шерилл
GUIDEPOSTS
Кармел, Нью-Йорк

Глава первая

Дым и сухари

С того самого момента, когда я впервые надел деревянные башмаки — в Голландии их называют *klotpen* — я начал мечтать о приключениях. Я был разведчиком на войне, пробирался в тыл врага, проползал под колючей проволокой, а надо мной свистели вражьи пули.

Конечно же, в моей родной деревушке Витте не было вражеских солдат, и потому мы воевали друг против друга. Мы, мальчишки, дрались своими клопенами. Тот, кто не успевал дотянуться до своего башмака, сам получал удар деревянным клопеном. Помню тот день, когда я разбил свой башмак о голову друга-врага Кеса. Больше всего мы испугались не из-за шишки, вскочившей у него на лбу, а из-за испорченной обуви. Мы с Кесом совершенно забыли о войне, пытаюсь починить треснувший клопен. Но подобное мастерство приобретается годами упорного труда, и в тот вечер моему отцу, кузнецу по профессии, пришлось поработать сапожником. В тот день папа встал в пять утра, чтобы выполоть сорняки и полить огород, который помогал прокормить шестерых детей. После этого на велосипеде он проехал четыре мили до кузнечной мастерской в Алкмаре. И вот вечером он сел ремонтировать мой деревянный башмак, медленно выдалбливая в подошве отверстия, через которые

пропустил проволоку, скрепившую пятку и носок башмака, чтобы мне было в чем ходить в школу.

«Андрей, впредь будь осторожнее!» — сказал отец громким голосом. Папа был глуховат, а потому при разговоре почти кричал. Я прекрасно понимал его: каждая вещь в нашей семье доставалась тяжким трудом.

И все же в деревне у нас была одна семья, члены которой в моих мальчишеских фантазиях представлялась мне врагами. Это была семья Уэтстров.

Почему я так невзлюбил Уэтстров, не знаю. Может быть, потому, что они первыми в нашей деревне заговорили о войне с немцами, а эта тема была непопулярной в Витте. Кроме того, они были преданными евангельскими христианами. Их постоянные «благослови вас Бог» и «по воле Божьей» для такого крутого секретного агента, как я, звучали не к месту. А потому в моем восприятии они были врагами.

Помню, однажды я проходил мимо окон их дома как раз тогда, когда миссис Уэтстра ставила в печку пироги. Прямо у входной двери я увидел новехонькое оконное стекло, прислоненное к стене. При виде стекла у меня возникла идея. Теперь-то я смогу посмотреть, как вечно улыбающийся Уэтстра выйдет из себя, как положено обычному голландцу. Я взял стекло и очень осторожно стал пробираться через линию фронта в тыл врага. К соломенной крыше дома Уэтстров, как у всех домов в нашей деревне, была приставлена лестница. Я снял свои кломпены и полез наверх. Очень тихо я плашмя положил стекло на трубу. Затем слез с крыши, перешел на другую сторону улицы и спрятался за

повозкой торговца рыбой, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Естественно, дым по трубе полез обратно в дом. Он наполнил кухню и густыми клубами повалил из окон. Миссис Уэтстра с громкими криками прибежала на кухню, быстро открыла печку и фартуком стала разгонять дым. Мистер Уэтстра выбежал на улицу и взглянул вверх на трубу. Если я и ожидал обильного потока смачной голландской прозы, то мне пришлось разочароваться, но, когда он торопливо лез по лестнице вверх, выражение его лица было совершенно земным, и я записал на свой счет знаменательную победу над грозным противником.

Еще одним моим любимым врагом был мой старший брат Бен. Как все другие старшие братья, Бен был непревзойденным мастером меняться. Его угол в нашей общей спальне на чердаке всегда был забит чудесными вещичками, которые когда-то принадлежали мне и другим детям. Мы же никогда не могли вспомнить, что получили от него при обмене. Главным его богатством была розовая свинья-копилка, которая когда-то принадлежала нашей сестре Мартье. В ней Бен хранил деньги, заработанные выполнением мелких поручений для бургомистра или работой в саду мисс Мекле, нашей школьной учительницы. Новости из Германии поступали все чаще, и в моем воображении Бен был страшно богатым немцем, производившим военное снаряжение. Однажды, когда он в очередной раз отправился на заработки, я снял с полки его копилку, засунул в щель нож и опустил хрюшку спиной вниз. Примерно через пятнадцать минут тайных

вылазок против нацистской охраны в коричневых рубашках, я конфисковал у врага почти целый гульден.

Это было нетрудно. Намного труднее было решить, что делать с добычей. Гульден равнялся двадцати пяти центам — целое состояние для ребенка из деревни. Если с такими деньгами я заявлюсь в бакалейную лавку, наверняка последуют расспросы.

Но я придумал, что делать! А что если я скажу, что нашел деньги? На следующий день в школе я подошел к учительнице, протянул руку и сказал: «Посмотрите, что я нашел, мисс Мекле».

Мисс Мекле медленно выдохнула: «Ого! Как много денег!»

«Можно, я оставлю их себе?»

«А ты не знаешь, чьи это деньги?»

Даже под пытками я бы не сказал правды. «Нет, мэ. Я нашел их на улице».

«Тогда их нужно отнести в полицию, Анди. Там скажут, что делать».

Полиция! Об этом я не подумал. В тот же день в страхе и трепете я отнес деньги к хранителям закона и порядка. Я боялся так, как если бы наш участок был настоящим гестапо. Мне казалось, что деньги блестят каким-то особым, предательским образом. Но, по всей видимости, моей истории поверили, потому что начальник полиции написал на конверте мое имя, положил в него деньги и сказал, что, если в течение года никто их не востребует, мне их вернут.

Итак, через год я все-таки пошел в бакалейную лавку. Бен так никогда и не хватился своих денег. Однако этот факт испортил всю игру. Вместо привкуса саботажа в тылу врага конфеты отдавали обычной кражей.

Я думаю, все мои бесконечные мечты и фантазии о невероятных приключениях были в какой-то степени попыткой убежать от маминого радио. Мама была почти инвалидом. Из-за больного сердца она вынуждена была большую часть времени проводить в кресле, и ее единственным утешением было радио. Но она слушала только одну передачу — евангелическую радиопрограмму из Амстердама. Иногда там пели гимны, а иногда проповедовали; на меня это всегда навевало тоску.

Но не на маму. Религия была ее жизнью. Мы были бедными даже по стандартам Витте, а наш дом — самым маленьким в деревне. Но к нашим дверям тянулись бесконечные нищие, странствующие проповедники, цыгане, которые знали, что за маминым столом всегда и всем найдется место. В такие дни сыр нарезался еще тоньше, суп разбавлялся водой, но гость получал свою порцию.

Бережливость для мамы была так же важна, как гостеприимство. Уже в четыре года я умел чистить картошку, снимая наитончайшую кожуру. Когда мне исполнилось семь лет, эта обязанность перешла к моему младшему брату Корнелиусу, а мне было поручено более ответственное дело — начищать до блеска обувь. То были не повседневные клопены, а наши воскресные кожаные туфли, и если пара туфель

изнашивалась раньше чем через пятнадцать лет службы, то это являлось экономической катастрофой. Мама говорила, что туфли должны сиять так, чтобы проповеднику пришлось прикрывать глаза от их яркого блеска.

Поскольку маме нельзя было поднимать тяжести, Бен каждую неделю стирал. Белье нужно было положить в корыто, а затем вытащить из него, поскольку собственно стирка производилась движением пары вальков. Это технологическое новшество было гордостью нашего дома. Мы по очереди заменяли Бена у рукоятки, толкая ее взад и вперед до тех пор, пока не начинали ныть руки.

Единственным членом семьи, который ничего не делал, был мой старший брат Бастиан. Он был на два года старше Бена и на шесть лет старше меня. Баса никогда не учили никакой работе. Весь день он стоял под вязом у дороги, наблюдая, как мимо него проходят деревенские жители. Витте гордилась своими вязами, росшими на земле, бедной деревьями. У каждого дома росло по вязу, и их ветви переплетались, образуя над дорогой зеленую арку. Почему-то Бас никогда не стоял под нашим вязом. Он выбрал себе третий вниз по дороге и там оставался весь день, пока кто-нибудь из нас не уводил его домой на ужин.

Думаю, что после мамы я любил Баса больше всех на свете. Когда мимо него проходили деревенские, они обычно обращались к нему, чтобы увидеть на его лице чудесную застенчивую улыбку: «А, Бас!» Долгие годы он так часто слышал эти слова, что наконец начал

повторять их, и это были единственные слова, которые он мог сказать.

Но хотя Бас не мог говорить и даже одеться самостоятельно, у него был странный и удивительный талант. В нашей крошечной гостиной, как и во многих домах голландцев в 30-е гг., стоял маленький орган. Папа единственный в семье умел читать ноты, и вечерами он садился на маленькую скамеечку, нажимал ногой на педали и подбирал мелодию из древнего сборника гимнов, а все остальные пели.

Все, кроме Баса. Как только отец начинал играть, Бас бросался на пол и пробиравался под орган, где сворачивался у папиных ног и крепко прижимался к инструменту. Конечно, папа играл грубо и с ошибками не только потому, что он не слышал музыки, но и потому, что долгие годы работы молотом по наковальне сделали его пальцы толстыми и неуклюжими. Иногда за вечер он извлекал из инструмента столько же правильных, сколько и неправильных нот.

Но Басу было все равно. Он прижимался к вибрирующему дереву с выражением неопишуемого восторга. Оттуда, где он лежал, он не мог видеть, по каким клавишам бьет отец. Но вдруг Бас вставал и мягко трогал папу за плечо.

«А, Бас, а, Бас», — говорил он.

Тогда папа вставал, а Бас садился на его место на скамеечке. Он всегда начинал возиться со сборником, как папа, деловито переворачивая страницы, но книжка частенько стояла у него вверх ногами. Затем, поглядывая на страничку сборника, как папа, он

начинал играть. С самого начала и до конца он проигрывал все песни, которые папа исполнял в тот вечер. Но не так, как папа — неуверенно, неловко и фальшиво. Бас играл безошибочно и так красиво, что люди на улице останавливались, чтобы послушать музыку. В летние вечера, когда дверь была открыта, у нашего дома собиралась толпа и у многих слушателей по щекам катились слезы. Ибо, когда играл Бас, казалось, за органом сидит ангел.

Конечно, большим событием каждой недели было посещение церкви. Витте стояла на польдерах, прибрежной территории, которую в течение многих поколений голландцы отвоевывали у моря. Поэтому наша деревня, как и все деревни в польдерах, была расположена вдоль дамбы. У нас была всего одна улица, ведущая с юга на север по верху дамбы. Дома стояли практически на островах, представлявших собой земляную насыпь, возвышающуюся над водой, и каждый дом соединялся с дорогой крошечным мостиком, перекинутым через осушительный канал. В обоих концах улицы на самых больших возвышениях стояли две церкви.

Со времен испанской оккупации в Голландии по-прежнему существует некоторая напряженность между католиками и протестантами. В течение рабочей недели торговец рыбой спокойно общается с владельцем скобяной лавки, но в воскресенье первый со своей семьей идет в северную часть деревни в римскую католическую церковь, в то время как второй направляется с семьей на юг в протестантскую церковь, и по пути они не приветствуют друг друга даже кивком головы.

Наша семья страшно гордилась своими протестантскими традициями. Я думаю, отец был очень доволен тем, что наш дом располагался в северном конце деревни, потому что вся длина улицы позволяла ему демонстрировать тот факт, что он движется в правильном направлении.

Из-за глухоты папы мы всегда сидели на самом первом ряду в церкви. Но ряд был слишком коротким для всей семьи, и мне всегда удавалось тащиться позади, пропуская вперед маму с папой и остальных детей. Затем я шел к задним рядам, чтобы «найти место». Обычно я находил его как можно дальше от церкви. Зимой я катался по замерзшему каналу на деревянных клопенах. А летом во время богослужения я сидел в поле так тихо, что вороны садились мне на плечо и слегка поклевывали ухо.

Какой-то удивительный инстинкт всегда точно подсказывал мне, когда заканчивается богослужение, и я успеваю вовремя проскользнуть на церковную паперть в тот самый момент, когда первые страдальцы выходили из здания церкви. Я стоял рядом с проповедником, который ни разу не заметил моего отсутствия. Я слушал, что говорят прихожане о проповеди, и таким образом узнавал тему, содержание, а иногда даже сущность всего повествования.

Эта разведка была исключительно важной для меня, потому что без нее я не смог бы справиться с главной частью этого приключения. В Голландии было принято после церкви собираться по домам. Такие собрания обязательно включали в себя три компонента: там пили кофе, курили сигары и подробно обсуждали проповедь.

Мужчины в нашей деревне могли позволить себе эти длинные черные сигары только раз в неделю. Каждое воскресенье, когда жены варили крепкий черный кофе, они вытаскивали свои сигары и закуривали с великой торжественностью. По сей день, когда я улавливаю запах кофе и сигар, мое сердце начинает биться сильнее. Этот запах ассоциируется у меня со страхом и возбуждением — смогу ли я и на этот раз одурачить родителей, которые считают, что я был в церкви во время проповеди?

«Насколько я помню, проповедник только в прошлом месяце говорил на тему из Евангелия от Луки (3:16)», — замечал я, отлично зная, что это не так, но таким образом давая понять присутствующим, что я прекрасно помню, о чем проповедовал сегодня наш пастор.

Или: «Хорошо он сегодня сказал о политиках, — вставлял я, воспользовавшись тем, что ухватил кусочек разговора. — Думаю, бургомистр будет взбешен».

Эта техника срабатывала на отлично. Сейчас я краснею, когда вспоминаю, как редко посещал церковь в том возрасте. Но я краснею еще больше, когда вспоминаю, что моя доверчивая и простосердечная семья ничего не подозревала.

К 1939 г. вся страна увидела то, что семья Уэтстров поняла уже давно — Германия всерьез настроилась завоевать ряд стран, куда входила и Голландия. В нашем доме редко говорили об этом. Бас был болен, доктор назвал его болезнь туберкулезом. Папа с мамой

перебрались на матрац в гостиной. В течение долгих месяцев Бас лежал в их крошечной спальне и кашлял, кашлял и кашлял. Его тело усохло настолько, что на кровати остались лежать только кожа да кости. Его страдания усугублялись тем, что он не мог сказать нам, как он себя чувствовал.

Помню, как однажды, как раз после моего одиннадцатого дня рождения, я пробрался к нему в комнату, пока мама возилась на кухне. Входить туда было строго-настрого запрещено, потому что его болезнь была заразной. Но я именно этого и хотел. Если Бас умирал, то я тоже хотел умереть. Я бросился к нему на постель и целовал его в губы. Бас умер в июле 1939 г., а я был здоров, как всегда, и мне казалось, что Бог обманул меня дважды.

Через два месяца, в сентябре, правительство объявило о всеобщей мобилизации. Впервые мама настроила свое радио на волну новостей. Мы включали приемник на полную мощность, но папа все равно не слышал. Тогда моя младшая сестра Гелтье садилась рядом с ним и выкрикивала ему самые важные сообщения.

«Все резервные части активизированы, папа».

«Все частные автомобили реквизированы».

К вечеру на дорогах образовывались пробки, и эти бесконечные пробки стали характерной чертой последних месяцев перед вторжением немцев на нашу территорию. Все автомобили Голландии двинулись в путь. На север устремилось столько же машин, сколько и на юг. Никто не знал, откуда ждать нападения, но все

старались как можно быстрее уехать. День за днем, в мешковатых брюках и потертой рубашке, я стоял под деревом, где когда-то стоял Бас, и наблюдал за происходящим. Ни у кого не было желания разговаривать.

Только мистер Уэтстра, казалось, набрался смелости выразить словами то, что мы все знали. Не понимаю, почему меня в это время так потянуло к этой семье, но я частенько проходил у них под окнами.

«Добрый день, Андрей».

«Добрый день, миссис Уэтстра».

«Идешь по поручению мамы? На, съешь печенье, чтобы сил прибавилось». Она взяла блюдо с печеньем и поднесла к окну.

Мистер Уэтстра выглянул из-за стола на кухне. «Это маленький Андрей? Хочешь посмотреть на мобилизацию?»

«Да, сэр». По какой-то причине я спрятал печенье за спину.

«Андрей, молись за страну каждый вечер. Нас ожидают впереди трудные времена».

«Хорошо, сэр».

«Что мы можем сделать своими пугачами против самолетов и танков?»

«Да, сэр».

«Они придут сюда, Андрей, в своих стальных касках, со своим высокомерием и ненавистью, а мы можем лишь молиться». Мистер Уэтстра подошел к окну и

облокотился на подоконник. «Ты будешь молиться, Андрей? Молись, чтобы у нас хватило смелости выполнить то, что мы должны, а исполнив свою обязанность, стоять до конца. Ты сделаешь это, Андрей?»

«Да, сэр».

«Молодец». Мистер Уэтстра вернулся в комнату. «Ну, беги, куда мама просила».

Но, когда я повернулся и пошел было по улице, мистер Уэтстра позвал меня обратно. «Съешь свое печенье. Знаю, наша печка действительно иногда страшно дымит. Но теперь, когда я вставил в окно новое стекло, она работает нормально».

В тот вечер, лежа в своей постели на чердаке, я думал о мистере Уэтстра. Значит, он знал про печку. И не сказал отцу, как сделал бы любой взрослый в нашей деревне. Интересно почему. Мне также было интересно знать, почему он просил меня молиться. Что пользы от моих молитв! Бог их не услышит. Если немцы действительно придут, я сделаю им что-нибудь более серьезное, чем молитвы. Я уснул с мечтами о тех подвигах, которые в одиночку совершу против врага.

К апрелю Витте заполнили беженцы из прибрежных поселений к востоку от нас. Чтобы задержать продвижение немецкой армии, Голландия бомбила собственные каналы, намеренно затапливая землю, которую в течение многих веков дюйм за дюймом люди отвоевывали у моря. Во всех домах,

кроме нашего, слишком маленького, жили беженцы из затопленной зоны, а мамины кастрюльки с супом дымились день и ночь.

Но, конечно же, немцы пришли не по суше. Первые самолеты пролетели над Витте 10 мая 1940 г. Мы всю ночь просидели в гостиной, тесно сбившись в кучку, и никто не хотел спать. Весь следующий день над нами летали самолеты и мы слышали взрывы, когда они бомбили маленький военный аэродром в четырех милях от нашей деревни. Наступил мой двенадцатый день рождения, но всем было не до этого.

Затем немцы начали бомбить Роттердам. Радиодиктор из Хилверсума, который читал сообщения с самого начала мобилизации, плакал, передавая эту новость. Роттердам был стерт с лица земли. Всего за один час город был уничтожен. Это был блицкриг, молниеносная война. На следующий день Голландия капитулировала.

Через несколько дней в Витте прибыл жирный маленький лейтенант на полицейской машине и устроился в доме бургомистра. Его сопровождала группа немецких солдат, в основном пожилых людей. Витте не была важным населенным пунктом, чтобы командование решило отвлечь на нее первоклассные войска.

На какое-то время мои фантазии о сопротивлении превратились в реальность. Часто, когда часы били два пополуночи, я тихо спускался по лестнице с чердака. Я знал, что мама слышит, потому что ее размеренное дыхание прерывалось, когда я проходил мимо. Но она никогда не останавливала меня. На следующее утро она

не спрашивала, что произошло с нашим драгоценным сахаром, который выдавался малыми порциями. И все в деревне удивлялись, когда машина лейтенанта начинала доставлять ему беспокойство. Зажигание не срабатывало. Мотор невозможно было завести. Одни говорили, что в бензобаке обнаружили сахар, другие не верили в это.

В городах продукты закончились раньше, чем в сельскохозяйственных районах. В своей детской войне я использовал и этот факт. Однажды жарким днем первого года войны я наполнил корзину капустой и помидорами и прошел четыре мили до Алкмара. Там, в магазине, сохранился старый запас довоенных хлопущек, а я знал, что владельцу нужны овощи.

Я торговался, как мог, и в результате нагрузил свою корзину хлопущками, прикрыв их сверху цветами, которые принес специально для этой цели. Владелец молча наблюдал. Затем с внезапной решимостью он залез под прилавок и вытащил огромную игрушечную бомбу.

«У меня больше нет овощей».

«Тебе лучше вернуться домой до комендантского часа».

В ту ночь в Витте полы на чердаке опять заскрипели и опять мама затаила дыхание. Я тихо выскользнул в ночь. Патруль из двух солдат шел по улице к нашему дому. Они освещали факелами каждое здание. Услышав приближающиеся шаги, я прижался к стене и замер. Как только солдаты прошли мимо, я быстро перешел по мостику между нашим домом и дорогой, а

затем побежал в обратном от солдат направлении к дому бургомистра. Пока патруль находился в противоположном конце улицы, я легко мог взорвать огромную бомбу у дверей дома лейтенанта. Но мне хотелось чего-нибудь поинтереснее. Я был лучшим бегуном в деревне и решил, что будет забавно заставить старых солдат побегать за мной. Не думаю, что им было за пятьдесят, но в то время они казались мне совершенно дряхлыми.

Поэтому я подождал, пока патруль вернется. Как только они дошли до своего штаба, я включил свой мотор и помчался.

«Стой!» Меня осветил фонарь, и я услышал, как щелкнул затвор винтовки. Я совсем не подумал о винтовке! Я мчался как заяц, зигзагами. Затем взорвалась оставленная мной игрушечная бомба, и внимание солдат на минутку переключилось на взрыв. Я рванул через первый же мостик, возникший передо мной из тьмы, забежал в сад и бросился плашмя среди кочанов капусты. Они охотились за мной почти час, выкрикивая грубые немецкие слова, пока наконец не сдались.

Воодушевленный этим успехом, я стал взрывать хлопушки даже днем. Однажды я вылез из своего укрытия и тут же нарвался прямо на солдат. Бегство лишь подтвердило бы мою вину. Но в руках у меня были сильнейшие улики: в левой была зажата хлопушка, а в правой — спички.

«Ты! Иди-ка сюда!»

Моя рука судорожно сжала хлопушку. Я не решился сунуть ее в карман, в первую очередь они полезут туда.

«Ты взорвал хлопушку?»

«Хлопушку? О нет, сэр!»

Руками, сжимавшими хлопушку и спички, я схватил полы моего пиджака и широко распахнул их, как бы приглашая сделать обыск. Солдат тщательно осмотрел меня, начиная с широких штанов и заканчивая кепкой. Когда он с отвращением отвернулся, хлопушка у меня в руке была мокрой от пота.

Но со временем даже я устал от этих игр. В деревнях рядом с нашей заложников выстраивали и расстреливали, а дома сжигали дотла. Там росло и ширилось настоящее сопротивление. Шутки о немцах перестали казаться смешными.

По всей Голландии увеличивалось количество *onderduikers* (буквально — «подводники»), то были мужчины и подростки, прятавшиеся от оккупантов, чтобы не попасть в число тех, кого угоняли в Германию на принудительные работы. Бену было шестнадцать, когда началась война, и он «нырнул» в укрытие на ферме неподалеку от Эрмело в первый же месяц войны, и в течение пяти лет мы ничего о нем не слышали.

Обладатели радио становились преступниками в глазах новой власти. Мы прятали мамино сокровище в узкую щель под крышей и по одному ходили туда, чтобы послушать новости на родном языке,

передававшиеся из Лондона. Позже, когда голландская железная дорога объявила забастовку, мы умудрялись втискивать в эту щель даже железнодорожных рабочих, и, конечно же, у нас всегда бывали евреи, которых мы прятали там на ночь, когда они шли мимо нас к побережью.

Потребность немцев в живой силе все возрастала, и оккупационные войска из Витте ушли. Но наши страдания на этом не закончились — начались облавы. В любое время дня и ночи в деревне могли неожиданно появиться грузовики, блокируя улицу с обеих сторон, и отряд солдат обыскивал каждый дом в поисках работоспособных мужчин. Мне не было и тринадцати, когда однажды при очередном появлении немцев я убежал вместе с остальными уцелевшими мужчинами и подростками. Мы бежали через поля, низко согнувшись, перепрыгивая через каналы, направляясь в болота за железной дорогой. Железнодорожное полотно было слишком высоким, чтобы на него можно было взобраться, и оттуда нас бы наверняка увидели, поэтому мы нырнули в широкий канал, который протекал под железнодорожным мостом, и потом ползли насквозь промокшие, задыхаясь и дрожа от холода. К концу войны к нам присоединились даже маленький Корнелиус и глухой папа.

В периодах между облавами жизнь превратилась в мрачную борьбу за существование. Электричество было доступно только для немцев. Без электричества не работали насосы, а потому дождевая вода задерживалась в каналах и гнила. В домах мы пользовались масляными лампами, а масло выжимали сами из капустных семян. Угля не было, поэтому в

Витте стали вырубать любимые всеми вязы. Дерево, под которым любил стоять Бас, срубили на второй год.

Но главным врагом, хуже чем холод и солдаты, был голод. Мы были постоянно, мучительно, бесконечно голодными. Весь урожай сразу после сбора забирали для фронта. Мой отец выращивал овощи, как и раньше, но большую часть урожая снимали немцы. В течение нескольких лет наша семья из шести человек жила на рацион для двоих.

Сначала мы дополняли этот скудный рацион луковицами тюльпанов из нашего сада и ели их, как картошку. Но в конце концов кончились даже тюльпаны. Мама делала вид, что ест, но часто ночами я видел, как она делила свою крошечную порцию, чтобы отдать нам. Ее единственным утешением было то, что Бас не дожил до этих времен. Он бы никогда не понял мучительной боли в желудке, холодного очага и улицы без деревьев.

Но вот наступил день, когда мама совсем перестала вставать с постели. Мы знали, что, если война скоро не кончится, она умрет.

Но весной 1945 г. немцы ушли и вместо них в Голландии появились канадцы. Люди стояли на улицах, плача от радости. Но меня с ними не было. Я пробежал не останавливаясь пять миль и добрался до канадского лагеря, где сумел выпросить небольшой мешочек сухарей.

Хлеб! Это был буквально хлеб жизни!

Я принес его домой с криками «Еда! Еда! Еда!». Когда мама жевала сухари, слезы благодарности Богу катились по ее глубоким морщинам на впалых щеках.

Война закончилась.

Глава вторая

Желтая соломенная шляпа

Однажды летним днем 1945 г., через несколько месяцев после освобождения, я пришел домой и моя младшая сестренка Гелтье сказала, что отец хочет меня видеть.

«Он в саду», — сообщила она.

Я прошел через темную кухню и вышел к капустной грядке, щурясь от яркого солнца. В руках у папы была мотыга, на ногах клопены, и он, наклонившись над грядкой, с терпеливой настойчивостью выдергивал сорняки. Я подошел к нему спереди и громко закричал: «Ты звал меня, папа?»

Папа медленно распрямил спину. «Тебе семнадцать лет, Андрей». Я сразу понял, о чем пойдет речь.

«Да, папа».

«Что ты намерен делать со своей жизнью?»

Мне было неудобно, оттого что отец так громко кричал. И я, отвечая ему, тоже вынужден был кричать. «Не знаю, папа».

Сейчас он спросит, почему мне не нравится профессия кузнеца. Так оно и случилось. Теперь он спросит, почему я прекратил учиться на автослесаря —

я попытался было научиться этому во время оккупации. Он и об этом спросил. Я знал, что вся Витте слышит его вопросы и мои уклончивые и туманные ответы, которыми я хотел удовлетворить его.

«Пора тебе выбрать профессию, Андрей. К осени я жду твоего решения».

Отец снова склонился со своей мотыгой, и я понял, что разговор окончен. У меня оставалось два месяца на решение своей судьбы. Но я знал, чего хочу: жизни, не ограниченной рамками обыденности. Я хотел приключений. Я мечтал уехать из Витте, уйти от людей, которые привыкли все время оглядываться назад.

Но я также знал, что перспективы у меня не блестящие. Немцы пришли, когда я учился в шестом классе. Они оккупировали здание школы и этим поставили точку в моем образовании.

Единственное, что мне оставалось, — бежать из дому. В тот день я перешел босиком канал и побежал по маленькой тропинке, которой пользовались фермеры. Через пять миль я только разогрелся. Я пробежал через город, в котором покупал фейерверк. Теперь в голове у меня прояснилось и мысли работали четко.

Я взбирался на насыпь, которая вела к Витте, с нарастающим ощущением, что близок к ответу. Наконец я принял решение. В газетах постоянно писали о восстаниях в колониях. Голландская Ост-Индия, недавно освободившаяся от японцев, теперь стремилась к независимости от Голландии. Каждый день нам напоминали о том, что эти колонии —

голландская земля, т.е. ставшая таковой за триста пятьдесят лет. Почему бы нашим войскам не вернуть их голландской короне?

Почему нет? В тот вечер я объявил домашним, что я знаю, что делать.

«Что, Анди?» — спросила Мартъе.

«Я пойду в армию».

Мама инстинктивно затаила дыхание. «О, Андрей!» Она видела слишком много армий. «Неужели мы постоянно будем думать об убийствах?»

Но отец и братья были иного мнения. На следующей неделе я взял у отца велосипед и отправился на пункт вербовки в Амстердаме. К ночи я вернулся домой, понурый и разочарованный. В армию брали только тех семнадцатилетних, которым в текущем году исполняется восемнадцать. А мне восемнадцать будет только в мае 1946 года!

В январе я опять пришел на вербовочный пункт, и на этот раз меня приняли. Очень скоро я важно выступал в Витте в новой форме, не замечая, что брюки были маловаты, а мундир слишком велик, и вообще выглядел я несколько несуразно. Но я настроился вернуть колонии королеве и, может быть, проучить нескольких грязных революционеров, которые, как все утверждали, были коммунистами и вырожденками. Эти два слова соединялись почти автоматически.

Единственные люди, которые не отреагировали восторженно на мое решение, были Уэтстры. Я гордо прошелся мимо их дома.

«Привет, Анди».

«Доброе утро, мистер Уэтстра».

«Как мама с папой?»

Неужели он не видит моей формы? Я повернулся таким образом, чтобы солнце отразилось на пряжке моего солдатского ремня. Наконец я выпалил: «Знаете, я пошел в армию. Я отправляюсь в Ост-Индию».

Мистер Уэтстра откинулся назад, словно хотел рассмотреть меня получше. «Да, вижу. Итак, отправляешься за приключениями. Я буду молиться за тебя, Андрей. Я буду молиться, чтобы твои приключения понравились тебе».

Я уставился на него в великом изумлении. Что он имел в виду под приключениями, которые должны мне понравиться? Отсюда, с ровных и унылых полей, тянующихся от Витте во всех направлениях, я считал, что любые приключения понравятся мне больше, чем затяжной сон этой деревни.

Итак, я покинул свой дом. Я расстался с ним не только физически, но и эмоционально. Я старательно трудился во время предварительной подготовки и впервые в жизни почувствовал, что делаю то, что мне нравится.

О, как мне нравилось, что ко мне относятся как ко взрослому. Часть подготовки проходила в городке Горкум. Каждое воскресенье я ходил в церковь, но не потому, что меня интересовало служение, а только затем, что после я надеялся попасть на обед. Мне

ужасно нравилось рассказывать за обедом, что меня назначили в специальный диверсионно-десантный отряд для отправки в Индонезию.

«Через несколько недель, — говорил я, театральным жестом отодвигаясь на стуле и доставая свою воскресную сигару, — я столкнусь лицом к лицу с врагом». Затем, бросив на хозяев несколько рассеянный взгляд, я спрашивал, будут ли они писать мне. Они всегда соглашались, и, прежде чем я уехал из Голландии, в моей записной книжке было семьдесят адресов.

Одним из моих корреспондентов была девушка. Я встретил ее после воскресной службы в реформатской церкви. Это была самая красивая девушка из всех, кого я видел прежде. Она была примерно одного со мной возраста, очень тоненькая, с иссиня-черными волосами. Но более всего меня поразила ее кожа. Я читал о белой как снег коже, но впервые в жизни увидел такой цвет лица своими глазами. После приятной дремы во время богослужения я отправился на поиски желающих пригласить меня на обед. И конечно, мои расчеты оправдались и на этот раз. Белоснежка стояла у дверей. Она сама представилась.

«Я Тиле», — сказала она.

«А я Андрей».

«Моя мама спрашивает, не хотите ли вы отобедать с нами».

«С удовольствием», — ответил я и через несколько минут покинул церковь с принцессой, державшей меня под руку.

Отец Тиле был торговцем рыбой. Они жили прямо над своим магазином, недалеко от морского побережья в Горкуме. Во время обеда приятные запахи с причала смешивались с ароматами вареной капусты и ветчины. После обеда мы сидели в семейной гостиной.

«Сигару, Андрей?» — предложил отец Тиле.

«Спасибо, сэр». Я взял одну сигару и стал крутить ее в пальцах так, как это делали мужчины в Витте. Честно говоря, мне не нравилось курить сигары, но чувство сопричастности мужскому сословию было так сильно, что я мог бы курить веревки и получать удовольствие от этого. Пока мы пили и дымили сигарами, Тиле сидела спиной к окну, и яркое полуденное солнце делало ее волосы еще более синими, чем всегда. Она почти ничего не говорила, но я уже знал, что эта молодая девушка будет писать мне и, может быть, станет не только моей корреспонденткой.

22 ноября 1946 г. — последний день на родине. Я уже попрощался с Тиле и другими семьями в Горкуме. Теперь нужно было повидаться со своей семьей.

Если бы я знал, что вижу маму в последний раз, я бы не вел себя как рвущийся на фронт бравый солдат. Но я не знал и потому принял объятия матери как нечто должное. Я думал о том, как замечательно выгляжу: на мне хорошо подогнанное обмундирование, я в отличной физической форме, волосы по-армейски коротко подстрижены.

Я уже собирался уходить, когда мама достала из-под фартука маленькую книгу. Я сразу понял, что это Библия.

«Андрей, возьмешь ее с собой?»

Конечно, я сказал «да».

«Ты будешь читать ее, Андрей?»

Вы когда-нибудь говорили своей маме «нет»? Вы можете чего-то не сделать, но не можете сказать «нет». Я положил Библию в рюкзак, на самое дно, и забыл про нее.

Наше транспортное судно «Sibajak» достигло берегов Индонезии как раз перед Рождеством 1946 г. Мое сердце забилося в волнении от нахлынувших на меня тяжелых тропических ароматов. Полуобнаженные грузчики торопливо сновали вверх и вниз по трапам. Я вдыхал эти новые запахи, вслушивался в голоса торговцев, которые пытались привлечь наше внимание. Закинув рюкзак на плечи, под палящим солнцем я с трудом сошел вниз по трапу. Тогда я не подозревал, что через несколько недель буду убивать детей и вооруженных взрослых, таких же, как те люди, что сейчас толпились вокруг меня.

Некоторые торговцы продавали обезьянок. На шее у зверьков были цепочки, и многие из них умели делать разные трюки. Меня страшно заинтересовали эти маленькие животные со своими серьезными, старческими мордочками, и я наклонился, чтобы получше рассмотреть их.

«Не трогай их!»

Я выпрямился и увидел, что ко мне обращается один из наших офицеров.

«Они кусаются, солдат». Офицер улыбался, но был в то же время очень серьезен. «И половина из них больна бешенством».

Он прошел дальше, а я убрал руку. Мальчишка побежал за офицером, громко обвиняя его в том, что тот помешал ему совершить сделку. Я вернулся в строй выгружавшихся солдат, но твердо решил, что обязательно заведу себе обезьянку.

Те из нас, кто были назначены в диверсионно-десантные отряды, были отправлены на ближайший остров для тренировки. Мне нравилось бегать и преодолевать препятствия: перелезать через стены, переправляться через реки и потоки, повиснув на лианах, ползком пролезать в трубы и тоннели, низко согнувшись под беспрерывным пулеметным огнем. Еще больше мне нравились рукопашные бои, где мы работали штыками, ножами и голыми руками. «Хай-хо!» Выпад, удар, опять стремительный выпад против врага с раскрытым ножом. Но почему-то мне никогда и в голову не приходило, что я учусь убивать людей.

В подготовку десантника входило развитие чувства уверенности в себе. Но здесь мне не требовалось большой тренировки. С самого детства у меня была ничем не обоснованная уверенность в том, что я сделаю все, что захочу.

Так было, например, с вождением тяжелой транспортной машины на гусеничном ходу, которая называлась Брен. Даже те, кто умел водить машину, с трудом справлялись с этой машиной. Я же вообще не умел водить. Но каждый раз, когда мы отправлялись на

маневры, я наблюдал за водителем до тех пор, пока наконец не решил, что понял все, что требуется.

И вдруг однажды у меня появился шанс выяснить это на практике. Выйдя из штаба, я наткнулся на офицера.

«Ты умеешь водить транспортер, солдат?»

Я быстро отдал честь и еще быстрее ответил: «Да, сэр».

«Нужно поставить вон тот Брен в гараж. Пойдем».

Прямо перед нами на повороте стояла транспортная машина. Гараж находился в трехстах ярдах от нее. Там были припаркованы еще семь транспортеров один за другим. Я шлепнулся на сиденье водителя, а офицер уселся рядом. Я посмотрел на приборный щиток. Передо мной был ключ зажигания, и я помнил, что водитель прежде всего поворачивал этот ключ. Естественно, мотор чихнул и заработал. Так, а на какую педаль нужно теперь нажать? Я надавил на одну из них, и она легко подалась вниз, а я понял, что мне опять повезло. Я включил скорость, отпустил сцепление, и сильным рывком мы двинулись вперед.

Офицер взглянул на меня, но ничего не сказал: никто из водителей Бренов не ездит гладко и ровно. Но когда я на полном ходу пустился по улице лагеря, я заметил, что офицер обеими руками вцепился в поручни и крепко уперся ногами в пол. Мы промчались эти триста ярдов с одним маленьким недоразумением, в результате которого проходивший по улице сержант показал рекордную скорость реакции, буквально

вылетев из-под колес нашей машины. И вот мы приблизились к другим транспортерам.

Но я уже понял, что попал в беду.

Я не знал, где находятся тормоза. Дрожащими руками и ногами я пробовал нажимать на все кнопки и рычаги, какие мог найти в машине. Среди всего прочего я включил акселератор, и последним рывком мы врезались в выстроившиеся транспортные машины. Все семь Бренов двинулись вперед, и каждый врезался в зад впереди стоявшего, пока мы наконец не остановились в дыму и гари и мотор нашей машины не заглох окончательно.

Я покосился на офицера. Он смотрел прямо перед собой широко раскрытыми глазами, по лицу градом катился пот. Он вылез из машины, перекрестился и ушел, даже не взглянув на меня. К транспортеру подбежал сержант и выдернул меня с водительского сиденья.

«В чем дело, солдат? Что ты натворил?»

«Он спросил меня, умею ли я водить машину. Но он не спросил, умею ли я останавливаться!»

Вероятно, мне повезло, что на следующее утро мы уезжали на первое боевое задание. Говорили, что нас посылают на вырубку командос, которые в боях потеряли три четверти своего состава.

На рассвете мы вылетели на фронт.

И я сразу понял, что ошибался насчет этого приключения. Это была не просто опасность — опасность я любил — это было убийство. Теперь

нашими мишенями стали не бумажные фигуры, а такие же отцы и братья, каких я оставил дома. Часто мы стреляли по простым мирным жителям.

Что же я делаю? Как попал сюда? Я был себе отвратителен.

Затем однажды произошел случай, воспоминание о котором преследует меня всю жизнь. Мы шли через деревню, которая еще не совсем опустела. Мы чувствовали себя уверенно, потому что были убеждены, что коммунисты не станут минировать деревню, в которой оставались их люди. Больше всего на свете мы боялись мин. Мы боялись их всегда. Эти омерзительные устройства могли выпрыгнуть у вас из-под ног, взорваться и оставить вас на всю жизнь пресмыкающимся калекой. В течение трех недель мы постоянно участвовали в боях и нервы у всех были на пределе. Вдруг где-то посреди деревни мы наткнулись на гнездо мин. Отряд пришел в бешенство. Без приказа, без причины мы открыли огонь по всему, что двигалось. Мы стреляли во все, что попадалось нам на глаза. Когда мы пришли в себя, в деревне не осталось ни души. Мы обошли заминированный участок и прошли через уничтоженную нами деревню. На окраине я увидел зрелище, которое чуть не свело меня с ума. На земле в луже собственной крови лежала молодая индонезийская женщина с младенцем на груди. Оба были убиты одной пулей.

После этого я готов был застрелиться. Но знаете, в течение следующих двух лет я стал знаменитостью в наших войсках за свою смелость и отвагу. Я купил ярко-желтую соломенную шляпу и всегда брал ее с собой в

бой. Это был вызов и приглашение. «Вот я! — кричала моя шляпа. — Стреляйте в меня!» Постепенно вокруг меня собрались ребята, такие же бесшабашные, как я, и вместе мы придумали лозунг, который был известен во всем лагере: «Будь мудрым — будь безумным!»

Все, что мы делали в течение тех двух лет, будь то на поле боя или на отдыхе в лагере, было крайностью. Если мы дрались, то дрались как безумные. Если пили, то пили до бесчувствия. Мы вместе таскались из бара в бар и били витрины местных магазинов пустыми бутылками.

Когда я очнулся от этих оргий, я никак не мог понять, зачем я это делал. Однажды мне пришлось

в голову, что, может быть, армейский капеллан в состоянии помочь мне. Я слышал, что его можно застать в офицерском баре, но, когда я нашел его, он был таким же пьяным и болтливым, как все остальные. Он вышел ко мне, но, узнав, с какой целью я пришел, засмеялся и сказал, что я сам справлюсь. «Но если хочешь, приходи на службу перед тем, как идти в бой, — сказал капеллан, — тогда будешь убивать людей, удостоенный благодати». Он подумал, что отпустил очень смешную шутку, и вернулся в бар, чтобы рассказать ее остальным.

Тогда я обратился к своим корреспондентам. Я переписывался со всеми людьми, которым обещал писать, и теперь поделился своими сомнениями с некоторыми из них. Они же все написали мне в ответ фактически одно и то же: «Ты воюешь за свою страну, Андрей. Поэтому остальное не имеет значения».

Только один человек сказал об этом больше. Это была Тиле. Она написала мне о моей вине. Эти слова потрясли меня. Но дальше она говорила о прощении. И тут я ее не понял. Чувство вины сковало меня как цепь, и ничто, чем бы я ни занимался — пил, дрался, писал письма или читал их, — не могло избавить меня от него.

Однажды, когда я был в увольнении в Джакарте, я увидел на базаре маленького гиббона, привязанного к длинному шесту. Он сидел на самом верху и ел какие-то фрукты, и когда я проходил мимо, прыгнул ко мне на плечо и дал мне дольку апельсина. Я засмеялся, и этого было достаточно, чтобы ко мне тут же подбежал продавец-индонезиец.

«Сэр, вы понравились моей обезьянке».

Я опять рассмеялся. Гиббон дважды подмигнул мне, а потом показал зубы, что, по всей видимости, должно было означать улыбку.

«Сколько?»

Вот так я купил обезьяну. Я принес ее с собой в казарму. Сначала все ребята были в восторге.

«Она кусается?»

«Она кусает только жуликов», — ответил я.

Это было легкомысленное замечание, ничего не значившее. Но как только я произнес эти слова, обезьяна вырвалась у меня из рук и, хватаясь за стропила, прыгнула — непонятно почему именно туда — на голову крепко сбитого парня, который на удивление часто выигрывал в покер. Он дернулся и стал

размахивать руками, пытаюсь убрать с головы обезьяну. Вся казарма разразилась хохотом.

«Убери ее от меня, — кричал Ян Зварт, — убери ее!»

Я вытянул руку, и обезьянка прибежала ко мне.

Ян пригладил волосы, одернул рубашку; в глазах его вспыхнул зловещий огонек. «Я убью ее», — тихо сказал он.

Так в этот день я приобрел одного друга и потерял другого. Прошло совсем немного времени, как я заметил, что у обезьянки болит живот. Однажды, когда я нес ее на руках, я почувствовал у нее в области пояса что-то жесткое. Я положил ее на кровать и приказал лежать смирно. Очень осторожно я искал в шерсти то место, пока наконец не обнаружил его. По-видимому, когда обезьяна была совсем малышкой, кто-то обвязал ее куском проволоки и так и не снял ее. Обезьяна выросла, а проволока вросла в тело. Должно быть, она причиняла ей сильную боль.

В тот же вечер я сделал ей операцию. Я взял бритву и сбрил шерсть вокруг пояса на три дюйма в ширину. Обнаженный рубец был красным и страшным. Ребята в казарме смотрели, а я осторожно резал плоть животного до тех пор, пока не дошел до проволоки. Обезьянка лежала удивительно тихо. И даже когда ей было больно, она смотрела на меня такими глазами, словно хотела сказать: «Я все понимаю». Наконец я вытащил проволоку. Она тут же вскочила, закрутилась волчком, принялась прыгать у меня на плече, дергать за волосы к великому восторгу всех ребят в казарме — кроме Яна.

После этого происшествия мы с гиббоном стали неразлучными друзьями. Думаю, я привязался к нему так же крепко, как он ко мне. Мне кажется, в той проволоке, которая связывала его, я усматривал параллель с моим чувством вины, которое точно так же сковывало меня, а в его освобождении видел то, к чему стремился сам. Если днем я не был занят, то брал его с собой на длительные пробежки по лесу. Он несся за мной вприпрыжку до тех пор, пока не уставал. Затем резким прыжком бросался вперед, подпрыгивал и цеплялся за мои шорты, где и висел, пока я не брал его на руки и не сажал на плечо. Вместе мы бегали по десять-пятнадцать миль, куда я не падал на землю и не засыпал. Почти всегда в лесу были обезьяны. Мой маленький гиббон забирался на верхушки деревьев, где качался и болтал со своими собратьями. Когда это произошло впервые, я испугался, что навсегда потерял его. Но когда я поднялся, чтобы вернуться в лагерь, откуда-то сверху раздался резкий и пронзительный крик, шорох листьев, и гиббон тяжелым комом рухнул мне на плечо.

Однажды, когда, веселый и радостный, я вернулся в казарму, меня ожидало письмо из дому. Брат Бен очень подробно писал о похоронах. С большим трудом и не сразу я понял, что речь шла о маме.

По-видимому, они послали телеграмму, но я так и не получил ее. Я чувствовал, что сейчас расплачусь. Я дал обезьяне воды и, пока она пила, ушел из лагеря. Мне не хотелось видеть даже гиббона. Я бежал и бежал, пока у меня не закололо в боку, и вдруг ощутил, как одиноко мне будет теперь без мамы.

На той же неделе Ян Зварт отомстил моему гиббону. Однажды вечером я вернулся после дежурства и меня встретили с новостью: «Андрей, твоя обезьянка мертва».

«Мертва? — я тупо посмотрел на говорившего. — Что случилось?»

«Один из ребят схватил ее за хвост и бил о стену».

«Зварт?»

Парень ничего не ответил.

«Где она?»

«На улице. В кустах».

Я нашел ее на земле, прикрытую ветками. Хуже всего было то, что она оказалась еще жива. Я поднял ее и принес с собой в казарму. У нее была разбита челюсть. В горле зияла огромная дыра. Когда я попытался дать ей воды, она вытекла сквозь дыру в горле. Ян Зварт настороженно смотрел на меня, готовый к драке. Но я не стал драться. Слишком сильная боль, обрушившаяся на меня в последние дни, притупила все мои чувства.

В течение следующих десяти дней я возился с обезьяной днем и ночью. Я зашил ей горло и поил сладкой водой. Я массировал ее маленькие мускулы. Гладил по шерсти. Согревал и постоянно разговаривал с ней. Это было существо, которое я освободил от оков, и я не собирался отпускать его без борьбы.

Медленно, очень медленно мой гиббон начал есть, а затем потихоньку стал ползать по кровати. Потом уже мог садиться и сердито ворчать, если я не торопился

вовремя покормить его. К концу второго месяца он опять бегал со мной в лесу.

Но он навсегда потерял доверие к человеку. В присутствии людей он прекращал дрожать только тогда, когда всеми четырьмя лапами и хвостом обвивал мою руку, а голову прятал у меня на груди.

Когда стало известно о том, что готовится новое наступление, я спросил, кто из водителей сможет взять напрокат машину и отвезти меня с гиббоном вглубь джунглей. «Я хочу отпустить его и быстро уехать, — объяснил я. — Кто отвезет нас?»

«Я поеду».

Я оглянулся. Это был Ян Зварт. Я долго смотрел на него, но он даже не моргнул.

«Хорошо».

Пока мы ехали в лес, я объяснял обезьянке, почему больше не могу держать ее у себя. Наконец мы остановились. Когда я поставил гиббона на землю, его маленькие мудрые глаза посмотрели на меня с пониманием. Он даже не пытался прыгнуть обратно в джип. Когда мы отъехали, он так и остался сидеть на земле, глядя нам вслед, пока мы не скрылись из виду.

На рассвете следующего утра, 12 февраля 1949 г., наш отряд двинулся в путь.

Хорошо, что я отпустил маленького гиббона, потому что мне уже не суждено было вернуться в этот лагерь.

И опять я старался выглядеть таким же бравым, как раньше. Я снова надел свою желтую соломенную

шляпу. Я громко кричал, ругался, день за днем шагая вперед со своей командой, но удача, казалось, отвернулась от меня.

Однажды утром мне в ногу угодила пуля и меня комиссовали.

Это произошло так быстро и — сначала — так безболезненно, что я даже не понял, что случилось. Мы сидели в засаде. С трех сторон нас окружал гораздо более сильный противник. Почему пуля попала в ногу, а не в шляпу, я не знаю, но я упал на бегу. Я знал, что не споткнулся, но встать не смог. Затем я увидел, что в моем ботинке две дыры. Из обеих дырок текла кровь.

«Меня ранило», — позвал я, ничуть не взволнованный. Это был факт, и я констатировал его как таковой.

Мой друг затащил меня в ров, подальше от пуль. Наконец пришли санитары. Они положили меня на носилки и понесли, низко сгибаясь к земле. На мне по-прежнему была желтая шляпа, которую я категорически отказывался снять, хотя она привлекала огонь. Одна пуля прошла сквозь ее тулью, едва не задев головы. Но мне было все равно.

Несколько часов спустя меня, все еще в шляпе, положили на операционный стол в полевом госпитале. На операцию ушло два с половиной часа. Я слышал, как врачи обсуждали, ампутировать ногу или нет. Медсестра попросила меня снять шляпу, но я отказался.

«Разве вы не знаете, что это? — спросил хирург у медсестры. — Это символ их части. Это те самые парни, которые решили быть мудрыми и стали безумными».

Но я не потерял рассудок. Это была последняя шутка и последний провал. Мне не удалось даже погибнуть героем. Я только получил пулю в ногу. Почему-то в своем яростном саморазрушении я никогда не думал о такой возможности. Я всегда с глубоким презрением относился ко всякому фарсу. Но жить инвалидом — что может быть унижительнее! Мое приключение провалилось. Мне было всего двадцать лет, когда я понял, что на свете вообще нет места приключениям.

Глава третья

Камушек в пустом кокосе

Я лежал в госпитале. Мою правую ногу так крепко упаковали в гипс, что я едва мог пошевелить ею.

Сначала ко мне приходили ребята из моей части. Но затем одни погибли, другие тоже получили ранения. Но, в конце концов, жизнь продолжалась. Врачи сказали мне, что я больше никогда не смогу ходить без трости. Лучше было об этом не думать. Понемногу мои друзья совсем перестали навещать меня.

Но, перед тем как исчезнуть из моей жизни, они успели сделать две важные вещи, которые полностью перевернули мою жизнь.

Во-первых, они отправили письмо, которое я не собирался отправлять. Оно было адресовано Тиле. В последнее время у меня появилась несколько странная привычка. Каждый раз, когда я возвращался из боя или после ночных походов в городе, когда я чувствовал себя особенно грязным, я писал Тиле письмо. Я выливал на бумагу всю мерзость, все отвратительные вещи, которые видел и делал, то, чем я никогда не стал бы делиться ни с кем другим. Потом я сжигал эти письма.

Как раз перед тем, как уйти в последний бой, я начал писать Тиле такое письмо. Оно осталось лежать неоконченным в моем рюкзаке в казарме. После ранения один из товарищей просмотрел мой рюкзак, перед тем как сдать все мое обмундирование. Будучи человеком ответственным, он увидел в письме имя Тиле, нашел в записной книжке ее адрес и потом отправил письмо. Он думал, что сделал очень хорошо.

«Ну, ты даешь! — сказал он мне, когда пришел навестить меня в госпитале. — Никогда не видел столько адресов! Ты что, пишешь каждой семье в Голландии, где есть хорошенькие девочки? Я полчаса искал адрес Тиле. Ты будь осторожен, это может быть началом еще одной войны».

Должно быть, на моем лице отразился такой ужас, что он вдруг вскочил со стула.

«Слушай, Анди, я и не знал, что тебе до сих пор так больно. А я тут сижу и отпускаю дурацкие шутки. Я приду в другой раз, когда тебе будет лучше».

Несколько дней я пытался вспомнить, что же я написал в том несчастном письме. Насколько я помню, оно звучало приблизительно так:

Дорогая Тиле.

Мне так одиноко сегодня. Как бы мне хотелось, чтобы ты была рядом. Я бы мог заглянуть в твои глаза и рассказать тебе все и знать, что я по-прежнему тебе нравлюсь и ты по крайней мере не осуждаешь меня.

Ты как-то написала мне, что нужно молиться. Ну, так я не молюсь. Напротив, я ругаюсь самыми грязными словами. Я знаю теперь такие слова, каких и не слышал в Голландии. Я рассказываю пошлые анекдоты. Чем хуже я себя чувствую, тем скорее могу рассмешить ребят. Я совсем не тот человек, за которого ты меня принимаешь. Эта война раньше волновала меня. А теперь уже нет. Когда я вижу трупы, я только пожимаю плечами. Мы убиваем не солдат, а обычных мирных жителей — мужчин, женщин и детей.

У меня нет стремления к Богу. Я не хочу молиться. Вместо того чтобы идти в церковь, я иду в бар и напиваюсь до беспамятства.

Там было еще больше. Больше и хуже. Я лежал в госпитальной палате, пытаюсь вспомнить, что еще я написал Тиле в пьяном угаре. Ну что ж, Тиле станет еще одним другом, с которым мне придется распрощаться. Но вся беда была в том, что Тиле была не просто моим другом. Она была самым лучшим другом, и я хотел бы, чтобы она стала для меня чем-то большим.

Я метался на узкой кровати, пытаюсь вообразить, как Тиле читает мое письмо.

Неловко откинув руку в сторону, я задел книгу.

Это было второе доброе дело, которое совершили для меня ребята. Они нашли старенькую Библию, подаренную мне мамой. Ян Зварт принес ее и робко положил на прикроватную тумбочку, перед тем как уйти.

«Эта книга была среди твоих вещей, — сказал он, — я подумал, может быть, она нужна тебе».

Я поблагодарил его, но не взял ее в руки. Сомневаюсь, что я когда-нибудь захотел бы ее почитать, если бы не монахини. В госпитале, где я лежал, работали сестры из францисканского монастыря. Скоро я буквально влюбился в них. Они трудились с рассвета до полуночи — мыли палаты и подкладные судна, обрабатывали раны, писали для нас письма, смеялись и пели. Никогда я не слышал, чтобы они жаловались.

Однажды я спросил монахиню, которая пришла помыть меня, что помогает ей и другим сестрам быть всегда такими радостными.

«Такой хороший голландский мальчик, как ты, Андрей, должен знать ответ на свой вопрос. Это любовь Христова». Когда она говорила это, ее глаза засияли, и я без вопросов понял, что для нее в этих словах заключался весь ответ. Она могла бы говорить весь вечер и не сказала бы лучше.

«Но ты же дразнишь меня, не так ли? — продолжила она, постукивая по потертой Библии, которая по-прежнему лежала на тумбочке. — Ты мог бы найти ответ прямо здесь».

Теперь, когда моя рука неожиданно задела книгу, я взял ее в руки. За два с половиной года, что она была у меня, я ни разу не открыл ее. Но я подумал о сестрах, об их неиссякаемой радости и спокойствии: «Ты мог бы найти ответ прямо здесь...» Я устроился поудобнее и нетерпеливо стал листать страницы от конца к началу, пока не дошел до первого стиха Книги Бытие.

Я читал историю о сотворении мира и о грехопадении. Теперь она не казалась мне такой неправдоподобной, как тогда, когда нам читал ее по одной главе в день учитель, в то время как на улице нас ждали каналы, в которых было так приятно купаться. Я читал, пропуская целые куски, торопясь дойти до конца. Наконец, много дней спустя, я дошел до Нового Завета. Лежа в гипсе, испещренном автографами, я прочитал все Евангелия, смутно улавливая их великий смысл. Неужели все это правда?

Когда я был на самой середине Евангелия от Иоанна, мне принесли письмо. Почерк на конверте был знакомым. Тиле! Дрожащими руками я вскрыл конверт.

«Дорогой Андрей!» Я еще раз перечитал — «дорогой» Андрей! Я так часто обращался к ней с этим словом в своих неотправленных письмах. *«Дорогой Андрей! Передо мной лежит письмо от парня, который думает, что у него ожесточилось сердце. Но его сердце просто разрывается от боли, и я горжусь тем, что он поделился своей болью со мной».* Затем следовал перечень библейских стихов, которые мне нужно было прочитать. Тиле писала, что только в Библии, в потоках Божьей любви разбитые человеческие сердца могут найти понимание и утешение.

Последовали чудесные недели, когда мы вместе читали Библию, находясь на противоположных концах земли. Я заполнял вопросами страницу за страницей, а Тиле отправлялась к своему пастору, в библиотеку или в глубины своего сердца, чтобы найти на них ответы.

Но время шло, и с меня постепенно сняли гипс. Я увидел свою сморщенную ногу и вспомнил, с какой радостью я раньше бегал, понимая, что теперь больше не смогу испытать этого. Во мне поселилось чувство горькой обиды, которое было полной противоположностью того, о чем говорили Тиле и францисканские монахины.

Как только я встал на ноги, каждый вечер я уходил из госпиталя и с трудом хромал к ближайшему бару, чтобы выпить до беспамьятства. Монахины никогда не говорили со мной об этом. Но накануне того дня, когда я должен был отправиться домой, моя любимая монахиня, сестра Патриция, пододвинула к моей кровати стул и спросила.

«Анди, хочешь, я расскажу тебе одну историю? Ты знаешь, как местные ловят в лесу обезьян?»

Мое лицо просветлело при мысли о том, что я услышу историю про обезьян. «Не знаю. Расскажи».

«Ну, слушай. Видишь ли, местные знают, что обезьяна никогда и ничего не выпустит из рук, даже если это означает утрату свободы. Поэтому они делают следующее. Они берут кокос и просверливают в одном конце дырку, достаточно большую, чтобы обезьяна просунула туда свою лапу. Затем они бросают в кокос камушек и ждут в кустах с сетью.

Скоро к этому кокосу подходит какая-нибудь любопытная обезьяна. Она поднимает пустой кокос и начинает трясти его. Она заглядывает внутрь, потом засовывает в кокос лапу, нащупывает камушек и тут же зажимает его в кулаке. Но, когда она пытается

вытащить кулак наружу, он застревает, и все же разжать пальцы и расстаться с камушком она не хочет. И знаешь, Анди, такая обезьяна ни за что не выпустит из своей лапы то, что ей кажется великим приобретением и сокровищем. Легче всего на свете поймать глупышку, которая ведет себя подобным образом».

Сестра Патриция встала и отнесла стул обратно к столу. Она помолчала минутку, затем посмотрела мне прямо в глаза.

«За что держишься ты, Андрей? Что мешает тебе обрести свободу?»

И ушла.

Я прекрасно понял, что она хотела этим сказать. Но я считал, что эта проповедь не для меня. Следующий день был важным по двум причинам: мне исполнился двадцать один год и госпитальный корабль вместе со мной отправлялся домой, в Голландию. Чтобы отпраздновать эти два события, я созвал всех, кто мог ходить или ковылять, из тех, с кем три года назад прибыл в Индонезию. Нас было восемь человек. Мы потрясающе провели время. Мы орали, буянили и пили до невменяемого состояния.

Глава четвертая

Штормовая ночь

«Андрей!» Гелтье перебежала через маленький мостик и повисла у меня на шее. Затем обернулась назад и крикнула: «Мартье! Пойди найди папу! Скажи ему, что Андрей вернулся!»

Через минуту крошечный садик наполнился людьми. Мартье подбежала ко мне, чтобы поцеловать, прежде чем умчаться на поиски папы. Здесь же был Бен и его невеста. Мне сообщили, что они отложили свадьбу до моего приезда, чтобы я смог присутствовать на ней. Ари, новоиспеченный муж Гелтье, тоже присоединился к нам. Мой младший брат Корнелиус серьезно пожал мне руку. Он не мог оторвать глаз от моей трости, и я знал, что он думает о том, насколько серьезно я ранен. В самый разгар объятий и поцелуев из дому вышел папа, тоже немного прихрамывая. Его карие глаза были мокрыми от слез.

«Андрей, мальчик мой! Как хорошо! Как хорошо, что ты вернулся домой!» — папа говорил все так же громко.

Когда первые приветствия смолкли, Мартье сказала мне: «Когда захочешь, я отведу тебя на могилу к маме».

Я сказал, что хочу пойти прямо сейчас. Кладбище было всего в пятистах ярдах от нашего дома, но, чтобы пройти это расстояние, я взял у папы велосипед. Я

перекинул через сиденье больную ногу и отправился наполовину пешком, наполовину на велосипеде.

«Действительно все так плохо?» — спросила Мартье.

«Врачи боялись, что я вообще не смогу ходить».

Земля на маминой могилке еще не осела. В маленькой красной вазочке, укрепленной в почве, стояли свежие цветы. Через некоторое время мы с Мартье молча пошли домой.

В ту же ночь, когда стемнело, я объявил, что попробую пойти прогуляться. Никто не предложил сопровождать меня, потому что все знали, куда я хочу пойти. Я опять взял велосипед и с трудом поехал по улице. Кладбище серебрилось в лунном свете, и я легко нашел могилу. Я сел на землю и сказал своей маме последние слова.

«Я вернулся, мама». Мне казалось, что я действительно разговариваю с ней. «Я прочитал твою Библию, мама. Не сразу, но прочитал». Я долго молчал.

«Мама, что мне теперь делать? Я не могу пройти и сотни ярдов, чтобы не остановиться от боли. Ты знаешь, я никогда не любил кузнечное дело. В госпитале есть реабилитационный центр, но чему я могу там научиться? Я чувствую себя таким ненужным, мама. И виноватым. Виноватым за ту жизнь, которую я вел там. Ответь мне, мама».

Но ответа не было. Холодный лунный свет лился на меня, на могилу и на все вокруг: на всех мертвых и полумертвого. Просидев полчаса, я прекратил попытки проникнуть в прошлое. Затем я отправился домой.

Гелтье сидела за кухонным столом и шила. «Мы говорили о том, где тебе лечь, Андрей, — сказала она, не поднимая головы. — Как ты думаешь, ты сможешь взобраться вверх по лестнице?»

Я посмотрел на отверстие в потолке над головой; затем приступом взял лестницу. За один раз я преодолевал одну перекладину, куда ставил сначала здоровую ногу, а потом подтягивал больную. От сильной боли у меня выступил пот на лбу, но я повернул голову так, чтобы никто этого не видел. Меня ждала моя старая постель, чистые простыни гостеприимно белели в темноте. Я долго лежал, глядя в покатый потолок, стараясь не заплакать, а затем уснул, напоследок подумав о том, что стало с моим великим приключением.

На следующее утро я взял трость и отправился посмотреть на деревню. Люди были вежливы, но, казалось, чувствовали себя смущенными. Они вскользь глядели на мою форму, а затем на ногу. «Ты получил ранение в Ост-Индии или где-то еще?» — спрашивали они. Эта война стала непопулярной в Голландии, как, наверное, все проигранные войны. Всем было ясно, что Индонезия скоро получит независимость, и потому намного легче было сделать вид, что мы всегда этого хотели. Возвращавшиеся ветераны только усложняли дело.

По какой-то непонятной причине я направился к дому Уэтстров. Они сидели за столом, и я с радостью принял их приглашение выпить чашечку кофе. Мистер Уэтстра расспрашивал меня о Сукарно и коммунистах

и наконец стал задавать вопросы более личного характера.

«Ты доволен тем приключением, ради которого уехал, Анди?»

Я смотрел в пол. «Нет, не совсем», — ответил я.

«Хорошо, — сказал он, — мы будем продолжать молиться».

«О приключении? Для меня? — я почувствовал, как во мне поднимается волна негодования. — Да, конечно, молитесь. Теперь я как раз готов к приключениям. Как только прозвучит призыв, я тут же вскочу на ноги».

И мне сразу стало стыдно. Что заставило меня произнести эти слова? Я ушел, чувствуя, что разрушил нашу дружбу.

Очень хотелось повидаться еще с одним человеком, Кесом. Он тоже был дома, сидел у себя наверху, склонившись над большой кипой книг. После несколько напряженного приветствия я взял одну из них и удивился, обнаружив, что книга была богословского содержания.

«Что это?» — спросил я.

Кес взял у меня из рук книгу. «Я понял, чем я буду заниматься».

«Тебе повезло. Чем же ты займешься?» — спросил я, с трудом веря в то, что, как я знал, сейчас услышу.

«Я хочу посвятить себя служению Богу. Пастор Вандерхоп поможет мне».

Я скорчился и ушел как можно быстрее.

Госпиталь для ветеранов в Дорне был огромным комплексом, включавшим в себя лечебные корпуса, палаты и реабилитационные отделения, но главной отличительной чертой его была скука. Мне не нравились упражнения, мне не хотелось заниматься в ремесленной школе, но более всего я возненавидел трудовую терапию.

Нам нужно было делать вазы из вязкой и густой глины. У меня ничего не получалось. Весь трюк заключался в том, чтобы положить комок глины точно в центр гончарного круга, а затем крутить станок и в то же время пальцами придавать глиняному шару необходимую форму. Почему-то я никогда не мог найти этот центр. Я так нервничал, что несколько раз запускал комком глины в противоположную стену.

В первые же выходные я отправился повидаться с Тиле. В автобусе по дороге в Горкум я постоянно твердил себе, что она может оказаться не такой прекрасной, какой я ее запомнил. Затем я переступил порог рыбного магазина и увидел Тиле. Ее глаза были еще чернее, а кожа казалась еще белей. И, несмотря на то что ее отец внимательно следил за нами, наши руки сплелись в долгом приветствии.

«Добро пожаловать домой, Андрей».

Отец Тиле подошел ко мне, вытирая рыбью чешую о фартук. Он энергично потряс мою руку. «Рассказывай все про Индию!»

Как только я освободился, мы с Тиле ушли из рыбного магазина. Оставшуюся часть дня мы провели на пристани, сидя на большом кабестане и разговаривая. Я рассказал о своем возвращении, о муже Гелтье и приближающейся свадьбе Бена. Я говорил о реабилитационном центре, о том, как ненавижу работать с глиной. И хотя я знал, что она будет разочарована, я сказал, что потерпел поражение в религиозной жизни.

Тиле смотрела на залив. «Но Бог — мягко сказала она, — не признает поражения». Вдруг она рассмеялась. «Мне кажется, ты как один из тех кусков глины, Анди. У Бога есть для тебя план, и Он пытается поместить тебя в самый центр Своих намерений, но ты все время выворачиваешься и выскальзываешь из Его рук».

Она обратила ко мне свои черные глаза: «Откуда ты знаешь, Анди? Может быть, Он хочет сделать из тебя что-то замечательное?»

Я опустил глаза и сделал вид, что меня страшно интересует сигарета, которую я затушил о камень.

«Например?» — спросил я.

Тиле с отвращением посмотрела на грудку окурков, которыми я усеял все вокруг. «Например, пепельницу, — коротко сказала она. — Ты много куришь, Анди?»

Я выкуривал до трех пачек в день. «Не знаю», — ответил я.

«Поэтому ты кашляешь. Думаю, тебе это не на пользу».

«У тебя полно планов по моему перевоспитанию, да?» — я совсем не хотел этого говорить. Почему я все время все порчу? Вдруг я почувствовал, насколько я далек от всех, даже от Тиле. Она не знала, что можно до крови искутать себе губы, пытаясь подавить крик от страшной боли в ноге. Она не знала, как я чувствовал себя, когда женщины в автобусе вставали, чтобы уступить мне место. В тот день я оставил Тиле, понимая, что сказал ей совсем не то, что хотел.

Только через два месяца я снова услышал о религии, и на этот раз не от Тиле, а от другой симпатичной девушки.

Было позднее утро ненастного сентябрьского дня 1949 г. Мы сидели на своих постелях, читали и писали письма после утренних упражнений, когда вошла медсестра и объявила, что к нам пришел посетитель. Я не обратил на это никакого внимания, пока не услышал из уст двадцати ребят тихий свист. Я поднял глаза. В дверях стояла оробевшая и все же польщенная таким вниманием яркая блондинка.

«Неплохо», — шепнул мой сосед по койке Пир.

«Я не займу много времени, — начала девушка, — я только хочу пригласить вас всех на сегодняшнее палаточное собрание. Там будет много закусок и напитков...»

«Какого рода?» — закричал кто-то.

«...Автобус уедет отсюда в семь часов вечера, и я надеюсь, что вы все придете».

Ребята разразились восторженными, нарочито шумными аплодисментами, сопровождая их криками

«Браво! Браво!», в то время как девушка уходила. Но, когда наступило семь вечера, мы все стояли в фойе, чисто выбритые, с волосами, густо намазанными бриалином. Впереди всех стояли мы с Пиром. Мы были веселы не только потому, что решили провести вечер вне госпиталя, но и потому, что Пиру удалось сходить в деревню и принести оттуда ответ на вопрос, какие напитки мы будем пить. К тому времени, когда автобус прибыл на место, бутылка была наполовину пуста. В палатке мы забрались на задние ряды и допили ее до конца.

Большая часть ребят находила наши выходки смешными. Но люди, которые проводили собрание, так не думали. Наконец комичный человечек с худым лицом и глубоко посаженными глазами — такие типы мне никогда не нравились — сошел с кафедры и объявил, что среди присутствующих есть два человека, которые не в состоянии себя контролировать.

Затем, закрыв глаза, он начал долгую, страстную молитву о здоровье наших бессмертных душ. Мы удерживали душивший нас смех до колик в горле. Но когда наконец торжественно и нараспев он назвал нас своими «братьями, на которых оказывают влияние чуждые духи», мы уже не могли сдержаться. Мы выли, мы ревели, мы захлебывались от хохота. Поняв, что далее он молиться не в состоянии, человечек велел хору петь. Он выбрал песню «Let My People Go» («Отпусти Мой народ»).

Скоро весь приход присоединился к пению припева. «Let My people go...» Снова и снова эти слова заполняли огромную палатку.

Собрание закончилось, и ветераны столпились у ожидавшего их автобуса. Но внутри меня по-прежнему звучали слова «Let them go Let me go Отпусти их... отпусти меня...»

Конечно, глупо предполагать, что простая песня, которую ты просто слушал, даже не пел, может стать молитвой, на которую Бог ответит.

И все же на следующий день во время ненавистной трудотерапии произошло нечто странное.

Несмотря на тот факт, что у меня было тяжелейшее похмелье и я ничего путного не смог бы сделать на своем гончарном круге, я все же сел и шлепнул туда кусок серой глины. Затем я двинул его в центр, в то время как ноги медленно крутили круг. И вдруг под моими пальцами выросла ваза.

Не веря своим глазам, я бросил на круг еще один комок глины. И опять без всяких усилий выросла ваза, соответствовавшая той форме, которая родилась в моем воображении.

Позже, в тот же день, произошло еще одно невероятное событие. Во время послеобеденного отдыха я листал привозившиеся для нас журналы, когда вдруг мне захотелось достать Библию, которую я хранил в тумбочке как память о матери. Я не читал ее с тех пор, как вернулся в Голландию. Но в тот день я вдруг открыл ее и, к моему великому изумлению, понимал все, что читаю. Все места, которые раньше казались мне туманными, теперь вдруг стали интересными как занимательная история. Я читал весь тихий час и после, пока меня вторично не позвали к чаю.

Неделей позже я все так же жадно читал Библию, когда в госпитале мне сказали, что я могу отправиться домой на выходные. Но и там я читал Библию, растянувшись на своей постели на чердаке. Гелтье приносила мне суп, смотрела на меня, пытаясь понять, все ли со мной в порядке, затем уходила вниз, не говоря ни слова.

Что же происходило со мной?

Потом начались посещения церкви. Я, который никогда раньше не ходил в церковь, стал теперь бывать там с таким постоянством, что вся деревня обратила на это внимание. И не только на воскресные утренние богослужения, но и на вечерние, а также на собрания по средам. В ноябре 1949 г. меня уже официально уволили из армии. Часть полученных денег я потратил на новенький блестящий велосипед и научился ездить на нем, работая в основном здоровой ногой, а больную просто устанавливая на педаль. Я по-прежнему не мог ступить на нее без боли, но на колесах это было не так страшно. Теперь я стал посещать богослужения и в соседних городах. По понедельникам я ходил на собрания Армии спасения в Алкмаре. По вторникам уезжал в Амстердам на службу в баптистской церкви. Каждый день где-нибудь проходили собрания. И повсюду я тщательно записывал все, что говорил проповедник, а на следующее утро просматривал эти записи вместе со стихами из Библии, чтобы убедиться, что проповедь соответствует истине.

«Андрей! — на лестнице появилась Мартье, неся в руках чашку чая, — Андрей, можно поговорить с тобой?»

Я сел: «Конечно, Мартъе».

«Мы очень беспокоимся из-за того, что ты так много времени проводишь в одиночестве здесь, на чердаке. Ты все время читаешь Библию. И каждый вечер уходишь в церковь. Это ненормально. Что с тобой, Анди?»

Я улыбнулся: «Сам не знаю».

«Мы очень беспокоимся, Анди. Папа тоже волнуется за тебя. Он говорит... — она умолкла, словно задумалась о том, как это лучше сказать. — Папа говорит, что это последствие твоего ранения». Сказав это, она быстро спустилась вниз.

Я задумался над ее словами. Неужели я действительно могу стать религиозным фанатиком? Я слышал о людях, которые сошли с ума и бродили по округе, цитируя стихи из Библии. Неужели я тоже стану таким?

Но мое странное состояние не покидало меня, и я ездил на велосипеде из церкви в церковь, изучая, слушая, впитывая. Однажды мне написал Пир, приглашая на хорошую попойку, но я даже не ответил на его письмо. Я хотел ответить, но забыл и только несколько недель спустя обнаружил его письмо в книге о Хадсоне Тейлоре.

С другой стороны, много времени я проводил с Кесом и моей бывшей учительницей, мисс Мекле, а также с Уэтстрами и, конечно, намного больше чем раньше — с Тиле. Каждую неделю я ездил на велосипеде в Горкум, чтобы поговорить с Тиле о том, что я читал или слышал. Теперь на пристани сидеть

было холодно. Поэтому мы заходили в рыбный магазин и разговаривали в толпе покупателей.

Сначала Тиле была в восторге от того, что со мной происходило, но, когда недели растянулись в месяцы, а я продолжал мои посещения церквей, она встревожилась. «Ты же не хочешь перегореть, Анди, — говорила она. — Тебе не кажется, что нужно слегка притормозить? Почитай какие-нибудь другие книги. Ходи иногда в кино».

Но я не хотел. Ничто на свете не могло заинтересовать меня так, как мои невероятные приключения. Время от времени Тиле спрашивала, нашел ли я работу. Это была серьезная проблема. Не имея работы, я не мог предложить Тиле то, о чем так долго мечтал. Поэтому я всерьез занялся поисками какого-нибудь места.

Но прежде чем я нашел работу, произошло небольшое событие, которое изменило мою жизнь гораздо сильнее, чем пуля, за год до этого пробившая мне ногу. Это была штормовая ночь в разгар зимы 1950 г. Я лежал в постели. Дул сильный ветер, шел дождь со снегом, что так часто бывает в Голландии в середине января. Я натянул одеяло по самый подбородок, зная, что снаружи мокрый снег летит почти параллельно земле. В этом ветре мне чудились разные голоса. Я услышал голос сестры Патриции: «Обезьяна ни за что не выпустит...» Я слышал пение в большой палатке: «Отпусти Мой народ...»

За что я держался? Что связывало меня? Что стояло между мной и свободой?

В доме все спали. Я лежал на спине, положив руки под голову, глядя в темный потолок, и вдруг совершенно спокойно я отпустил мое эго. Снаружи выл ветер, который теперь предупреждал меня, чтобы я не вел себя как дурак. И я обратился к Богу — раз, два и готово. В моей молитве было не много веры. Я просто сказал: «Господь, если Ты хочешь показать мне путь, я последую за Тобой. Аминь».

Все получилось так просто.

Глава пятая

Шаг повиновения

В ту ночь я уснул под грохот прибрежного шторма. Забавно то, что, перестав защищаться и доверившись Богу, я ощутил себя в такой безопасности, какой не чувствовал никогда раньше.

Утром я проснулся с переполнявшей меня радостью, понимая, что мне нужно поделиться этим с кем-нибудь. Своей семье я не мог рассказать об этом, они и без того были обеспокоены моим состоянием. Оставались Уэтстры и Кес.

Уэтстры сразу все поняли. «Слава Господу!» — воскликнул Филип Уэтстра.

Этот возглас несколько смутил меня, но его тон согрел мне сердце. Уэтстры, казалось, не считали, что я сделал что-то несурзное или странное. Они говорили о «рождении свыше», но, несмотря на этот странный язык, я понял, что сделал шаг на пути, хорошо известном многим верующим.

Когда я рассказал об этом Кесу, он тоже сразу понял, что я испытал. Он сидел за письменным столом, окруженный неизменными книгами. Он посмотрел на меня взглядом ученого. «Тому, что произошло с тобой, есть название, — сказал он, постукивая пальцами по внушительных размеров книге. — Это обращение.

Будет интересно увидеть, Андрей, насколько глубоко твое обращение».

Однако, к моему удивлению, когда я пришел повидаться с Тиле, она, казалось, не приняла новость так же радостно, как другие. «Это то, что происходит на массовых собраниях?» — спросила она.

Бедная Тиле, ей пришлось пережить еще одно потрясение, серьезнее, чем прежде. Через несколько недель — ранней весной 1950 г. — я отправился в Амстердам с Кесом, чтобы послушать известного голландского евангелиста, Арне Донкера. Ближе к концу проповеди пастор Донкер прервал себя.

«Друзья, — сказал он, — у меня есть ощущение, что сегодня произойдет нечто необычайное. Здесь среди присутствующих есть человек, который хочет посвятить себя миссионерской работе».

Розыгрыш, подумал я. По-видимому, он посадил кого-то в зале, и этот человек сейчас вскочит и выбежит вперед, чтобы немного оживить собрание. Но мистер Донкер продолжал всматриваться в присутствующих.

В зале наступила тишина, а его взгляд стал гнетущим. Кес тоже это почувствовал. «Терпеть не могу таких вещей, — прошептал он. — Давай уйдем отсюда!»

Мы пошли в конец зала. На нас стали оборачиваться. Мы снова сели.

«Ну, что ж, — сказал мистер Донкер, — Бог знает, кто это. Он знает человека, которого ожидает жизнь, полная опасностей и приключений. Думаю, это молодой человек. Молодой мужчина».

Теперь уже все присутствующие крутили головами, пытаясь определить, кого имеет в виду проповедник. И вдруг, повинувшись какому-то приказу, — никогда не смогу понять этого — мы вместе с Кесом встали на ноги.

«Ага, — сказал проповедник, — вот они. Два молодых человека! Прекрасно! Выйдите вперед, молодые люди!»

Со вздохом мы с Кесом прошли по длинному проходу к кафедре и там преклонили колени, словно были во сне, а мистер Донкер помолился над нами. Когда он молился, я думал только о том, что скажет Тиле. «Но Андрей!» Она будет в шоке и в ужасе. «Ты же вконец загоняешь себя, неужели ты не понимаешь этого?»

Но худшее было впереди. Закончив молитву, проповедник сказал мне и Кесу, что хочет поговорить с нами после служения. С большой неохотой, чуть ли не подозревая его в гипнозе, мы остались. Когда зал опустел, мистер Донкер спросил, как нас зовут.

«Андрей и Кес, — повторил он, — ну что ж, ребята, вы готовы к первому заданию?» Прежде чем мы успели запротестовать, он продолжил.

«Хорошо! Я хочу, чтобы вы вернулись в свой родной город, а кстати, вы откуда, ребята?»

«Из Витте».

«Оба из Витте? Отлично! Вернитесь в Витте и организуйте собрание перед домом бургомистра. Повторите библейскую модель — Иисус велел ученикам распространять Благоую весть, начиная «от

Иерусалима». Им пришлось начать с собственного дома...»

Слова взрывались одно за другим, как снаряды. Он понимает, о чем просит?

«Я буду с вами, ребята! — продолжал мистер Донкер. — Не нужно ни о чем беспокоиться. Все дело в привычке. Сначала буду говорить я...»

Я едва слушал. Я вспоминал, как сам не любил уличных проповедников любой масти. Но в сознание начали проникать и другие слова.

«...Итак, мы назначили день. Вечером в субботу, в Витте».

«Да, сэръ», — сказал я, собираясь сказать «нет».

«А ты, сынок?» — спросил Кеса мистер Донкер.

«Да, сэръ».

Мы с Кесом ехали домой ошеломленные, в полном молчании, внутренне обвиняя один другого за то, что попали в такую переделку.

В Витте наше собрание не пропустил ни один человек. Даже городские собаки пришли на представление. Мы стояли вместе с евангелистом на маленькой кафедре, сделанной из ящиков, и смотрели на море знакомых лиц. Некоторые откровенно смеялись, другие ухмылялись. Третьи — такие, как Уэтстры и мисс Мекле, — ободряюще кивали головами.

Следующие полчаса были сплошным кошмаром. Я не помню, что говорили мистер Донкер и Кес. Я помню только тот момент, когда мистер Донкер повернулся ко

мне в ожидании чего-то. Я вышел вперед, и наступила мертвая тишина. Еще один шаг — и я очутился на краю кафедры, радуясь широким голландским брюкам, которые скрывали трясущиеся колени.

Я не мог вспомнить ни единого слова из того, что собирался сказать. Поэтому я рассказал о том, как чувствовал себя грязным и виноватым, когда вернулся домой из Индонезии. О том, как я носил бремя своей вины и своих пороков, кем я был и чего хотел от жизни, пока однажды ночью во время бури я не снял с себя это бремя, обратившись к Богу. Я сказал им, каким свободным я чувствую себя с тех пор... — пока мистер Донкер не напомнил, что я хочу стать миссионером.

«Но, вы знаете, — сказал я своим соотечественникам, — я и сам удивляюсь этому...»

Я почти боялся встречи с Тиле. Действительно, трудно сказать девушке, на которой ты хочешь жениться, что ты вдруг решил стать миссионером. Какая жизнь ожидает ее? Тяжелая работа, скудные доходы, может быть, отсутствие жилищных удобств в каком-нибудь далеком поселении.

Как я мог предложить ей такую судьбу, пока она сама всем сердцем и душой не была предана этой идее?

Итак, на следующей неделе я начал кампанию по превращению Тиле в миссионерку. Я рассказал ей о том моменте на собрании и о своей уверенности в том, что в этом выборе была явлена воля Божья.

Как ни странно, Тиле оказалось трудно смириться не с тяготами миссионерской жизни, но с тем фактом,

что мне пришлось выступить перед всеми этими людьми.

«Хотя в одном я согласна с мистером Донкером, — сказала она. — Лучше начать любое миссионерское служение дома. Почему бы тебе не найти работу где-нибудь поблизости от Витте и не использовать ее как свое первое миссионерское поле? Ты очень быстро поймешь, предназначен ли ты быть миссионером или нет».

Это показалось мне разумным. Самым большим предприятием рядом с Витте была шоколадная фабрика Рингерса в Алкмаре. Там работал муж Гелтье, Ари. Я попросил его замолвить за меня словечко в отделе кадров.

Накануне того дня, когда мне нужно было ехать в Алкмар, чтобы подать заявление о приеме на работу, мне приснился чудесный сон. На фабрике было полно подавленных и несчастных людей, которые сразу заметили, что я отличаюсь от всех остальных. Они окружили меня, требуя поделиться секретом. Когда я сказал, в чем дело, их лица озарились светом истины. Мы вместе преклонили колени...

Мне было и вправду жаль, что я проснулся.

Я сидел на деревянной скамейке перед отделом кадров фабрики Рингерса. В воздухе висел тяжелый запах шоколада.

«Следующий!»

Я вошел в дверь как можно быстрее; свою трость я оставил дома. Мне по-прежнему было больно ходить, но — только когда я сильно уставал. Я научился наступать на больную ногу, не хромя. Начальник отдела кадров нахмурился при виде моего заявления.

«Уволен с военной службы по медицинским показаниям, — громко прочитал он и подозрительно посмотрел на меня. — Что с вами?»

«Ничего, — ответил я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Я могу делать все, что могут другие».

«А вы обидчивый!»

Тем не менее он дал мне работу. Я должен был считать ящики, в которые упаковывали шоколад, а затем отвозить их в цех погрузки. Парень с вялым лицом провел меня по лабиринтам коридоров и лестниц и наконец толкнул дверь в огромный цех, где, вероятно, около двух сотен девушек стояло возле десятка конвейерных лент. Он оставил меня у одной из них.

«Девочки, это Андрей. Развлекайтесь!»

К моему удивлению, девушки встретили меня свистом. Затем посыпались предположения:

«Эй, Рути, как он тебе нравится?»

«По виду не сказать».

После этого я услышал извращенные и грязные шутки. Даже мои уши, привыкшие к армейской ругани, были не готовы услышать такие слова.

Как я понял, заводилой в этом соревновании похабных острот была девушка по имени Гретье. Ее излюбленной темой была содомия: она вслух рассуждала о том, какое животное можно подобрать для меня в качестве партнера. Я обрадовался, когда моя тележка наполнилась и я смог на некоторое время убежать в мужскую компанию в погрузочном цехе, показавшемся после девушек святилищем.

Очень скоро мою тележку разгрузили и мне опять пришлось услышать в большом цехе радостный свист. «Господь, может быть, это и миссионерское поле, — подумал я, когда понес квитанцию за ящики к окошку контролера в центре зала, — но это не мое поле. Я никогда не научусь разговаривать с этими девушками. Все, что я ни скажу им, они перевернут и...»

Я остановился. Ибо за стеклом мне улыбались самые теплые глаза на свете. Они были карие. Нет, они были зеленые. И она была очень молоденькой. Светловолосая, тоненькая, ей, должно быть, было чуть больше девятнадцати, и она выполняла самую ответственную работу в этом цехе. Она заполняла рабочие ордера и квитанции. Когда я отдал ей свою квитанцию, ее улыбка переросла в смех.

«Не обращайтесь на них внимания, — сказала она, — они так встречают каждого новенького. Через день или два это будет кто-нибудь другой».

Мое сердце наполнилось благодарностью.

Она вручила мне новый отгрузочный документ из кипы, лежавшей перед ней, но я продолжал стоять, глядя на нее. В цеху все девушки были напудрены и

накрашены, как в цирке, на ней же не было и следа косметики. Только ее свежая молодость оттеняла глаза, которые постоянно меняли свой цвет.

Чем дольше я смотрел на нее, тем более был уверен, что видел ее раньше. Но если бы я задал ей этот вопрос, он прозвучал бы фальшиво. С неохотой я отошел к сборочной линии.

Часы, казалось, тянулись и тянулись. К концу рабочего дня, проведенного на ногах, каждый шаг был мучением. Как я ни старался, я начал хромать. Гретье сразу заметила это.

«В чем дело, Анди? — взвизгнула она. — Ты что, упал с кровати?»

«Ост-Индия», — ответил я, надеясь, что она замолчит.

Вопль триумфа Гретье было слышно на весь цех. «У нас тут герой войны, девочки! Анди, это правда, что рассказывают про Сукарно? Там любят молоденьких?»

Я допустил самую страшную ошибку. В течение долгих дней, даже после того, как я уже утратил для них новизну, девушки распрашивали меня о том, что им казалось восточной экзотикой.

Не раз мне хотелось бросить работу от тоски, из-за однообразных разговоров в цеху, но меня спасали эти улыбающиеся глаза за стеклом. Я ходил туда, даже когда у меня не было квитанций. Иногда вместе с квитанциями я просовывал записки: «Ты сегодня хорошо выглядишь!» или «Полчаса назад ты нахмурилась. Что случилось?». Мне было интересно, что она думала о тех разговорах, которые ей

приходилось слушать, и что она вообще делала в таком месте. И все время меня преследовало ощущение, что я где-то уже видел ее.

Я проработал на фабрике месяц, когда набрался смелости сказать ей: «Я беспокоюсь о тебе. Ты слишком молодая и слишком хорошенькая, чтобы работать с этими людьми».

Девушка откинула голову и рассмеялась. «Ой, дедушка! — сказала она. — Какие у тебя старомодные идеи! На самом деле, — она наклонилась к окошку, — они совсем не плохие. Большинство из них просто нуждается в дружбе, и они не знают другого способа приобрести себе друзей».

Она посмотрела на меня, словно решая, можно ли мне довериться. «Видишь ли, — сказала она мягко, — я христианка. Поэтому я и пришла работать сюда».

Я разинул рот от удивления, поняв, что она мой соратник-миссионер. И сразу же вспомнил, где видел это лицо раньше. Госпиталь для ветеранов! Это была та самая девушка, которая пригласила нас на палаточное собрание! И она здесь

Я заикался от волнения, пытаюсь рассказать ей все, что со мной произошло с тех пор и как я попал на фабрику Рингерса с такой же миссией, как у нее. Она сказала, что ее зовут Корри ван Дам. И с того дня мы с Корри стали одной командой. Моя работа по транспортировке заполненных ящичков позволяла мне ходить по рядам между конвейерами, и я мог заметить, у кого из девушек имеются какие-то проблемы. Я сообщал об этом Корри, а она могла побеседовать с

девушкой наедине, когда та подходила к окошечку за очередным рабочим орденом.

Таким образом мы постепенно образовали маленькую группу из людей, интересовавшихся тем же, что и мы. В то время в Голландии британский евангелист Сидни Уилсон проводил по воскресеньям молодежные собрания, и мы стали посещать их.

Одной из первых работниц, которая стала ходить с нами на эти собрания, была Ами, слепая и сильно покалеченная девушка, стоявшая за одним конвейером с Гретье. Ами читала по Брайлю и показала мне, как маленькой ручкой Брайля она выкалывает буквы для слепых покупателей. Я тоже купил такую ручку и алфавит Брайля и оставлял записки на конвейере для быстрых пальчиков Ами.

Конечно, Гретье не могла пропустить такое.

«Ами! — начинала она кричать из ряда работающих девушек. — Сколько он предлагает на этот раз?»

Долгое время Ами воспринимала эти насмешки добродушно. Но однажды, вернувшись из цеха загрузки, я увидел, что она часто мигает белыми глазами, словно пытаюсь сдержать слезы.

«Понимаю, — гремела Гретье, — почему ты так неуверенна».

Она увидела меня и злобно усмехнулась. «Ами, в темноте все мужчины одинаковы, а?» — крикнула она.

Я застыл в дверях. В то утро я молился, как всегда по дороге на работу, чтобы Бог подсказал мне, что

говорить этим людям. Тот ответ, который я получил сейчас, показался мне настолько неожиданным, что мне трудно было поверить в это, и все же повеление было таким отчетливым, что я повиновался ему не задумываясь.

«Гретье, — сказал я, — заткнись! И заткнись по-хорошему!»

Гретье была так изумлена, что ее челюсть буквально отвисла. Я сам удивился. Но мне пришлось продолжить, иначе я потерял бы инициативу.

«Гретье, — позвал я, перекрикивая шум огромного цеха, — в девять часов утра в субботу на христианскую конференцию отправляется автобус. Я хочу, чтобы ты была в нем».

«Хорошо», — ответила она.

Ее ответ прозвучал мгновенно. Я подождал, думая, что сейчас последует какая-нибудь шутка, но потом заметил, что теперь уже Гретье моргает глазами. Когда я уходил загружать ящики, я обратил внимание, что весь цех странным образом молчит. Все были в легком шоке от того, что произошло.

В субботу Гретье была в автобусе. Это удивило меня больше всего. Хотя это была прежняя Гретье, и она всем нам дала понять, что едет только затем, чтобы посмотреть, что там будет происходить.

На конференции Гретье осталась верна себе. Время от времени можно было слышать ее комментарии по поводу того, что люди рассказывали о своей жизни, которую изменил Бог. В перерывах между собраниями Гретье читала какой-то журнал.

В воскресенье вечером автобус привез нас обратно в Алкмар, где я оставлял свой велосипед в гараже. Гретье жила в соседнем с Витте городке. Я подумал, не согласится ли она поехать со мной на багажнике. Это был удобный случай поговорить с ней без свидетелей.

«Хочешь, я отвезу тебя домой на велосипеде, Гретье? Сэкономить на автобусе».

Гретье скривила губы, и я понял, что она прикидывает, стоит ли ехать со мной ради экономии на автобусном билете. Наконец она пожала плечами и села на багажник. Я подмигнул Корри, и мы поехали.

Как только мы выехали за город, я собрался было заговорить с Гретье о Боге. Но, к моему удивлению, она выдала четкую команду: «Ни слова о религии. Будем любоваться природой».

Я с трудом поверил, что расслышал правильно. Но послушался. За все время поездки я не сказал моей пленнице ни слова о религии. Я говорил о цветочных полях, мимо которых мы проезжали, и узнал, что во время войны она тоже ела луковицы тюльпанов. Когда мы добрались до ее улицы, она наградила меня улыбкой.

На следующий день Корри встретила меня сияющей улыбкой. «Что такое ты сказал Гретье? Должно быть, случилось нечто невероятное!»

«Что ты имеешь в виду? Я не сказал ни слова».

Однако за все утро Гретье действительно не произнесла ни одной грязной шутки. В тот день Ами уронила коробку шоколада. И именно Гретье встала рядом с ней на колени, чтобы помочь собрать

рассыпанный шоколад. Во время обеда она поставила свой поднос рядом со мной.

«Можно сесть с тобой?»

«Конечно», — сказал я.

«Знаешь, о чем я думала? — начала Гретье. — Я думала, ты будешь давить на меня, чтобы я «приняла Иисуса Христа», как они говорят на своих собраниях. Я не собиралась слушать это. Но ты не сказал ни слова. А теперь... только, пожалуйста, не смейся».

«Конечно, не буду».

«Я стала думать: "Может быть, Андрей считает, что я так низко пала, что мне нет обратного пути? Поэтому он и не хочет разговаривать со мной на эту тему?" А потом я стала думать, что, может быть, я действительно пала слишком низко. Захочет ли Бог услышать, если я попрошу у Него прощения? Позволит ли Он мне начать все сначала, как утверждали те ребята? Как бы то ни было, я попросила Его об этом. Это была смешная молитва, но я говорила серьезно. И знаешь, Анди, я стала плакать. Я проплакала почти всю ночь, но сегодня утром я чувствую себя просто потрясающе».

Это было первое обращение, которое я видел. За одну ночь Гретье стала другим человеком. Или, точнее, она осталась прежним человеком, но без прежних недостатков. Она осталась лидером, она так же все время болтала, но с какой разницей! Когда Гретье перестала рассказывать непристойные истории, остальные девушки тоже прекратили разговоры на эти темы. На фабрике начала действовать молитвенная ячейка, и Гретье отвечала за посещаемость. Если у кого-

то заболел ребенок или муж оставался без работы, Гретье узнавала об этом и горе было тому человеку, который не положил деньги в общую кассу. Изменение, совершившееся в этой девушке, действительно было глубоким. Каждую ночь на чердаке в Витте я ложился спать, благодаря Бога за то, что Он позволил мне участвовать в этом преображении. Фабрика стала неузнаваемой. И все произошло благодаря моему послушанию.

Однажды, когда я ехал на велосипеде через главные ворота, меня встретил сюрприз.

«Мистер Рингерс хочет видеть тебя», — сказала Корри.

«Мистер Рингерс!» — должно быть, я что-то натворил, может быть, он узнал, что я в рабочее время веду религиозную пропаганду. Секретарь открыл дверь в личный кабинет директора. Мистер Рингерс сидел в огромном кожаном кресле и рукой указал мне на противоположное. Я присел на самый краешек.

«Андрей, — сказал мистер Рингерс, — вы помните психологические тесты, которые вы проходили две недели назад?»

«Да, сэр».

«Эти тесты показывают, что вы обладаете очень высоким уровнем интеллекта».

Я ничего не знал об этих уровнях, но, поскольку он улыбался, я тоже улыбнулся.

«Мы решили, — сказал он, — отправить вас учиться на менеджера. Я хочу, чтобы вы на две недели взяли отпуск. Пройдитесь по фабрике и ознакомьтесь со всеми видами работ. Когда найдете то, что вам понравится, мы начнем готовить вас к этой работе».

Когда я наконец обрел дар речи, я сказал: «Я уже знаю работу, которая мне нравится. Я хотел бы занимать должность человека, разговаривавшего со мной после того, как я заполнил тесты».

«Кадровый психоаналитик», — сказал мистер Рингерс. Его пронизательные глаза впились в мои. «Полагаю, — сказал он, — что вы не будете возражать, если мы коснемся темы религии».

Я почувствовал, что густо краснею.

«О, да, — сказал он, — мы знаем, что там, наверху, вы выполняете большую работу по обращению в веру. Хочу добавить, что я считаю этот вид деятельности намного более важным, чем производство шоколада».

Он улыбнулся, увидев, что мне стало легче. «Не вижу никакой причины, Андрей, чтобы вам не делать и то и другое. Если вы поможете мне более успешно руководить фабрикой, набирая в то же время работников для Божьего Царства, ну, что ж, я буду доволен».

Тиле была в восторге от моей новой работы. Она надеялась, что это занятие увлечет меня и я забуду о своей миссионерской идее. Но я не мог. И, хотя мне нравилась моя новая должность, я чувствовал все более настойчивую тягу к чему-то неизвестному. В ответ на

предложение Рингера и возможность обучаться психоанализу я согласился проработать на фабрике еще два года. Когда это время истекло, я понял, что мне нужно уйти.

Видя, что я твердо решил это, Тиле перестала спорить и начала помогать мне. Она посещала Голландскую реформатскую церковь, которая посылала за рубеж много миссионеров. Она написала каждому из них, спрашивая, что нужно для этого служения. От всех пришел один ответ: чтобы стать миссионером, в первую очередь необходимо пройти обряд рукоположения.

Но, когда я написал в семинарию Голландской реформатской церкви, я узнал, что мне понадобится двенадцать лет, чтобы пройти программу нескольких классов средней школы, которые я пропустил во время войны, плюс получить богословское образование. Двенадцать лет! У меня опустились руки. Тем не менее я тут же поступил на заочные курсы.

Самой большой проблемой были книги. У меня не было никаких сбережений. И теперь, когда за качественный подбор кадров на фабрике отвечала Гретье, все деньги, которые Гелтье не использовала на содержание дома, быстро расходовались.

Я размышлял над проблемой приобретения книг, куря сигарету, когда вдруг меня осенило, что я держу в руках решение этого вопроса. Я посмотрел на тонкую белую палочку, с конца которой легкой струйкой вился дымок. Сколько я трачу на них каждую неделю? Я подсчитал, и меня озарил. Вполне достаточно для одной книги в неделю. Достаточно, чтобы купить себе

тома тех трудов, которые я читаю по несколько страничек в залах книжных магазинов.

Бросить было нелегко. Думаю, мне нравилось курить, как любому голландцу, поскольку для нас это традиция. Но я все же бросил, и постепенно на моем маленьком столе начала расти библиотека. Немецкая грамматика, английская грамматика, том истории церкви, комментарии к Библии. Это были первые книги, кроме Библии и сборника гимнов, которые появились в нашей семье. В течение двух лет каждую свободную минуту я читал.

Когда мисс Мекле узнала, чем я занимаюсь, она предложила учить меня английскому, и я с радостью согласился. Она была чудесной учительницей — ободряла меня, когда я падал духом, заражала своим энтузиазмом, когда мои собственные силы были на исходе. Если ее произношение отличалось от того, что я иногда слышал по маминому радио, я относил это на счет испорченной электроники и старательно повторял за мисс Мекле английские слова.

Но, хотя мисс Мекле радовалась, что я завершаю свое образование, она не была так уверена относительно моего служения. «Ты действительно думаешь, что тебе нужно рукоположение, чтобы помогать людям? — спрашивала она. — Тебе двадцать четыре года. При такой скорости тебе будет за тридцать, когда ты только начнешь. В миссионерских организациях достаточно работы и для мирян. Я ни на чем не настаиваю, Андрей. Я просто задаю вопросы».

Конечно, эти же вопросы я задавал себе сам почти каждый день. Однажды в воскресенье я обсуждал это с

Сидни Уилсоном. Его собрания посещали многие с фабрики Рингерса, и потому мы арендовали для себя целый зал. Когда я пожаловался на свои проблемы и формальности в получении образования, он стал смеяться.

«Вы говорите, как работники WEC», — сказал он.

«WEC?»

«Всемирное евангелизационное движение (Worldwide Evangelization Crusade), — сказал он, — это английская организация, в которой людей готовят к миссионерской работе в тех странах, где церкви не разработали свои программы. Они тоже сетуют на долгие сроки подготовки миссионеров».

Он объяснил, что церковные миссионерские организации существуют на бюджетные деньги. Обычно миссионерский совет ждет, когда у них появятся деньги или по крайней мере, когда они будут знать, откуда эти деньги придут. Только после этого они готовы послать миссионера. Но не WEC. Если они видят, что Бог призывает человека служить в каком-то конкретном месте, они отправляют его туда и в деле обеспечения миссионера доверяются Богу, Который позаботится об этом.

«Точно так же они относятся к людям, которых посылают в качестве миссионеров, — сказал мистер Уилсон. — Если они думают, что у человека истинное призвание к такому труду, их совсем не заботит, есть у него ученая степень или нет. В течение двух лет они готовят его в своей школе, а затем отправляют на служение».

Мне все это понравилось, но я не очень уверенно чувствовал себя в финансовом отношении. Я знал нескольких людей, которые «доверились Богу» в своих нуждах, а в результате некоторые из них стали фактически попрошайками. Они не клянчили деньги открыто, они только намекали на это. Их знали в Витте как «намекающих миссионеров», и о них говорили, что они живут не верой, а чувствами. Выглядели они неряшливо и недостойно. Если Христос был Царем, а они Его посланниками, то такое положение явно говорило не в пользу казны Царя Небесного.

Как ни удивительно, но именно Кес, который так много лет учился, чтобы принять духовный сан, больше всех заинтересовался тем, что сказал мне мистер Уилсон. "Не берите с собою ни суммы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви", — процитировал Кес. — С богословской точки зрения, это здоровая позиция. Я хочу побольше узнать о WEC».

Через несколько месяцев нам предоставилась такая возможность. Однажды на фабрику Рингерса позвонил Сидни Уилсон и сказал, что в Харлем приехал человек из руководства WEC.

«Анди, его зовут Джонсон. Почему бы тебе не повидаться с ним, пока он здесь?»

На следующей неделе я на велосипеде отправился в Харлем. Все оказалось таким, как я представлял. Мистер Джонсон был невероятно тощим, а его одежда свидетельствовала о состоянии миссионерских финансов.

Но, когда он рассказывал о том, что делают миссионеры по всему миру, его опавшее лицо оживилось. Было совершенно очевидно, что больше всего он гордился миссионерской школой в Глазго, в Шотландии, и ее учителями, многие из которых работали без оплаты. Там были профессора богословия, экзегетики и других академических дисциплин, но среди преподавателей были также строительные рабочие, слесари и электрики, потому что студентов готовили создавать церкви там, где их никогда раньше не было. Но это, сказал он, было не главное. Основной целью школы было следующее — воспитать из студентов истинных христиан, насколько это возможно.

Как только я вернулся в Витте, я пошел к Кесу. Мы решили прокатиться на велосипедах в польдерах. Вопросы Кеса были острыми и практичными: он спрашивал так, словно завтра готов был все бросить и записаться в школу. Сколько нужно платить за обучение? Когда начинается следующий учебный год? Какие требования к знанию иностранных языков? Мне это было не очень интересно, поэтому я не спрашивал. Я дал Кесу адрес штаба WEC в Лондоне и стал ждать новостей, которые, как я знал, обязательно услышу. И конечно, через несколько дней Кес сказал, что подал заявление в школу Глазго.

Так как у Кеса уже было какое-то образование, его приняли практически сразу. Теперь, когда я возвращался с фабрики Рингерса, меня ожидала дома куча его радостных писем из Глазго, в которых он описывал свою жизнь, предметы, которые изучал, открытия в христианской жизни, которые он делал. Я

уже пробыл на фабрике дольше, чем обещал мистеру Рингерсу. Было очевидно, что эта школа WEC подходила и для меня.

И все же я тянул. Казалось, все было против меня. Мне не хватало знаний Кеса. У меня была больная лодыжка — я мог скрывать это от других, но факт оставался фактом. Как я могу быть миссионером, если мне больно пройти всего один квартал!

Но хочу ли я быть миссионером или это просто романтическая мечта, которую я придумал себе? Я часто слышал, как Сидни Уилсон употреблял слово «промолить». Он имел в виду пылкую и неотступную молитву до тех пор, пока не получишь на нее ответа. Я тоже решил попробовать «промолить» свой вопрос. Однажды, в воскресный сентябрьский день 1952 г., я ушел в польдеры, где мог громко молиться, не боясь быть услышанным. Я сел на берегу канала и начал просто разговаривать с Богом, как мог бы говорить с Тиле. Я проговорил все время, пока в деревне пили кофе и курили сигары, весь воскресный день до вечера. И все же я так и не понял, точно ли я *знаю*, что уготовал мне Бог.

«Что это, Господи? Что меня держит? Какое оправдание я нашел, чтобы уклоняться от того служения, которое Ты предназначил мне?»

И там, на берегу канала, я вдруг получил ответ. Мое «да» Богу всегда имело продолжение в виде «но». «Да, Господь, но у меня нет образования». «Да, Господь, но я хромой».

И тогда на одном дыхании я сказал Богу «да». Я сказал это совершенно иначе, чем раньше, без какого бы то ни было подтекста. «Я пойду, Господь, — сказал я, — неважно, приняв ли посвящение в духовный сан, или поступив в школу WEC, или оставшись работать на фабрике Рингерса. Я пойду куда угодно, когда угодно, как Тебе угодно. И начну с этой самой минуты. Господь, когда я сейчас встану с этого места и шагну вперед, можно просить Тебя считать этот шаг моим первым шагом на пути к полному послушанию Тебе? Я назову его шагом повиновения».

Я встал. И сделал большой шаг вперед. И в тот же момент ощутил острую боль в хромой ноге. Я с ужасом подумал, что вывихнул большую лодыжку. Очень бережно я поставил увечную ногу на землю. Но что это? Я мог стоять на ней совершенно спокойно. Что случилось? Медленно и очень осторожно я пошел домой, но по пути мне на ум вдруг пришел один стих из Писания: «И когда они шли, очистились».

Сначала я не мог вспомнить, откуда этот стих. Затем я вспомнил историю о десяти прокаженных и о том, как *по пути* к священникам, как повелел Христос, произошло чудо: «И когда они шли, очистились».

Неужели? Неужели я тоже исцелился?

В тот вечер я должен был присутствовать на вечернем богослужении в шести милях от Витте. Обычно я садился на велосипед, но тот день был особенным. В тот день я решил всю дорогу на собрание *идти пешком*.

Я так и сделал. Когда пришла пора возвращаться домой, мой друг предложил подвезти меня на мотоцикле.

«Не сегодня, спасибо. Думаю, я пройду пешком».

Он не поверил своим ушам. Моя семья также не могла поверить, что я в самом деле был на том собрании, потому что они увидели мой велосипед стоящим во дворе и решили, что я остался дома.

На другой день на шоколадной фабрике я провожал после собеседования каждого вновь принятого сотрудника до его нового места работы, хотя раньше всегда оставался сидеть в своем кресле. Где-то ближе к полудню моя лодыжка стала чесаться, и когда я потер старый рубец, через кожу проступили два стежка. К концу недели надрез, который так никогда и не заживал по-настоящему, наконец закрылся.

На следующей неделе я подал официальное заявление о приеме в миссионерскую школу WEC в Глазго. Через месяц пришел ответ. В зависимости от наличия мест в общежитии я мог начать занятия в мае 1953 г.

У Корри тоже были новости. Она уходила от Рингерса и работала последний день — записалась на курсы медсестер. Я заглянул в ее глаза, сияющие от радости, и решил, что они карие. Мы на минутку взяли за руки и затем быстро попрощались.

Передо мной стояла проблема, пугавшая меня больше всего. Как сказать Тиле о том, что я поступил в миссионерскую школу, которую никто не финансировал, которую не поддерживала ни одна

организация, которая не имела признания, почестей и не могла подтвердить даваемое ею образование. Мы провели с Тиле печальный день, прогуливаясь по пристани в Горкуме. Она говорила мало. У меня были ответы на любые ее вопросы и доводы. Но, вместо того чтобы спорить, она все больше замыкалась в молчании. Единственный раз она рассердилась, когда я упомянул об исцелении своей ноги. Я сделал ошибку, назвав это маленьким чудом.

«Ну, это уже слишком, Андрей! — вспыхнула она. — У многих людей бывают травмы и увечья, но, когда они начинают чувствовать себя лучше, никто из них не бежит с дикими заявлениями».

В тот раз я не остался обедать с семьей Тиле. Я решил, что им нужно время, чтобы привыкнуть к моим новым планам. В этом все дело, Тиле нужно было время. Постепенно она поймет, что я был прав.

Между тем я стал собирать деньги на поездку. Я продал все, что у меня было, — велосипед и драгоценное собрание книг. На эти деньги я купил билет до Лондона, где должен был встретиться с директорами WEC, перед тем как отправиться в Глазго. Когда я уплатил за билет, у меня осталось чуть больше тридцати британских фунтов для оплаты первого семестра.

Я должен был уехать в Лондон 20 апреля 1953 г. Но накануне моего отъезда одно за другим произошли три события, от которых у меня голова пошла кругом.

Сначала пришло письмо от Тиле. Она сообщала мне, что написала в миссионерский совет своей церкви

и попросила их высказать свое мнение о школе в Глазго. Они ей ответили, что школа не аккредитована, не является филиалом другого учебного заведения, которое было бы связано с миссионерской организацией.

Таким образом, заявляла Тиле, она не хочет ни видеть, ни слышать меня все то время, пока я буду связан с этой группой. Она подписала свое короткое письмо — «Тиле». Не «люблю, Тиле». А просто «Тиле».

Я стоял в дверях с конвертом в руках, пытаюсь понять, что это означает, когда увидел, как мисс Мекле переходит маленький мостик и направляется к нашему дому.

«Андрей, — позвала она, — мне нужно тебе кое-что сказать. Я давно хотела сделать это. Только не знала как». Она глубоко вздохнула и выпалила: «Видишь ли, Андрей. На самом деле я никогда *не слышала* английской речи. Но я много читала, — торопливо добавила она, — и та леди, которой я писала в Англию, говорит, что моя грамматика превосходна». Она в смущении умолкла. «Я думала, что мне нужно предупредить тебя об этом», — и упорхнула.

Я переваривал эти два сообщения, когда двумя днями позже из Лондона пришла телеграмма. «С сожалением сообщаем, что место для вас не освободилось. Вы можете приехать в 1954 году».

Три удара подряд. В школе для меня нет места. Преподавание там ведется на английском, но я, видимо, не смогу говорить на этом языке. И, если я все же поеду, я потеряю свою девушку.

Все мыслимые препятствия встали на моем пути в Глазго. И тем не менее тихий и ясный голос внутри меня, равнодушный ко всем человеческим расчетам и рассуждениям, никогда не ошибающийся, казалось, говорил мне: «Езжай». Это был тот же голос, который позвал меня в ту памятную штормовую ночь, голос, велевший мне заговорить на фабрике, голос, повеления которого не поддавались логическому объяснению.

На следующий день я поцеловал Мартъе и Гелтъе, пожал руку папе и Корнелиусу и сбежал вниз к автобусу, который повез меня в путешествие, продолжающееся до сих пор.

Глава шестая

Игра по-царски

Я вышел из поезда в Лондоне, держа в руках газету, на которой был записан адрес штаб-квартиры WEC.

Рядом с вокзалом деловито кружили большие красные автобусы и высокие черные такси. Я подошел к полицейскому, протянул ему газету и спросил, как мне пройти по этому адресу. Офицер взял газету и посмотрел на нее. Затем, кивнув головой, он протянул руку и говорил в течение нескольких минут, для ясности показывая рукой направление. Я изумленно смотрел на него, не понимая ни одного слова. В смущении я забрал у него газету, сказал «данк у»¹ и пошел в направлении, куда он махнул рукой в начале своего объяснения.

Я попробовал расспросить других полицейских, но результаты были такими же неутешительными. Оставался единственный выход: мне пришлось потратить на такси драгоценную валюту. Я нашел свободное такси, припаркованное у обочины дороги, вручил водителю газету и закрыл глаза, когда он помчался по левой стороне дороги. Через несколько минут он остановился, показал на газету, а затем на

¹ Искаж. от англ. «thank you» («спасибо»).

большое здание, которое отчаянно нуждалось в ремонте.

Я подхватил свой чемодан, поднялся по ступенькам и позвонил. Мне открыла женщина. Я старательно объяснил ей, кто я и зачем пришел. Дама смотрела на меня отсутствующим взглядом, который красноречиво говорил о том, что она даже отдаленно не уловила темы моего сообщения. Она рукой подала мне знак войти, указала в холле на высокий стул с прямой спинкой и исчезла. Вернулась она с мужчиной, который немного говорил по-голландски. Я еще раз объяснил, кто я и зачем приехал.

«Ах, да, конечно. Но разве вы не получили нашу телеграмму? Мы телеграфировали вам три дня назад, что на данный момент в школе мест нет».

«Я получил телеграмму, сэр».

«И все же приехали?»

Я был рад видеть, что мужчина улыбается.

«Наступит время, когда место освободится, — сказал я, — я уверен в этом. Я хочу быть наготове».

Мужчина опять улыбнулся и велел мне подождать. Когда он возвратился, он принес новости, на которые я рассчитывал. Я могу остаться в штаб-квартире на некоторое время, при условии что буду работать.

Так начались два самых трудных месяца моей жизни за границей.

Физическая работа, которую мне приходилось выполнять, была несложной: мне нужно было покрасить здание WEC. Когда я привык к лестницам, я

стал получать удовольствие от своей работы. Я даже не пошел на праздник по случаю коронации королевы Елизаветы. Наши сотрудники постоянно кричали мне, приглашая спуститься вниз и посмотреть коронацию по телевизору. Но я предпочитал свой насест, откуда мне были видны флаги на крышах домов и самолеты, выполнявшие над городом различные фигуры.

Самым трудным в эти два месяца было изучение английского. Я так усердно работал над языком, что моя голова постоянно болела. Работники WEC практиковали то, что у них называлось «тихим утренним временем» — они вставали задолго до завтрака, чтобы в тишине почитать Библию и помолиться перед началом работы. Никто не произносил ни слова. Мне это очень нравилось. Я вставал с первыми птицами, одевался и выходил в сад с двумя книгами в руках. Одна из них была английской Библией, а другая словарем. Без всякого сомнения, это была отличная техника, но в ней присутствовал некоторый изъян. Мой английский того периода изобиловал такими архаичными словами и выражениями из Библии, как, например, «истинно, истинно говорю тебе». Однажды за столом я пересказал просьбу моего соседа передать ему масло следующим образом: «Так говорит сосед Андрея, да не будет ли тебе угодно передать масло».

Но я учился. Через полтора месяца пребывания в Англии директор попросил меня провести вечернюю молитву. Спустя семь минут мой запас английских слов иссяк и я сел. Через две недели меня еще раз попросили провести молитву. На этот раз я выбрал из Библии слова Иисуса, сказанные Им слепому по дороге

в Иерихон: «Вера твоя спасла тебя». Это был необдуманый поступок, потому что межзубный английский звук для голландца проклятие.¹

«Веда двая спасла теда», — объявил я, после чего в течение четырнадцати минут я пытался выразить свою точку зрения к великой радости всех собравшихся.

После окончания моей маленькой проповеди все собрались вокруг меня. «Ты говоришь намного лучше, Анди, — говорили они, радостно похлопывая меня по плечу. — Мы почти все поняли! И целых четырнадцать минут! В два раза больше, чем в прошлый раз!»

«Так это наш голландец... Я думаю, его проповедь действительно была прекрасной».

Голос прозвучал из дальнего угла комнаты. В дверях стоял средних лет, лысеющий, крепко сбитый и розовощекий человек, которого я не видел раньше. Меня сразу поразили искорки в его глазах, прищуренных так, словно он придумывал, что бы такое озорное выкинуть.

«Андрей, ты, наверное, не знаком с Уильямом Хопкинсом», — сказал директор WEC. Я подошел к вновь прибывшему и протянул ему руку. Уильям Хопкинс взял ее своими большими руками и пожал так, что я понял, что значит настоящее приветствие.

¹ Имеется в виду звук, передаваемый сочетанием «th»; фраза «Вера твоя спасла тебя» («Thy faith hath saved thee») перенасыщена этим звуком.

«Он выглядит довольно сильным, — сказал мистер Хопкинс. — Если мы достанем ему бумаги, думаю, у него все будет хорошо».

Должно быть, я выглядел озадаченным, потому что директор стал объяснять мне, что мне придется покинуть штаб-квартиру. Я закончил красить здание, и на мое место приезжал один из миссионеров WEC. Но, если мистер Хопкинс сумеет обеспечить меня документами, необходимыми для работы в Великобритании, я смогу остаться в Лондоне и начать зарабатывать на книги и обучение в Глазго. Я узнал, что, когда возникали проблемы практического характера, в этой миссии всегда обращались к Уильяму Хопкинсу.

«Андрей, собери вещи, мой мальчик, — сказал мистер Хопкинс, — я тебя приглашаю пожить в моей семье, пока ты не найдешь работу».

Я быстро собрал свои пожитки. Когда я укладывал зубную щетку и бритву, один из работников WEC рассказал мне немного о мистере Хопкинсе. Он был удачливым подрядчиком, но тем не менее жил в бедности. Девять десятых своих доходов он отдавал на нужды различных миссионерских организаций. WEC была одной из его многочисленных забот.

Через несколько минут я стоял перед входной дверью, прощаясь с сотрудниками WEC.

«Здание выглядит великолепно, Анди», — сказал директор, пожимая мне руку.

«Данк у».

«Ну-ка произнеси как следует — thank you».

«Thee-ank ee-ou».

Все смеялись, когда мы с мистером Хопкинсом спускались вниз к его машине. Жилище Хопкинсов на реке Темзе было точно таким, как я его себе представлял: просто, тепло и уютно. Миссис Хопкинс была инвалидом. Большую часть времени она проводила в постели, однако нисколько не возражала против моего вторжения в ее владения.

«Чувствуйте себя как дома, — приветствовала она меня. — Запомните, где стоит буфет, и знайте, что входная дверь никогда не запирается». Затем она повернулась к мужу, и я увидел в ее глазах те же искорки, что и у него. «И не удивляйтесь, если ночью обнаружите в своей постели какого-нибудь бродягу. Такое случается. Если вдруг это произойдет, в гостиной есть одеяла и подушки, и вы сможете постелить себе у камина».

Не прошло и недели, как я понял, что они имели в виду под этим предупреждением. Однажды вечером, когда я вернулся домой после долгих и безрезультатных поисков работы, я обнаружил супругов Хопкинсов сидящими в гостиной.

«Не ходите в свою комнату, Андрей, — сказала миссис Хопкинс, — там в вашей постели спит пьяный. Мы уже пили чай и вам тоже оставили».

Пока я ужинал перед пылающим камином, она рассказала мне о мужчине в моей комнате. Спасаясь от дождя, он пришел в миссионерскую церковь, открытую мистером Хопкинсом, и Уильям привел его домой. «Когда он проснется, мы дадим ему еду и одежду, —

сказала миссис Хопкинс. — Не знаю, откуда что возьмется, но Господь позаботится и об этом».

И Бог действительно позаботился. В тот раз, как и во множестве других случаев, пока я жил у четы Хопкинсов, я видел, как Бог восполняет их нужды самым необычным образом. Ни разу я не замечал, чтобы из их дома кто-нибудь уходил голодным или раздетым. Дело не в том, что у них были деньги. Из заработков мистера Хопкинса они оставляли себе только небольшую часть, которой хватало на скромную жизнь. Чужие люди, такие, как я, или попрошайки, бродяги и пьяницы, постоянно приходившие в их дом, были на Божьем обеспечении. И Бог был верен Своему слову. Либо сосед приходил с кастрюлей — «на всякий случай, вдруг у вас нет настроения готовить сегодня, дорогие». Либо неожиданно возвращали давно забытый долг, либо приходил кто-нибудь из прежних постояльцев, желавший чем-нибудь помочь. «Да, сынок, ты действительно можешь помочь. Наверху у нас спит старик, у которого нет обуви. Как ты думаешь, ты сможешь подобрать ему ботинки?»

Я собирался побыть у Хопкинсов всего пару дней, пока не приведу в порядок свои документы и не найду работу. Но, хотя мы с мистером Хопкинсом регулярно навещали в департамент труда, мне так и не выдали разрешения на работу.

Тем временем Хопкинсы попросили меня остаться у них в доме, и это произошло следующим образом. В первое же утро, когда я приехал к ним, мистер Хопкинс отправился на работу, а миссис Хопкинс осталась лежать в постели. Я был предоставлен самому себе.

Поэтому я нашел швабру, тряпку и тщательно отмыл на кухне пол. Убираясь в ванной, я обнаружил потрепанную корзину с грязным бельем и все перестирал. К полудню белье высохло, и я погладил его. Поскольку мистер Хопкинс все не возвращался, я приготовил обед.

Дома я привык к такому труду — в нашей семье каждый мог выполнить любую работу. Но, когда Хопкинсы обнаружили, что я сделал, они пережили приятное потрясение. Либо они не имели понятия о практичности голландцев, либо не привыкли к тому, чтобы кто-то обращал внимание на их собственные нужды, но в любом случае они повели себя так, словно я совершил что-то выдающееся, и попросили меня остаться у них в качестве члена семьи.

Я так и сделал. Я стал шеф-поваром и посудомойкой, а они моими английскими мамой и папой. Как и многие другие, скоро я стал называть их дядя Хоппи и мама Хоппи. И действительно, во многом миссис Хопкинс напоминала мне мою маму; она так же безропотно принимала свое слабое здоровье и терпела боль, так же относилась к нуждающимся, перед которыми «дверь никогда не запиралась».

Что касается дяди Хоппи, дружба с ним могла духовно обогатить любого. Он был врагом всяких условностей. Когда я ездил с ним на машине по различным стройкам в городе, я умолял его, поскольку он был президентом компании, купить себе хотя бы галстук и пиджак без дыр на локтях.

Но дядя Хоппи только смеялся над моим смущением. «Да брось ты, Андрей, здесь меня никто не знает!»

Подобное отношение было у него и к знакомому окружению. Я ловил его у дверей, собирающегося идти в церковь в рабочих ботинках или с двухдневной щетиной на лице. Но когда я начинал выговаривать ему, он смотрел на меня с укором: «Анди, мой мальчик! Меня здесь все знают!»

Миссионерская церковь дяди Хоппи была для меня загадкой. Ее двери всегда были широко распахнуты, и иногда заблудившийся бродяга заходил туда, просто чтобы погреться. Когда же дело доходило до проповеди, стулья оказывались пустыми. Но его это не останавливало. Помню, однажды он прочитал проповедь пустому залу.

«На этот раз вы пропустили наше собрание, — сказал мистер Хопкинс людям, которых не было в церкви. — Но я встречу вас на улице, и тогда я вас узнаю. А теперь послушайте, что Бог хочет сказать вам...»

Когда проповедь закончилась, я возразил: «Вы слишком загадочны для меня. Когда я начну проповедовать, мне бы хотелось видеть в зале реальных людей».

Дядя Хоппи только рассмеялся в ответ. «Вот посмотришь, — сказал он, — мы еще не дойдем до дому, как встретим человека, который должен был сидеть на этом стуле. А когда мы его встретим, его сердце уже будет подготовлено. Время и пространство

являются ограничением только для нас, Анди; мы должны полагаться на Бога».

И действительно, когда мы возвращались домой, к нам подошла уличная бродяжка и дядя Хоппи сказал ей заключительную часть проповеди, словно она слушала его предыдущие сорок минут. В ту ночь я опять спал перед камином, а к утру этот неутомимый подрядчик и его жена привели ко Христу еще одного человека.

Наконец однажды из Глазго пришло письмо: там появилась долгожданная вакансия. Мне нужно было к осени явиться в школу.

Мы устроили триумфальное шествие вокруг кровати мамы Хоппи — дядя Хоппи, бродяжка и я — и вдруг поняли, что расстаемся, может быть, навсегда. В сентябре 1953 года я уехал в миссионерскую школу в Шотландии.

На этот раз мне уже было нетрудно найти школу. Я поднялся на невысокий холм с чемоданом в руке, а там дошел до дома №10 по улице принца Альберта. Это было двухэтажное здание на углу, окруженное низкой каменной стеной. Я увидел остатки прежней металлической ограды, без сомнения, отправленной на переплавку во время войны. На деревянной арке над входом я прочел слова «Имейте веру Божию».

Я знал, что именно это и есть цель двухгодичного обучения в Глазго: помочь студентам узнать все, что возможно, о природе веры. Узнать из книг. Узнать от других верующих. Узнать на собственном опыте. С

новым энтузиазмом я прошел под арку и направился вверх по усыпанной белой галькой тропинке к двери.

На мой стук дверь открыл Кес. Как радостно было вновь увидеть родное голландское лицо. После того как мы вволю наобнимались, он схватил мою сумку и провел меня в комнату наверху. Он представил меня трем братьям, показал запасной выход и спальни остальных сорока пяти человек — мужчины в одном из соседних строений, женщины — в другом.

«Никогда не оставайся с девушкой наедине, — предупредил Кес. — Нам даже нельзя разговаривать с ними. Мы видимся только за обедом».

Вскоре состоялось мое официальное знакомство с директором, Стюартом Динненом. «Мы поставили цель — сказал мне мистер Диннен, — научить наших студентов доверять Богу во всех Его обетованиях. Мы отправляем служителей не на традиционные миссионерские поля, но на новые территории. Наши миссионеры работают самостоятельно. Они не смогут трудиться эффективно, если будут бояться или сомневаться в том, что Бог действительно исполняет то, о чем Он говорит в Своем Слове. Поэтому мы учим не столько идеям, сколько доверию. Надеюсь, что именно этого вы ищете в нашей школе, Андрей».

«Да, сэр, именно так».

«Что касается финансов, вы, конечно, знаете, Анди, что мы не берем плату за обучение. Наши преподаватели приезжают из Лондона, как и я, и никто из сотрудников нашей школы не получает зарплаты. Расходы на проживание, питание и другие затраты

сводятся всего к девяносто фунтам в год, что составляет чуть больше двухсот пятидесяти долларов. Это небольшая сумма, потому что студенты сами готовят еду, убирают за собой и вообще все делают сами. Но мы просим внести эти девяносто фунтов заранее. Как я понимаю, вы не в состоянии этого сделать».

«Нет, сэр».

«Ну, что ж, вы можете платить частями, по тридцать фунтов в начале каждой сессии. Но ради вашего блага и ради остальных мы настаиваем на том, чтобы эти деньги были уплачены вовремя».

«Да, сэр. Я совершенно согласен».

Я действительно был согласен. Вопрос оплаты моей учебы стал первым практическим испытанием глубины моего доверия Богу. У меня было тридцать фунтов, которые я привез с собой из Голландии. Что касается следующих семестров, я намеревался посмотреть, как Бог будет удовлетворять мою потребность в деньгах.

Однако в первые же недели я стал свидетелем того, что несколько обеспокоило меня. Во время обеда студенты часто обсуждали финансовые проблемы. Иногда после целой ночи молитв о какой-то конкретной нужде эта нужда восполнялась наполовину или на три четверти. Если, например, дому престарелых, где наши студенты несли служение, требовалось десять одеял, то студенты получали средства, чтобы купить только шесть. В Библии сказано, что мы работники в винограднике Бога. Так неужели Бог таким образом платит Своим работникам?

Однажды вечером я отправился на прогулку. Несколько раз студенты предупреждали меня «не ходить в Партик». Партик был районом трущоб у подножия нашего холма. Говорят, там жили пьяницы, наркоманы, воры и даже убийцы, а потому ходить там было небезопасно. И все же этот район притягивал меня, словно ему было что сказать мне.

Вокруг тянулись серые, грязные улицы Партика. По булыжной мостовой ветер гнал мусор. Сентябрьский воздух был сырым. Не успел я пройти и пяти кварталов, как ко мне уже дважды подходили попрошайки. Я отдал им все деньги, которые были у меня с собой, и смотрел, как они, не таясь, тут же отправились в ближайший бар. Я знал, что эти бродяги, попрошайничающие в трущобах Глазго, имеют больший доход, чем будущие миссионеры, живущие на вершине холма.

Но я не мог понять, почему это меня так беспокоило. Был ли я жадным? Не думаю. Мы всегда были бедными, и меня это никогда особенно не волновало. Что же тогда?

И вдруг, на обратном пути в школу, я получил ответ.

Вопрос был не в деньгах. Меня беспокоило отношение к финансовым проблемам наших студентов.

На шоколадной фабрике я не сомневался в том, что мистер Рингерс заплатит мне за работу сполна и вовремя. Конечно, говорил я себе, если обычный фабричный рабочий может чувствовать себя уверенно

со своим боссом, так же уверенно должен себя чувствовать и Божий работник.

Я вошел в ворота школы. Надо мной висело напоминание — «Имейте веру Божию».

Вот оно! Дело не в том, что мне нужна была уверенность в получении определенной суммы денег, мне нужна была уверенность в моем отношении к этой проблеме.

Я шел по усыпанной галькой тропинке, чувствуя все сильнее, что нахожусь в преддверии чего-то необычайного. Я на цыпочках поднялся наверх и сел у окна спальни, глядя на Глазго. Если я собираюсь отдать мою жизнь как раб Царя, мне нужно знать этого Царя. Какой Он? *Каким образом* я смогу доверять Ему? Так же, как я доверяю каким-то законам, которые ничего не решают? Или же я могу доверять Ему как живому лидеру, как конкретной личности, как командующему в битве? Этот вопрос был самым важным. Потому что если Он был Царем только по наименованию, мне лучше вернуться на шоколадную фабрику. Я останусь христианином, но я буду знать, что моя религия сводится только к определенным высоконравственным принципам, которым нужно следовать, но которые вряд ли потребуют от меня преданного служения.

С другой стороны, если Бог есть Личность, в том смысле, что Он общается с нами, интересуется нами, заботится, любит и ведет нас, тогда мое отношение к Нему будет совершенно другим. За таким Царем я пойду в любую битву.

Почему-то я знал, сидя на подоконнике в ту лунную сентябрьскую ночь, что мое исследование природы Бога начнется с денежного вопроса. В ту ночь я понял это и вступил с Ним в завет. «Господь, — сказал я, — мне нужно знать, могу ли я Тебе доверять в практических вещах. Благодарю Тебя за то, что позволил мне заработать на первый семестр. Теперь я прошу Тебя обеспечить мне оплату остальной части учебного года. Если я опоздаю внести плату хотя бы на один день, я буду знать, что мне нужно вернуться на шоколадную фабрику».

Это была детская молитва, дерзкая и требовательная. Но тогда я действительно был младенцем в своей христианской жизни. И самое замечательное, что Бог ответил на мою молитву. Но сначала Он испытал меня несколько забавным образом.

Первый семестр заканчивался. Утро мы проводили в классе, изучая систематическое богословие, гомилетику, мировые религии, лингвистику, то есть то, что преподают в любой другой семинарии. Днем мы выполняли практическую работу: клали кирпичи, занимались слесарным и плотницким делом, учились оказывать первую помощь, изучали тропическую гигиену, учились ремонтировать автомашины. В течение нескольких дней мы все — как девушки, так и молодые люди — работали на заводе Форда в Лондоне, где учились разбирать и собирать машины. В дополнение к этому стандартному набору профессий мы обучались строить хижины из пальмовых ветвей и делать из глины сосуды, из которых не вытекает вода.

В то же время мы по очереди трудились на кухне, в прачечной и в саду. Это касалось всех и каждого. Одна из студенток, немка, была доктором, и я не раз наблюдал, как она отскабливала мусорные бачки так тщательно, словно готовила комнату для хирургической операции.

Недели летели очень быстро, и скоро наступило время отправиться в одну из евангелизационных поездок.

«Тебе это понравится, Анди, — сказал мистер Диннен. — Это хорошее испытание, которое научит тебя доверяться Богу. Правила очень просты. Каждому студенту в начале поездки выдается банкнота в один фунт стерлингов. С этой банкнотой вы отправляетесь в миссионерскую поездку по всей Шотландии. Вы сами должны будете оплачивать все расходы по переезду из одного места в другое, платить за проживание, питание и объявления о собраниях, которые вы будете проводить. Вы сами будете оплачивать аренду помещений, а также угощение...»

«И все это на один фунт стерлингов?»

«И это еще не все. Когда через четыре недели вы возвратитесь в школу, вы должны будете вернуть этот фунт обратно!»

Я засмеялся: «Похоже, мы все время должны будем ходить с протянутой рукой».

«Нет, вам не разрешается собирать деньги! Ни в коем случае! На собраниях нельзя даже упоминать о деньгах. Все ваши нужды должны быть удовлетворены без какого бы то ни было вмешательства с вашей

стороны — иначе эксперимент будет считаться неудавшимся».

В нашей группе было пять ребят. Позже, когда я попытался вспомнить, откуда к нам приходили деньги в течение тех четырех недель, я с трудом смог восстановить в памяти несколько случаев. Иногда на имя одного из ребят приходило письмо с небольшим количеством денег. Иногда мы получали какие-то средства от церкви, в которой побывали несколькими днями или неделями раньше. Очень интересно было читать записки, сопровождавшие эти дары. «Я знаю, что вам деньги не нужны, иначе бы вы сказали об этом, — писал нам один человек, — но Господь просто не дал мне спать, пока я не положил эти деньги в конверт, чтобы отправить вам».

Помощь часто приходила в виде продуктов. В одном маленьком городке в нагорной Шотландии нам дали шестьсот яиц. Мы ели яйца на завтрак, яичный салат перед обедом, состоявшим из яиц, после которого следовал яичный десерт. На курицу мы смогли взглянуть без ужаса только через несколько недель.

Но как бы то ни было, мы твердо придерживались двух правил: мы никогда не говорили о наших нуждах вслух и отдавали десятину со всего, что нам вручали, в течение первых же суток после получения дара, если это было возможно.

Другая команда, выехавшая из школы в одно время с нами, не так строго соблюдала правило относительно десятины. Они откладывали свои десять процентов с доходов, но отдавали не сразу, а придерживали «на случай, если возникнут непредвиденные

обстоятельства». Конечно, такие обстоятельства возникали в огромном количестве! У нас их тоже было много, каждый день. Но те ребята закончили свой месяц по уши в долгах, задолжав гостиницам, конференц-залам и рынкам по всей Шотландии, а мы вернулись в школу, имея почти на десять фунтов больше того, что должны были вернуть. Если мы отдавали деньги очень быстро, Бог всегда оказывался быстрее, обеспечивая нас всем необходимым, и мы завершили свой эксперимент с прибылью, которую отослали миссионерам WEC за границу.

Однако ближе к концу нашего тура бывали случаи, когда казалось, что эксперимент провалился. Однажды в конце недели мы проводили собрание в Эдинбурге. С первого же дня наши собрания привлекли группу молодых людей, и нам очень хотелось придумать что-нибудь, чтобы они пришли и на следующий день. И вдруг, не советуясь ни с кем, один из членов нашей группы встал и сделал объявление.

«Завтра перед собранием, — сказал он, — мы приглашаем вас всех к нам на чай. В четыре часа. Кто из вас придет?»

Около двадцати пяти человек подняли руки. Сначала, вместо того чтобы обрадоваться, мы ужаснулись. Мы знали, что у нас нет ни чая, ни чего-нибудь к чаю, ни хлеба, ни масла, даже чашек нет. У нас не было денег, чтобы купить все это, — наше последнее пенни ушло на оплату аренды зала. Это было настоящим испытанием Божьей заботы о нас.

Какое-то время казалось, что Он обеспечит нас, послав к нам на помощь самих молодых людей. После

собрания к нам подошли несколько человек и сказали, что хотят помочь в организации застолья. Один предложил принести молоко, другой сказал, что достанет чай, третий — сахар. Одна девушка обещала захватить посуду. Наше чаепитие становилось реальным. Но недоставало самого главного — торта. Чай без торта для шотландских ребят — не чай.

В тот вечер в молитве мы обратились к Богу так: «Господь, у нас возникла проблема. Нам негде взять торт. Помоги нам, пожалуйста».

Ночью, лежа под одеялами на полу в зале, мы напрягали все свое воображение, пытаясь догадаться, каким образом Бог даст нам этот торт.

Наступило утро. Мы, можно сказать, ждали небесного посланника, который подойдет к нашим дверям с тортом в руках. Но он не пришел. Пришла утренняя почта. Мы вскрыли два письма, ожидая увидеть в них деньги. Денег не было. Из соседней церкви пришла женщина, спрашивая, чем нам помочь. «Торт», — это слово готово было сорваться с нашего языка, но мы буквально проглотили его и покачали головами.

«Господь позаботится о нас», — ответили мы ей.

Чаепитие было назначено на четыре часа. В три мы накрыли столы, а торта все еще не было. Вот уже половина четвертого. Мы поставили чайник. Без четверти четыре.

И тут позвонили в дверь.

Мы все кинулись к большой входной двери, на пороге которой вырос почтальон. В его руках был большой пакет.

«Привет, ребята, — сказал почтальон. — У меня для вас есть посылка, в которой, похоже, что-то съестное». Он отдал пакет одному из ребят. «Вообще-то время доставки прошло, — прибавил он, — но мне не хотелось оставлять на ночь продукты, которые могут испортиться».

Мы искренне поблагодарили его, и как только за ним закрылась дверь, парень торжественно вручил мне посылку. «Это для тебя, Анди. От миссис Уильям Хопкинс из Лондона».

Я взял посылку и осторожно распаковал ее. Разрезал бечевку. Снял коричневую упаковочную бумагу. Внутри не было никакой записки — только большая белая коробка. Глубоко в душе я знал, что могу позволить себе очень медленно поднять крышку. Когда я снял ее, к великому восторгу, пяти парам глаз предстал во всем своем великолепии огромный, блестящий, влажный шоколадный торт.

Имея за плечами подобный опыт, я уже не сильно удивился, найдя в школе ожидавший меня чек от Уэтстров на сумму, которой как раз хватило для оплаты второго семестра.

Второй семестр прошел еще быстрее, чем первый, так много нужно было усвоить и обдумать. Но не успел он закончиться, как я получил деньги на оплату третьего, на этот раз, как ни удивительно, от моих

товарищей из госпиталя для ветеранов. Такие чудеса продолжались и на следующий год.

Я никогда и никому не говорил о плате за учебу, и все же чеки появлялись в нужный момент, и я всегда мог заплатить сполна и вовремя. Никогда денег не было больше, чем требовалось, и, несмотря на то что люди, помогавшие мне, не знали друг друга, их дары никогда не приходили ко мне в одно и то же время.

Я постоянно видел доказательства Божьей верности. Но я также смог удостовериться в Его неиссякаемом чувстве юмора.

Я вступил в завет с Богом, попросив Его о том, чтобы у меня никогда не было проблем с платой за обучение. Но я ни слова не сказал об обеспечении себя мылом, или зубной пастой, или бритвами.

Однажды утром я обнаружил, что у меня кончилось хозяйственное мыло. Когда я заглянул в ящик, где хранил свои деньги, я увидел там всего шесть пенсов. А хозяйственное мыло стоило восемь пенсов.

«Господь, Ты знаешь, что мне нужно содержать себя в чистоте. Поэтому, пожалуйста, сделай что-нибудь с недостающими двумя пенсами». Я взял шесть пенсов и отправился по магазинам. На дверях одного из них я увидел объявление: «Скидка в два пенса! Покупайте мыло прямо сейчас!» Я вошел, купил и вернулся в школу, насвистывая веселую мелодию. В коробке было достаточно мыла, чтобы не думать о нем больше до окончания школы.

Но в тот же вечер один из моих друзей увидел, что я стираю белье, и закричал: «Андрей, одолжи мне немного мыла. У меня кончилось».

Конечно, я дал и ничего не сказал ему. Я просто наблюдал, как он тратит мое драгоценное мыло, прекрасно осознавая, что он не вернет его. Каждый день он брал у меня понемногу, и каждый день мне приходилось тратить на себя немного меньше.

Затем зубная паста. Тюбик был пустым. После того как я его выжал, выкрутил и разрезал, там действительно ничего не оставалось. Я где-то вычитал, что обыкновенная столовая соль представляет собой прекрасное чистящее средство для зубов. И действительно, мои зубы были чистыми, но во рту у меня было постоянное раздражение.

А бритвенные лезвия? Я не выбрасывал использованные лезвия, и, естественно, наступил день, когда мне пришлось их реанимировать. У меня не было оселка, поэтому я точил их на своей голой руке. По десять минут в день на собственной коже — в результате я был чисто выбрит, но какой ценой!

Все это время я чувствовал, что Бог играет со мной в игру. Может быть, Он использовал этот эксперимент, чтобы показать мне разницу между желанием и нуждой. Зубная паста — это хорошо, новые бритвенные лезвия бреют быстрее и чище, но это все роскошь, а не необходимость. Я был уверен, что если возникнет настоящая нужда — Бог восполнит ее.

И действительно, настоящая нужда скоро возникла.

Иностранцам в Британии периодически нужно было продлевать свою визу. Мне надо было успеть продлить свою до 31 декабря 1954 г., в противном случае я должен был покинуть страну. Но когда эта дата приблизилась, у меня не было ни одного пенни. Как мне отправить свое заявление о продлении визы в Лондон? Заказное письмо стоило один шиллинг, то есть двенадцать пенни. Я не думал, что Бог допустит мой уход из школы из-за отсутствия шиллинга в моем кармане.

Итак, игра вступила в новую фазу. Теперь у нее уже было название. Я назвал ее игрой по-царски. Я обнаружил, что, когда Бог обеспечивает кого-то деньгами, Он делает это по-царски щедро, не унижая и не оскорбляя человека.

В период разрешения проблемы с заказным письмом я трижды чуть было не уклонился от этой игры. В тот год я был старостой студенческого коллектива и отвечал за денежный фонд школы, который финансировал издание брошюр. Однажды я взглянул на календарь — было уже 28 декабря, — а затем на деньги из фонда. В ящике лежало несколько фунтов. Что случится, если на какое-то время я возьму из фонда всего один шиллинг?

Но я быстро оставил эту идею.

Затем наступило 29 декабря. Оставалось всего два дня. Я уже почти забыл, как больно чистить зубы солью и как долго нужно точить лезвия на собственной руке, настолько я был захвачен драматическими переживаниями, связанными с одним шиллингом. В то

утро мне пришло в голову, что я, может быть, *найду* нужные мне пенни на земле.

Я уже надел пальто и шел по улице, когда вдруг увидел, что я делаю. Я шел с низко опущенной головой, уткнувшись глазами в землю, обыскивая канавы в поисках денег. Разве это игра по-царски? Я выпрямился и громко рассмеялся прямо на улице, переполненной народом. Я вернулся в школу с высоко поднятой головой, но деньги так и не появились.

Последний раунд игры был самым тонким. Наступило 30 декабря. Мне нужно было отослать свое заявление почтой именно в этот день, если я хотел, чтобы оно пришло в Лондон 31 числа.

В десять часов утра один из студентов закричал с лестницы, что ко мне пришли. Я сбежал вниз по ступенькам, думая, что это, должно быть, мой ангел-избавитель. Но, когда я увидел своего посетителя, мое сердце упало. Этот гость пришел не *дать* мне денег, он пришел *просить*. Это был Ричард, мой друг, молодой человек, с которым я познакомился несколько месяцев назад в трущобах Партика. Он иногда приходил в школу, когда ему были нужны деньги.

С трудом волоча ноги, я вышел к нему на улицу. Ричард стоял на усыпанной белой галькой дорожке с опущенными глазами. «Андрей, — сказал он, — у тебя нет лишних денег? Я голоден».

Я засмеялся и объяснил, в чем дело. Я рассказал ему про мыло и лезвия, и пока я разговаривал с ним, я увидел монетку.

Она лежала на гальке, и солнце отражалось в ней так, что ее мог видеть только я, но не Ричард. По ее цвету я понял, что это был шиллинг. Инстинктивно я прикрыл монетку носком ботинка, наступив на нее. Затем, пока мы с Ричардом разговаривали, я нагнулся и поднял ее вместе с несколькими камешками. Я игриво бросал камешек за камешком до тех пор, пока в руке у меня не остался только шиллинг. Но когда я положил его в карман, началась настоящая борьба. Эта монетка решала, останусь ли я в школе. Она не поможет Ричарду, потому что он тут же пропьет ее и уже через час опять будет испытывать жажду.

Я придумывал в свое оправдание один аргумент за другим, прекрасно сознавая, что лукавлю. Как я могу судить Ричарда, когда Господь ясно сказал мне, что этого делать нельзя. Более того, это уже не игра по-царски! Какое право имеет Царский посланник хранить у себя деньги, когда один из Царских сыновей стоит перед ним, говоря, что голоден. Я засунул руку в карман и вытащил серебряную монетку.

«Слушай, Ричард, — сказал я, — вот что у меня есть. Тебе это поможет?»

Глаза Ричарда засияли. «Конечно, друг». Он подбросил монетку в воздух и сбегал вниз с холма. С легким сердцем, которое подсказывало мне, что я все сделал правильно, я повернулся, чтобы войти в школу.

Но не успел я прикоснуться к двери, как на дорожке показался почтальон.

Среди пришедшей почты было письмо и для меня. Когда я увидел почерк Гретье, я понял, что письмо от

молитвенной группы с фабрики Рингерса и что в нем находятся деньги. Так оно и было. И большие деньги — полтора фунта, то есть тридцать шиллингов. Намного больше, чем было нужно для отправки письма, покупки коробки мыла, моей любимой зубной пасты и хороших бритвенных лезвий.

Игра закончилась. Царь сделал все по-царски.

Наступила весна 1955 г. Почти закончились два года обучения в миссионерской школе, и мне не терпелось приступить к работе. Кес закончил школу годом раньше и служил в Корее. В своих письмах он так часто говорил о различных нуждах и возможностях для служения, что директор спросил меня, не хочу ли я присоединиться к Кесу.

Затем однажды утром — спокойно, без фанфар, как часто происходят крутые повороты судьбы — я взял в руки один журнал, и моя жизнь уже никогда не вошла в свое прежнее русло.

Еще за год до окончания школы я спустился в подвал, чтобы взять свой чемодан. Там, поверх картонной коробки лежал журнал, которого ни я, ни кто другой в школе не видел раньше. Как он попал туда, я никогда не узнаю.

Я взял его и рассеянно пролистал. Это был прекрасный журнал, напечатанный на глянцевой бумаге и расцвеченный яркими фотографиями и картинками. На многих фотографиях были запечатлены многотысячные толпы людей, марширующих в Пекине, Варшаве и Праге. Их лица

были оживленными, а шаг решительным. В тексте на английском языке говорилось, что эти молодые люди принадлежат к одной международной организации, насчитывающей девяносто шесть миллионов человек. Нигде не было сказано ни слова о коммунистах, и только иногда проскальзывало слово «социалистический». Речь шла о лучшем мире, светлом будущем. А в конце журнала было дано объявление о молодежном фестивале, который должен был состояться в будущем июле в Варшаве. Приглашались все желающие.

Все?

Вместо того чтобы отложить журнал в сторону, я засунул его под мышку и принес вместе с чемоданом к себе в комнату. В тот вечер, не понимая, к чему все это приведет, я написал по варшавскому адресу, указанному в журнале. Я честно указал, что учусь в христианской миссионерской школе и что молодежный фестиваль мне интересен потому, что я хочу говорить о Христе, а они могут мне рассказать о социализме. Можно ли мне приехать? Я отправил письмо, и вот теперь вдруг пришел ответ. Они будут рады, если я приеду. Поскольку я был студентом, на меня распространялись определенные льготы. Из Амстердама будет отправляться особый поезд. В письме прилагались необходимые документы. Меня с радостью встретят в Варшаве.

Единственный человек, которому я рассказал об этой поездке, был дядя Хоппи. Он ответил мне так: «Андрей, я думаю, тебе следует поехать. Я даю тебе пятьдесят фунтов стерлингов на расходы».

Когда я уезжал из Шотландии, чтобы вернуться в Голландию, моя мечта стала обретать более четкие формы. Начиная с тех дней, что я работал у Рингера, она временами проскальзывала в моих мыслях бесформенными обрывками, всегда туманно и нечетко — до сего момента.

Все началось в мой последний день на фабрике. У Рингера работала одинокая женщина, коммунистка, отвечавшая за ведение документации. Это была невысокая, плотная женщина, чьи коротко подстриженные с проседью волосы стояли на голове ершиком. Она уверенно комментировала все, начиная с нашей зарплаты (мы рабы) и заканчивая королем (он угнетатель). Когда она обнаружила мои евангелизационные устремления, в ней как будто включилась какая-то программа, которая заставляла ее делать заявления типа «Бог — это изобретение класса эксплуататоров». Поскольку она была человеком абсолютно лишенным чувства юмора, то никогда не понимала, что другие люди смеются над ней. За двадцать лет работы на фабрике она никого не обратила в свою «веру».

Я считал ее скорее жалкой, чем смешной, и за обедом частенько присаживался к ней за стол, где она сидела в одиночестве. В тот день, когда я уходил с фабрики, я остановился у ее рабочего места, чтобы попрощаться.

«Наконец-то вы от меня избавитесь!» — сказал я, надеясь хотя бы попрощаться по-доброму.

«Но не от той лжи, которую вы всем рассказывали! — отпарировала она. — Вы загнипнотизировали людей

своими разговорами о спасении! Вы ослепили их своими...»

Я вздохнул и приготовился выслушать лекцию об опиуме для народа. Но, к моему удивлению, сердитый голос дрогнул.

«Конечно, они поверили вам, — сказала она менее уверенно, — они неподготовленные люди. Их не учили диалектической аргументации. Они думают то, что *хотят думать*».

«В конце концов, — ее голос звучал так тихо, что я едва мог расслышать, — если бы вы могли выбирать, вы бы не выбрали Бога и все такое».

Я быстро взглянул на нее и увидел немислимое: мне показалось, что в ее глазах стояли слезы.

Глава седьмая

За Железным занавесом

Когда я вернулся в Витте, я обнаружил, что дома ничего не изменилось, точно так же, как ничего не изменилось после моего возвращения из Индонезии. Казалось, в то жаркое июльское утро 1955 г. деревня продолжала спать в том же состоянии, в каком я покинул ее, так что вначале у меня было немного неприятное ощущение, словно время остановилось. Когда я перешел мостик и вошел во двор, Гелтье развешивала в саду белье. Здесь, однако, были перемены: на крылечке играл маленький мальчик — сын Гелтье.

«Привет! — крикнул я. — В доме есть кто-нибудь? Это Анди!»

И тут же откуда-то появилась вся семья. Послышались крики, приветствия, меня обнимали, и сразу же началось обсуждение извечной проблемы: кто где будет спать, когда домой вернулся дядя Андрей.

Следующие несколько дней я навещал своих друзей. Я пошел повидать мистера Рингерса на фабрику. Я посетил мисс Мекле, которая удивленно всплеснула руками, услышав мой английский, а потом отправился к семье Кеса. Затем я зашел навестить

Уэтстров, которые, к моему удивлению, собрались переезжать в Амстердам. Их бизнес с экспортом цветов шел хорошо, и они хотели быть поближе к большим торговым компаниям.

В последнюю очередь я поехал в Эрмело навестить старшего брата Бена и его жену. Как бы невзначай я спросил, слышал ли он что-нибудь о Тиле.

«Да, — ответил он тоже ничего не значащим тоном, — в прошлом году мне говорили, что она вышла замуж. Кажется, за булочника».

Поскольку больше нечего было сказать на эту тему, мы ее больше не касались.

Поезд из Амстердама в Варшаву отходил 15 июля 1955 г. Я очень удивился, увидев, как много молодых людей собралось на фестиваль. Молодежь сотнями заполняла весь вокзал. Впервые я начал верить тем невероятно высоким цифрам, которые вычитал в журнале.

Мой чемодан был очень тяжелым. Там было совсем немного одежды — смена белья и несколько пар носков. Но зато там было много маленьких, в тридцать одну страничку, буклетов, озаглавленных «Путь спасения». Если коммунисты приглашали меня в свою страну с литературой, то я готов был тащить эту литературу на себе. Карл Маркс однажды сказал: «Дайте мне двадцать шесть свинцовых солдатиков, и я покорю весь мир», имея в виду двадцать шесть букв английского алфавита. Ну, что ж, в эту игру можно было играть и нам. Я собрался в Польшу с изданиями этой мощной книжечки на всех европейских языках.

Итак, с чемоданом, у которого от большого веса чуть не отрывалась ручка, и в новых вельветовых брюках, скрипевших на каждом шагу, я вошел в вагон. Через несколько часов я уже стоял на Варшавском центральном вокзале, ожидая распределения в гостиницу. Я чувствовал себя очень одиноко. Я не знал ни одного человека в этой стране; ни одного слова польски. Со всего мира в Варшаву съезжались молодые люди с целями, абсолютно противоположными моей. Пока длилось ожидание, я поймал себя на том, что стал молиться, и подумал, что мои молитвы были единственным воззванием к Богу в этой шумной, энергичной, смеющейся толпе.

Моя «гостиница» оказалась школьным зданием, превращенным в спальные комнаты специально для такого случая. Я зарегистрировался, и меня направили в кабинет математики, в котором стояло тридцать кроватей. Как только представилась возможность, я сразу отправился на варшавские улицы, думая, что же мне делать дальше. Почти бессознательно я сел в первый подвернувшийся автобус и вдруг, пока автобус ехал, понял, что мне делать. Во время оккупации я выучил немного немецкий и знал, что в Польше живет много немцев. Поэтому, набрав полную грудь воздуха, я громко сказал по-немецки: «Я христианин из Голландии». Все вокруг меня прекратили разговаривать. Я почувствовал, что выгляжу глупо. «Я хочу встретиться с польскими христианами. Кто-нибудь может мне помочь?»

Молчание. Но одна полная женщина, собираясь выйти из автобуса, вплотную приблизила ко мне свое

лицо и шепнула по-немецки адрес. Затем она сказала: «Библейский магазин».

У меня заколотилось сердце. Библейский магазин? В коммунистической стране? Я нашел указанный адрес, и действительно — там был библейский магазин. В витрине красовались Библии, издания на иностранных языках, карманные Евангелия. Но магазин был огорожен массивной решеткой, а дверь забита досками. На двери висела бумажка с надписью, которую я старательно, буква в букву, переписал и вернулся в гостиницу.

Руководительница моей группы улыбнулась: «Это объявление об отпуске», — сказала она.

«Закрывается на время коллективного отпуска. Будет открыто 21 июля».

Мне оставалось только ждать.

Вся программа трехнедельного пребывания была расписана заранее. По утрам мы должны были отправляться на организованные экскурсии по городу, а днем и по вечерам слушать речи.

Несколько дней я соблюдал расписание. Было понятно, что нам показывают хорошо вычищенный фасад Варшавы. Новые школы, процветающие фабрики, квартиры с удобствами, изобилие товаров в магазинах. Все впечатляло. Но мне было интересно, что я увижу, если похожу сам, один.

Однажды утром я решил попробовать. Я рано встал и, прежде чем остальная группа спустилась вниз к завтраку, вышел из здания.

Какой это был день! Я ходил по широким проспектам Варшавы, видя повсюду печальные следы, оставленные войной. Стояли разрушенными целые кварталы, которых мы, естественно, не посещали во время организованных экскурсий. Там были трупщобы, магазины с полупустыми полками, где толпились в очередях люди, одетые в лохмотья. Одна сцена особенно врезалась мне в память. В городе существовал район, где дома были разрушены бомбами, и в нем целые семьи жили как кролики в загоне. Они вырыли ходы в подвалы и поселились там. Я увидел босую девочку, игравшую в пыли среди мусора. У меня с собой был буклет на польском, и я отдал его девочке вместе с маленькой банкнотой. Она удивленно посмотрела на меня и побежала на вершину холма из щебня. Через минуту из-под камней появилась голова женщины. Она приковыляла ко мне, держа в руках брошюру и деньги. Позади нее шел мужчина. Они оба были грязными и пьяными.

Я пытался заговорить с ними по-немецки, по-английски и даже по-голландски, но они смотрели на меня ничего не понимающими глазами. Жестами я показал им, что эту книгу нужно прочитать, но по тому, как они держали ее, я понял, что они не умеют читать. Они только качали головами, и наконец, сам покачав головой, я ушел оттуда.

Наступило воскресенье. Это был важный день в нашей программе. Мы должны были принять участие в

демонстрации на стадионе. Но вместо этого я пошел в церковь.

В голландских газетах так много писали о домашнем аресте лидеров польских церквей и о закрытии семинарий, что у меня создалось впечатление, что вся религиозная жизнь в Польше ушла в подполье. Конечно, это было не так. Библейский магазин, по всей видимости, работал. Я проходил мимо католических храмов, двери которых были открыты. Но существуют ли в Польше, думал я, действующие протестантские церкви?

Я не хотел спрашивать о церкви у наших руководителей, потому что не доверял им. Поэтому я выскользнул на улицу и поймал такси. «Добрый день», — сказал я по-польски. Водитель улыбнулся и разразился длинным предложением. Но по-польски я знал только приветствие, и, когда я попросил его по-немецки отвезти меня в церковь, его лицо перестало сиять улыбкой. Я попробовал объяснить по-английски, но он ничего не понимал.

Я сложил руки словно в молитве, затем раскрыл их, словно читал книгу. Потом перекрестился и покачал головой. Нет, не католический храм. И опять я жестами показал, будто читаю книгу. Водитель опять улыбался. Он поехал по городу, и, как я увидел, он понял, что мне нужно. Мы остановились у красного кирпичного здания, над которым возвышались два шпиля. Через десять минут я сидел в реформатской церкви за Железным занавесом.

Меня поразило количество прихожан. Церковь была на три четверти заполнена народом. Я также был

удивлен присутствием молодежи. Пение было вдохновенным, проповедь, по всей видимости, основана на Писании, потому что проповедник постоянно обращался к Библии. Когда служение закончилось, я подождал в конце зала, чтобы посмотреть, говорит ли кто-нибудь на языках, которыми я владею. Должно быть, было видно, что я иностранец, потому что я услышал приветствие на английском: «Добро пожаловать».

Я повернулся и увидел пастора. «Вы не сможете подождать немного?» — спросил он меня. — «Мне бы хотелось поговорить с вами».

Я с радостью подождал его.

После того как почти все ушли, пастор и несколько молодых людей с готовностью отвечали на мои вопросы. Да, они исповедовали свою веру открыто и в условиях значительной свободы, пока соглашались с политикой партии. Да, членами их церкви могли быть коммунисты. Что ж, этот режим так много сделал для народа, что на некоторые вещи приходится просто закрывать глаза. «Да, это компромисс, — сказал пастор, пожав плечами, — но что делать?»

«В какую церковь вы ходите дома?» — спросил один из молодых людей на отличном английском.

«В баптистскую».

«А не хотите сходить на богослужение в баптистскую церковь?»

«Очень хочу».

Он вытащил бумагу и карандаш и написал адрес. «Сегодня вечером там будет служение», — добавил он.

В тот же вечер, узнав от других членов голландской делегации, какими скучными были бесконечные речи, я опять сел в такси, но на этот раз вооруженный конкретным адресом.

Когда я приехал, богослужение было в самом разгаре. Народу там оказалось меньше. Люди были не так хорошо одеты, и среди прихожан почти не было подростков. Но произошло нечто интересное. Пастору сообщили, что в приходе появился иностранец, и меня тут же попросили подняться на кафедру и выступить перед собравшимися людьми. Я изумился. Неужели у них с этим так свободно?

«Есть кто-нибудь, кто говорит по-немецки или по-английски?» — спросил я, не осознавая, что нашел способ, которым буду часто пользоваться в будущем. Оказалось, что в приходе есть женщина, говорящая по-немецки. С ее помощью я прочитал свою первую проповедь за Железным занавесом. Она была коротенькой, и смысл ее был очевиден: вот я, христианин с другой стороны Железного занавеса, стою и проповедую Евангелие в коммунистической стране.

В конце моего маленького обращения пастор сказал самую интересную вещь. «Мы хотим поблагодарить вас, — сказал он, — за то, что вы *здесь*. Даже если бы вы не сказали ни слова, просто видеть вас означает для нас очень много. Иногда нам кажется, что в нашей борьбе мы совершенно одиноки».

В ту ночь, лежа на своей койке в кабинете математики, я думал о том, насколько разными были эти две церкви. Одна явно проводила политику сотрудничества с правительством, она привлекала к себе большое количество народа, в том числе молодежь. Другая, как я чувствовал, шла дорогой одиночества. Когда я спросил, есть ли у них в приходе члены коммунистической партии, они ответили: «Если и есть, мы *не знаем* об этом». Мне приходилось учиться так быстро и так многому, что трудно было все это усвоить.

Я пробыл в Польше почти неделю! Наконец наступило 21 июля, день, когда должен был открыться библейский магазин. Я рано вышел из гостиницы и скоро достиг улицы Нового мира.

Около девяти часов утра я увидел торопливо идущего человека, который подошел к магазину и вставил ключ в замочную скважину.

«Доброе утро», — сказал я по-польски.

Человек выпрямился и посмотрел на меня. «Доброе утро», — ответил он несколько неуверенно.

«Вы говорите по-английски или по-немецки?» — спросил я по-английски.

«По-английски, — он осмотрелся по сторонам. — Входите».

Владелец магазина включил свет и начал поднимать ставни. Пока он работал, я представился. Хозяин улыбнулся. Теперь наступила его очередь. Он показал мне свой магазин: разные издания Библии по самым

разным ценам. И все время он выуживал из меня информацию, пытаясь понять, кто я был на самом деле.

«Почему вы приехали в Польшу?» — вдруг спросил он.

«Страдает ли один член, страдают с ним все члены», — процитировал я стих из Первого послания к Коринфянам.

Владелец посмотрел на меня в упор. «Мы не говорим о страданиях, — сказал он, — напротив, я говорю вам, что мы совершенно свободно издаем и распространяем Библии». И он начал рассказывать историю, которая, как он сказал, является иллюстрацией хороших взаимоотношений христиан с режимом. Даже Сталин перед смертью улыбнулся, когда ему рассказали о работе библейского магазина.

Однажды, сказал владелец, к нему в магазин пришли два чиновника и вручили ему письменное предписание. В честь дня рождения Сталина каждый магазин должен был вывесить в своей витрине портрет Сталина в окружении самых лучших товаров.

«Конечно, — продолжил владелец, — я с радостью выполнил предписание. Каждый день я ходил по магазинам и нашел то, что искал: очень большой и красочный портрет Сталина со сложенными на груди руками и приятной улыбкой на лице. Я поместил этот портрет в своей витрине. Затем я взял самую дорогую Библию, открыл ее на странице, где красной краской напечатаны слова Христа, и поместил как раз перед опущенным взором Сталина. Всем понравилась моя выставка, потому что очень скоро перед витриной стали

собираться толпы народа, и все улыбались. Прибыла и народная полиция. «Уберите это немедленно!» — приказали они. «О нет, господа, — ответил я. — Я не могу сделать этого, потому что вот предписание правительства черным по белому».

Я смеялся, но владелец нет. Его глаза даже не улыбались. Это была моя первая встреча с сухим и лицемерным двоедушием, которое играет такую важную роль в жизни христианской общины за Железным занавесом. Я торопливо привел свое лицо в порядок, чтобы соответствовать строгому выражению лица хозяина.

Пока мы разговаривали, в магазин зашло несколько покупателей. Мне было интересно, как много людей ходит в этот маленький магазин. Когда мы остались одни, я спросил владельца, есть ли библейские магазины в других коммунистических странах. «Где-то есть, где-то нет», — ответил он, начав вытирать пыль с книжных полок. «Думаю, в России Библий действительно очень мало. Мне даже рассказывали, что на Библиях люди делают состояние. Человек контрабандой провозит в Россию десять Библий и продает их за такую сумму, что на эти деньги может купить мотоцикл. Затем он привозит этот мотоцикл в Польшу, Югославию или Восточную Германию и продает с такой прибылью, что покупает еще больше Библий. Но это, естественно, слухи».

Все то утро я провел с владельцем библейского магазина, и когда пришла пора уходить, я с неохотой попрощался. На обратном пути я пытался осмыслить то, что увидел. Вот магазин, который открыто продает

Библии всем желающим, и этот факт никак не является свидетельством жестоких преследований, о которых я так часто слышал в Голландии. И все же мой друг вел себя так осторожно, словно занимался нелегальным бизнесом. В атмосфере магазина чувствовались напряженность и скованность, которые свидетельствовали о том, что все не так просто.

И все же я не сделал того, ради чего приехал. Я хотел открыто раздавать на улицах мои «двадцать шесть солдатиков» и наблюдать, что будет происходить дальше.

Поэтому несколько дней подряд я стоял на перекрестках, ходил на рынки, заполненные яркими и сочными летними овощами, ездил в трамваях и повсюду раздавал свои буклеты.

Никогда раньше я не видел, чтобы в трамваях ездило столько народу. Люди стояли в салоне вагона, на площадках и на подножках. Помню, как однажды на задней площадке меня так сдавили, что я поднял высоко над головой свои брошюры, чтобы их не помяли. Сельская женщина, стоявшая рядом со мной, перекрестилась, увидев мои книжки, и сказала: «Да, да, это именно то, что нужно нашей Польше».

Вот именно. Но я знал, что она, католичка из Восточной Европы, и я, протестант с Запада, встретились в переполненном трамвае просто как христиане.

Шли дни, и никто не мешал мне распространять мои буклеты на улицах города. Я был в восторге от

такого неожиданно удачного миссионерского эксперимента. Я считал, что раздаю свои брошюры всем и повсюду. Но однажды утром я вдруг подумал о солдатских бараках совсем неподалеку от нашей школы. Мне и в голову не приходило предлагать брошюры солдатам, потому что один их вид заставлял меня ускорять шаги в противоположном направлении.

Насколько слеп может быть человек! Уж я-то должен был знать, что нельзя судить о ком-либо по форме. Накануне завершения фестиваля я подошел к группе солдат, стоявших в карауле, и вручил каждому из них по брошюре. Они посмотрели на буклеты, на меня, а затем друг на друга. Я сказал им, что я голландец, и оказалось, что один из них говорит по-немецки.

«Вам, должно быть, очень обидно из-за американской оккупации».

«Из-за чего?»

«Из-за оккупации Голландии американскими военно-воздушными силами».

Я уже почти объяснил, что никто не оккупировал Голландию, как вдруг все солдаты вытянулись. К нам шел офицер, на ходу отдавая приказы по-польски. Шесть солдат быстро ушли. Но я заметил, что все они спрятали мои брошюры.

«Что вы дали этим солдатам?» — спросил меня офицер по-немецки.

«Вот это, сэр», — я вручил ему одну из своих брошюр. Он внимательно посмотрел на нее. И только два часа спустя мы смогли наконец расстаться. На

следующий день наша группа уезжала, и мне нужно было подготовиться к отъезду. Когда мы прощались, офицер — он был из православной семьи — пожелал мне Божьих благословений и безопасного путешествия.

Наступило утро моего последнего дня в Варшаве. Я встал раньше обычного и на рассвете вышел на улицу. На одном из широких проспектов я нашел скамью, вытер ее от росы и сел, раскрыв карманное Евангелие. Я специально вышел так рано. Я хотел помолиться за каждого человека, с которым встретился во время своего пребывания в Варшаве. Долго в то утро я вспоминал места, где побывал, и людей, с которыми встречался. За три воскресенья я посетил пресвитерианскую, баптистскую, римско-католическую, православную, реформатскую и методистскую церкви. Пять раз меня просили выступить перед собравшимися. Я посетил библейский магазин, разговаривал с солдатами и офицером, с людьми на улицах и в трамваях. Я молился за каждого из них.

Когда я молился, я вдруг услышал музыку.

Она приближалась ко мне по проспекту. Это был энергичный марш, в который вплетались поющие голоса. Затем я увидел его — завершающий кульминационный момент моего визита — триумфальный парад фестиваля.

Это была поистине монументальная демонстрация невероятной силы режима.

Они приближались — молодые социалисты, — маршируя вниз по проспекту. Ни на секунду я не верил, что они шли по принуждению. Они шли, потому что

верили. Они шли по восемь человек в каждом ряду: здоровые, полные жизни, чисто выбритые и аккуратно подстриженные. Они пели, и их голоса звучали как крики. Они шли мимо меня десять минут, пятнадцать минут, нескончаемые ряды молодых мужчин и женщин

Эффект был потрясающим. Это были евангелисты XX в. Это были люди, пришедшие выкрикивать свою добрую весть.

Отчасти содержанием их доброй вести было заявление о несостоятельности старых представлений о Боге, старых и ветхих суеверий. Человек был сам себе хозяин, и его будущее было в его руках.

Что мы, на Западе, можем сделать с этими тысячами молодых людей, все еще идущими мимо меня и с ужасающей ритмичностью хлопающими в ладоши.

Убить их? Это предложение уже выдвигали нацисты.

Позволить им выиграть, не приняв их вызов? При всей моей любви и уважении к WEC и его миссионерскому колледжу, должен сказать, что они ни разу никого не послали за Железный занавес.

Что же нам делать? Что *мне* делать?

Библия на моих коленях раскрылась, и легкий ветерок пошевелил странички. Я положил руку, чтобы придержать страницы, и мой взгляд упал на Книгу Откровение. Мой палец лежал на странице так, словно указывал, какое место следует прочитать. «Проснись, — говорила Библия под моими пальцами, — "Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти..."»

Вдруг я понял, что смотрю на мир сквозь пелену слез. Неужели Бог говорит мне эти слова, призывая меня на пожизненное служение здесь, за Железным занавесом, где Его страдающая Церковь борется за жизнь? Неужели мне поручено утверждать то драгоценное, что еще осталось здесь?

Но это нелепо! Как я смогу? Насколько я знал, тогда, в 1955 г., на этом огромном миссионерском поле не было ни одного миссионера. И что мог сделать я, один человек, за которым не стояло ни фондов, ни организаций, против огромной силы, подобной той, которая только что прошла мимо меня?

Глава восьмая

Чаша страданий

Наш поезд прибыл в Амстердам точно по расписанию. Я вышел вместе с толпой пассажиров, вельветовые брюки на мне по-прежнему скрипели, но чемодан был намного легче, чем по пути в Варшаву.

Я не поехал сразу в Витте. Вместо этого я решил сначала повидаться с Уэтстрами в их новом амстердамском доме.

Дом был чудесный. Симпатичный, из коричневого кирпича на красивой, усаженной деревьями улице недалеко от реки. Перед домом был припаркован новенький «Фольксваген» голубого цвета, о котором мистер Уэтстра уже писал мне. Я поставил чемодан на тротуар и попытался открыть небольшую калитку.

«Ну, сынок, как он тебе нравится?»

Я обернулся и увидел улыбающегося мистера Уэтстра. Он тут же повез меня на небольшую прогулку по побережью.

«Ну, хватит хвастаться, — сказал он, — ты лучше расскажи о том, как съездил в Польшу».

Оставшуюся часть дня я рассказывал Уэтстрам о своей поездке. Я также сказал о библейском стихе, который был дан мне явно сверхъестественным образом.

«Но как я смогу утверждать что-либо? — спросил я. — Разве у меня есть какая-нибудь сила?»

Мистер Уэтстра покачал головой. Он согласился, что один голландец вряд ли мог удовлетворить ту бескрайнюю нужду, о которой я рассказал им. Но миссис Уэтстра поняла.

«Конечно, нет никакой силы! — радостно воскликнула она. — Но разве ты не знаешь, что, когда мы слабы, именно тогда Бог может использовать нас наилучшим образом? Может, это не ты, а Святой Дух, у Которого есть планы на жизнь за Железным занавесом? А ты говоришь о силе...»

Мое возвращение в Витте было ознаменовано приятным сюрпризом.

Весь вечер к нам приходили соседи с вопросами, потому что в 1955 г. люди с Запада только-только начинали проникать за Железный занавес и коммунистический мир был окутан пеленой таинственности. Но наконец последний гость прогремел деревянными башмаками на мосту, и все собрались ложиться спать. Я потянулся, взял свой почти пустой чемодан и направился было за Корнелиусом к лестнице на чердак.

«Одну минутку, Анди», — сказала Гелтье.

Я остановился.

«Мы хотим кое-что показать тебе!»

Я спустился с лестницы и последовал за Гелтье в комнату, когда-то бывшую родительской спальней. Все здесь напоминало об умерших близких. Я вспомнил

бесплотное тело Баса под одеялом, маму в последние месяцы войны — слишком слабую, чтобы поднять голову с подушки...

«Мы построили папе новую комнату над сараем, — сказала Гелтье, — и потому решили отдать эту тебе».

У меня перехватило дыхание. В самых смелых мечтах я никогда не представлял, что у меня будет собственная комната. Я знал, на какую жертву пошли Ари и Гелтье, решившись сделать мне этот подарок.

«Пока не женишься!» — закричал папа из гостиной. Папа все чаще стал намекать, что пора бы его 27-летнему сыну расстаться с холостяцкой жизнью. «Пока не женишься!»

Я с трудом нашел слова благодарности! В ту ночь, после того как все уснули, я закрыл дверь и стал ходить по комнате, рассматривая мебель.

«Спасибо за стул, Господь. Спасибо за бюро...» Я сделаю себе письменный стол. Я поставлю его здесь и буду сидеть в своей комнате — читать, работать, строить планы.

Не прошло и недели после моего возвращения домой, как посыпались приглашения. Церкви, клубы, гражданские организации и школы — все хотели узнать о жизни за Железным занавесом.

Я принимал все приглашения. Отчасти мне нужны были деньги, которые предлагали мне за выступления. Но была и другая, более важная причина. Каким-то

образом я чувствовал, что именно так, выступая перед людьми, я скорее пойму, чем мне заняться дальше.

И вот что случилось.

Одна церковь в Харлеме по всему городу развесила объявления о том, что я буду рассказывать о «жизни христиан за Железным занавесом». Я никогда не выступал с речью на эту тему после трехнедельного посещения одного города. Но эта реклама привлекла большую толпу слушателей, и зал был набит до отказа. Привлекла она также и группу коммунистов.

Я сразу узнал их: некоторые из них были со мной в Варшаве, и я подумал, что попал в интересную ситуацию. Однако, к моему удивлению, они не проявили никакой активности ни во время выступления, ни тогда, когда аудитории было разрешено задавать вопросы. Но после собрания ко мне подошла одна женщина. Она была руководителем молодежной делегации, бывшей в Варшаве.

«Мне не понравилось то, что вы рассказывали», — сказала она.

«Весьма сожалею. Думаю, это действительно не могло вам понравиться».

«Вы осветили положение только отчасти, — сказала она. — Очевидно, вы не все видели. Вам нужно больше ездить, посетить другие города и встретиться с большим количеством руководителей».

Я ничего не ответил. К чему она клонит?

«Другими словами, вам нужно поехать туда еще раз, и именно это я хочу предложить вам, — я затаил

дыхание, — дело в том, что мне поручили отобрать пятнадцать человек из Голландии для поездки в Чехословакию. Мы пробудем там четыре недели. Туда поедут студенты, профессора, представители прессы, и, кроме того, нам хотелось бы пригласить кого-нибудь из церкви. Хотите поехать?»

Неужели это опять рука Божья? Неужели еще одна дверь открывается передо мной? Я решил опять предстать пред Господом с вопросом о финансовом обеспечении. У меня не было денег на эту поездку. «Если Ты хочешь, чтобы я поехал, Господь, — молнией мелькнула у меня в голове мысль, — Ты Сам обеспечишь меня деньгами».

«Спасибо, — сказал я вслух, — но я не могу позволить себе подобную поездку. Очень жаль». Я начал собирать фотографии Варшавы, которые привез с собой на встречу.

Я чувствовал, как дама сверлит меня взглядом.

«Ну, что ж, — сказала она, — мы можем уладить и этот вопрос».

Я посмотрел на нее: «Что вы имеете в виду?»

«Расходы на поездку. Вам это ничего не будет стоить».

Так началась моя вторая поездка за Железный занавес. Она очень напоминала мне путешествие в Польшу, кроме того, что группа была не такая большая и у меня было меньше возможностей вырваться куда-то

самостоятельно. Я все пытался понять, чему Бог хотел научить меня в Чехословакии.

К концу четырехнедельного пребывания я нашел ответ. Повсюду нам рассказывали о религиозной свободе, которой люди пользуются при коммунистах. Здесь, в Чехословакии, говорил нам гид, есть даже группа ученых, состоящих на государственном обеспечении, и они только что закончили новый перевод Библии и теперь работают над созданием Библейского словаря.

«Мне бы очень хотелось встретиться с этими учеными», — сказал я.

В тот же день меня повезли в большое учреждение в центре Праги. Это был межцерковный центр — штаб-квартира всех протестантских церквей в Чехословакии. Моей первой реакцией было изумление при виде огромных размеров здания, в котором размещались самые различные службы. Меня провели по офисам, где ученого вида люди в черных костюмах сидели за толстыми томами и кипами бумаг. Мне сказали, что эти люди работают над новым переводом Библии. Все это произвело на меня сильное впечатление. Но постепенно начали выявляться некоторые удивительные факты. Я спросил, можно ли посмотреть черновики нового перевода, и мне показали внушительную и тяжелую рукопись.

«О, перевод еще не издавали?» — спросил я.

«Еще нет, — ответил ученый. Его лицо казалось опечаленным. — Он готов еще со времен войны, но...»

Он взглянул на руководителя группы и не закончил предложения.

«А что с Библейским словарем? Он уже готов?»

«Почти».

«Но что толку иметь Библейский словарь без Библии? А есть предыдущие переводы?»

Ученый снова взглянул на руководителя группы, словно пытаясь решить, что можно сказать.

«Нет, — наконец пробормотал он. — Нет, все это очень сложно. Сегодня очень трудно найти Библию».

Руководитель группы решил на этом закончить наш разговор. Меня вывели из здания, больше не дав возможности задавать вопросы. Но все было ясно. Я понял, в чем весь фокус. Новый режим не стал откровенно противостоять этому благочестивому народу, а предложил поиграть в прятки. Правительство готово было оплачивать труд по переводу Библии, которая никогда не будет издана. Оно оплачивало создание нового Библейского словаря, но без Библии он ничего не стоил.

На следующий день я попросил нашего гида отвезти меня в межконфессиональный книжный магазин на улице Юнгманова, 9. Я хотел увидеть, действительно ли трудно приобрести Библию. В магазине было много музыкальных произведений, канцтоваров, картин, статуэток, крестов, книг, более или менее относящихся к религии. В любом подобного типа магазине в Голландии обязательно был отдел, заполненный самыми разными изданиями Библии.

«Можно посмотреть Библию со словами Иисуса, выделенными красным?» — спросил я продавщицу. К тому времени я понял, что, разговаривая на немецком или английском, я не буду иметь особых проблем с пониманием.

Продавщица покачала головой: «Сожалею, сэр. Сейчас таких Библий в продаже нет».

«А есть Библия с обычным текстом?»

Но и это издание, как оказалось, временно отсутствовало.

«Мадам, — сказал я, — я приехал сюда из Голландии специально, чтобы посмотреть, как живет церковь в Чехословакии. Вы что, хотите сказать, что в самом большом религиозном магазине страны нет ни одной Библии?»

Продавщица извинилась и исчезла за занавеской. Послышались приглушенные взволнованные голоса, сопровождавшиеся шелестом бумаг. Затем появился менеджер, несущий обернутый в коричневую бумагу сверток.

«Вот, сэр». Я поблагодарил его. «Библии стали редкостью, потому что мы готовим новый перевод, — сказал менеджер, — и пока он не выйдет, старые версии просто не печатают».

Наступил последний день нашего пребывания в Праге. Для нас была подготовлена большая программа: сначала поездка за город на экскурсию в образцовый

колхоз, после обеда пресс-конференция, а потом прощание с Прагой.

Может быть, ради приличия я и высидел бы все эти мероприятия, если бы не одно обстоятельство — это было воскресенье, то есть мой последний шанс преклонить колена в молитве с чешскими верующими без контроля со стороны руководителя группы.

Я планировал свое бегство в течение многих дней. Я заметил, что у задней двери нашего туристического автобуса испорчена пружина. Даже в закрытом состоянии там оставалась щель шириной в ногу. И вот, сдерживая дыхание...

Когда в тот последний день автобус тронулся с места, я сидел на заднем сиденье. На каждой остановке перед светофором я пытался незаметно для всех выскользнуть из автобуса. Но все вертели головами, рассматривая достопримечательности. Наконец однажды все глаза напряженно устремились вперед, пытаясь разглядеть бронзовую статую какого-то героя на коне. Я так и не понял, кто это был, потому что, когда гид начал рассказывать о нем, я набрал в грудь воздуха, просочился в щель и ступил на улицу. Заскрипели тормоза, и мощный мотор взревел. Я оказался на улицах Праги один.

Через полчаса я стоял в вестибюле церкви, которую заметил во время предыдущей экскурсии по городу. Я смотрел, как люди заходят внутрь. Мне особенно интересно было узнать, как может функционировать церковь без Библий. Кто-то нес с собой сборник гимнов и очень редко — Библию. Но что удивило меня больше всего, многие приносили с собой тетради. Зачем?

Началась служба. Я сел сзади. С самого начала служения я не переставал удивляться. Почти все оказались дальнотзорными! Владельцы сборников гимнов держали их на расстоянии вытянутой руки, высоко в воздухе. Те, у кого были тетради, делали то же. И только потом я понял: люди, имевшие сборники, держали их так, чтобы другие тоже могли их видеть. А в тетрадках у них были переписаны ноты и слова любимых песен и гимнов.

То же проделывалось с Библиями. Когда проповедник объявлял стих, каждый владелец Библии находил это место и высоко поднимал книгу так, чтобы окружающие могли увидеть его. Я наблюдал, как эти люди буквально боролись за то, чтобы быть ближе к Слову, и моя рука крепко сжала Библию, лежащую у меня в кармане. Я всегда считал само собой разумеющимся свое право иметь эту книгу. Я подумал, что теперь никогда не возьму ее в руки, не вспомнив при этом старенькую бабушку, которая сейчас стояла передо мной почти на цыпочках и вытягивала шею, пытаясь рассмотреть слова Священного Писания, которое ее сын держал высоко над головами.

После служения я представился проповеднику. Когда я сказал, что приехал из Голландии специально для того, чтобы встретиться с христианами Чехословакии, он, казалось, с трудом сдержал эмоции.

«Я слышал, — сказал он, — что Чехословакия собирается открыть свои границы. Но я не верю этому. После окончания войны... — он оглянулся, — мы словно находимся в тюрьме. Мне нужно поговорить с вами».

Мы вместе отправились к нему на квартиру. И только позже я узнал, что в 1955 г. это было для него очень опасно. Он сказал мне, что правительство пытается взять церковь под свой контроль. Именно правительство отбирало студентов в семинарии, и туда шли кандидаты, которых вполне устраивал существующий режим. Кроме того, служителю нужно было продлевать свою лицензию каждые два месяца. Его другу недавно отказали в этом без всяких объяснений. Каждую проповедь нужно было писать заранее и согласовывать с властями. Каждая церковь должна была представлять соответствующим органам список своих лидеров. На прошлой неделе в Брно состоялся суд над пятью братьями, потому что их церковь не подала список своих лидеров.

Пора было начинать второе богослужение.

«Вы не хотите выступить у нас?» — вдруг спросил он.

«Это возможно? Мне действительно можно проповедовать здесь?»

«Нет. Я не сказал "проповедовать". Нужно осторожно обращаться со словами. Вы не имеете права проповедовать, поскольку вы иностранец, но вы можете "передать привет" из Голландии. И, — мой друг улыбнулся, — если хотите, можете "передать привет" от Господа».

Моим переводчиком был молодой студент медицинского института по имени Антонин. Сначала я передал привет из Голландии. На это ушла пара минут.

Затем в течение получаса я передавал приходу приветствия «от Иисуса Христа». Это получилось так хорошо, что Антонин предложил сделать то же в другой церкви. Всего в тот день я проповедовал четыре раза и посетил еще пять разных церквей. Каждая памятна мне по-своему, но последняя — особенно. Ибо именно там я получил Чашу страданий.

Было семь часов вечера. Я знал, что к этому времени в группе по-настоящему обеспокоены моим отсутствием. Мне нужно было попытаться найти их.

Но когда я подумал об этом, Антонин спросил меня, не хочу ли я посетить еще одну церковь, где, как он думал, люди особенно нуждались во встрече с кем-нибудь из-за границы.

Поэтому мы снова отправились в путь и вскоре прибыли в маленькую Моравскую церковь, стоявшую на отшибе. Я удивился большому количеству народа, особенно молодежи. Там было, должно быть, около сорока человек в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти. Я передал свои приветствия, а затем отвечал на вопросы. Могут ли христиане в Голландии получить хорошую работу? Доносят ли на тебя властям, если ты ходишь в церковь? Можно ли посещать церковь и тем не менее поступить в университет?

«Видите ли, — сказал мне Антонин, — в наши дни быть христианином в Чехословакии непатриотично. Некоторые из этих людей занесены в черный список и не могут найти работу. Многие не получили образования. И поэтому, — он взял из рук молодого человека, стоявшего рядом с нами, маленькую коробочку, — они хотят подарить вам вот это».

Молодой человек страстно говорил мне что-то по-чешски.

«Возьмите это с собой в Голландию, — переводил Антонин, — и, когда люди спросят вас о том, что это такое, расскажите им о нас и напомните, что мы тоже часть Тела Христова и что мы страдаем».

Я открыл коробочку. Внутри лежал серебряный нагрудный значок в форме крошечной чаши. Я уже видел некоторых молодых людей, на лацканах которых были такие значки, но не знал, что они означают.

Антонин приколот его к моему пиджаку. «Это символ Церкви в Чехословакии. Мы называем его Чашей страданий».

Когда Антонин оставил меня у гостиницы, я снова подумал о его словах. Я понимал, что мы в Голландии так же отделились от реальных фактов современной истории Церкви, как и христиане в Чехословакии. Чаша страданий была символом реальности, которую мы должны разделить с другими.

Однако сейчас мне пришлось предстать перед другой реальностью. Где мне найти свою группу? Их не было в гостинице, и никто не знал, где должен был состояться прощальный обед. Я пошел в ресторан, куда мы несколько раз заходили. «Нет, господин, группа из Голландии сегодня здесь не обедает».

«А мне нельзя съесть хотя бы бутербродик?»

«Конечно, можно, сэр».

Я успел откусить от бутерброда только один кусочек, как дверь настежь распахнулась и в зал вошла руководитель группы. Она быстро огляделась, увидела меня и невольно вздохнула с облегчением. Но в следующую же секунду ее лицо вспыхнуло гневом. Она буквально подлетела к моему столу, швырнула официанту счет и кивком головы указала мне на дверь. Было видно, что она не в состоянии говорить.

На улице нас ждала правительственная машина — длинный черный лимузин с включенным мотором, за рулем которого сидел пренеприятнейший человек. Когда мы приблизились, он вышел, открыл дверь, а затем захлопнул ее за нами. Куда меня везут? Вспомнив голливудские варианты таких сцен, я попытался запомнить, куда мы едем.

Наблюдая за ходом машины, я вдруг осознал всю комичность ситуации. Машина везла нас к гостинице.

Мы уже почти приехали, когда руководитель группы произнесла свои первые слова. «Вы задержали нас на полдня. Мы обзвонили все больницы, все полицейские участки. Мы звонили даже в морг. К сожалению, вас там не оказалось! Где вы были?»

«О, — сказал я, — я отстал от группы, гулял пешком. Я действительно сожалею, что доставил вам беспокойство».

«Ну, что ж, должна заявить вам официально, сэр, что больше вас здесь не ждут. Если вы попытаетесь проникнуть в эту страну снова, вы убедитесь в этом сами».

Так оно и произошло. Через год я попытался получить визу в Чехословакию, но мне отказали. Спустя два года после этой неудавшейся попытки я еще раз просил дать мне визу, но и на этот раз мне отказали. И только в 70-е гг. мне позволили опять приехать в эту чудесную страну. За это время я узнал о таких преследованиях христиан, что Чехословакия по сравнению с ними казалась свободной страной.

Глава девятая

Основание заложено

Следующие несколько месяцев показались мне гнетущими. Поездки в Польшу и Чехословакию устроились сами собой, почти без моего вмешательства. Но теперь, когда я захотел поехать в эти страны еще раз или же отправиться в другие государства за Железным занавесом, я столкнулся с многомесячными бюрократическими проволочками: анкеты, отсрочки, бланки в трех экземплярах, но никаких виз.

Даже моя маленькая комната создавала для меня проблемы. В Чехословакии я так часто вспоминал о ней, так хотел быстрее вернуться домой. Но теперь я столкнулся с тем, о чем никогда раньше не думал. Может быть, дело было именно в уюте и комфорте комнаты; она как бы напоминала мне о моем одиночестве.

Целыми днями я сидел в этой комнате, составляя письма в консульства, и думал о жене, которая поделила бы со мной не только комнату, но и мои убеждения, мои взгляды на жизнь. В более светлые дни я просто смеялся над собой: миссионерская работа была не самым заманчивым предложением для красивой девушки, а девушка моей мечты была очень красива. Что могла сказать эта красавица по поводу миссии, к которой я чувствовал призвание? Ведь я мог

предложить ей лишь разлуку, таинственность и неопределенность. Это были мои доводы, но сама девушка в моих мечтах никогда не говорила об этих трудностях.

Другой проблемой были деньги. И хотя ни Гелтье, ни Ари никогда не говорили на эту тему, я знал, что обязан принимать участие в расходах по содержанию дома. Вскоре после моего приезда голландский журнал «*Kracht Van Omhoog*» попросил меня написать серию статей о моих приключениях за Железным занавесом. Я не чувствовал склонности к сочинительству, поэтому не откликнулся на предложение. Но теперь, когда я сидел в своей комнате с пустым бумажником за самодельным письменным столом, мне показалось, что я услышал, как Бог сказал: «Напиши статьи для "*Kracht Van Omhoog*"».

Это повеление привело меня в недоумение. Явно, дело здесь было не в деньгах, о которых я тогда как раз молился: журнал не предлагал мне никаких денег.

Но у меня было ощущение, что это нужно сделать срочно, и я послушно сел и написал обо всем, что видел не только в Польше, но и в Чехословакии. На следующее же утро я отправил эти статьи вместе с некоторыми фотографиями в журнал. Редактор прислал ответ с благодарностью, но, как я и предполагал, никакого гонорара не было, и я сразу же забыл об этом случае.

И вдруг однажды утром я снова получил письмо из этого журнала. Происходило что-то странное, писал мне редактор. Я нигде в статьях не говорил о материальных затруднениях и не упоминал, что

собираюсь еще раз поехать в те места, но читатели со всей Голландии стали посылать на мое имя деньги. Они не присылали помногу, всего по несколько гульденов, но редактор спрашивал, куда ему пересылать эти деньги.

Так началась самая удивительная часть моего финансового обеспечения. Первые пожертвования от моих неизвестных друзей были небольшими, потому что нужды мои тоже были небольшими. Я хотел помочь Гелтье по дому, мой старый пиджак совсем износился, я обещал Антонину попробовать отправить ему экземпляр чешской Библии. Для удовлетворения этих потребностей я и получал от читателей «*Kracht Van Omhoog*» небольшие деньги. Но когда моя работа стала расширяться и появились более значительные нужды, возросли и поступления от читателей. И только годы спустя Бог открыл другие каналы финансирования.

Но благодаря сотрудничеству с «*Kracht Van Omhoog*» я получил нечто, гораздо более ценное, чем деньги. Однажды утром с почтой мне пришло письмо от лидера молитвенной группы из деревни Амерсфорт. Там было сказано, что Святой Дух побудил их связаться со мной — они не знают почему, — и не смогу ли я приехать в Амерсфорт?

Меня это заинтриговало. Если Святой Дух направлял действия людей так явно, то я хотел бы узнать обо всем этом подробнее. Я отправился в Амерсфорт. Группа примерно из двенадцати мужчин и женщин встречалась в доме человека по имени Карл де Граф, который строил дамбы.

Никогда раньше я не встречал подобной группы. Вместо запланированной программы на вечер, с лидером и темой изучения Библии, как в других молитвенных группах, которые я посещал, эти люди, казалось, большую часть своего времени просто слушали. Иногда они вслух молились — но не в определенном порядке по очереди. Эти молитвы были скорее похожи на вспышки любви к Богу, чем на тщательно продуманные прошения. Словно каждый человек в этой комнате чувствовал, что Бог был очень близко, и в восторге от Его присутствия ничего не хотел и ни в чем не нуждался, кроме выражения радости, которую невозможно удержать.

Иногда кто-нибудь из группы вдруг явно что-то слышал: какие-то наставления, какую-то информацию, которая приходила извне. Это тоже проговаривалось вслух. «Мама Йоста в Америке нуждается сегодня в наших молитвах». «Мы благодарим Тебя, Господь, за то, что Ты только что ответил на наши молитвы за Стефье». Меня так увлек этот новый вид молитвы, что, когда остальные члены группы собрались уходить, а миссис де Граф отвела меня в приготовленную для меня комнату, я с трудом поверил часам на комод: они показывали половину пятого утра.

Через несколько дней я работал в своей комнате над новой статьей для «*Kracht Van Omhoog*», когда в дверь постучалась Гелтье.

«Андрей, к тебе пришли. Я не знаю этого человека». Я вышел на крыльцо и увидел Карла де Графа. «Привет», — сказал я, удивившись.

«Привет, Анди. Ты умеешь водить машину?»

«Водить машину?»

«Ну да, легкой автомобиль».

«Нет, — ответил я в полном изумлении, — не умею».

«Вчера вечером в наших молитвах мы получили о тебе откровение от Господа. Тебе обязательно нужно научиться водить машину».

«Но зачем? — спросил я. — У меня никогда не будет машины, наверняка».

«Андрей, — сказал мистер де Граф терпеливо, как разговаривают с не очень сообразительным студентом, — я не собираюсь приводить логические доводы. Я просто передаю тебе сообщение от Господа». С этими словами он повернулся и пошел к ожидавшей его машине.

Мысль о том, что я должен научиться водить машину, была настолько призрачной, что я ничего не стал с этим делать. Но через неделю строитель дамбы приехал еще раз.

«Ты уже начал учиться водить машину?»

«...Н-н-нет еще».

«Разве ты еще не понял, насколько важно послушание? Видимо, мне придется учить тебя самому. Залезай».

В тот день я сел за руль впервые после того неудачного дня одиннадцать лет назад, когда я решил проехаться на военном транспорте. Мистер де Граф приезжал снова и снова, и он оказался таким

талантливым педагогом, что через несколько недель я сдал экзамен на права с первого раза — вещь в Голландии редкая. Но я никак не мог понять, зачем мне нужно уметь водить машину. Ведь у меня не было даже велосипеда. Но мистер де Граф отказывался рассуждать на эту тему. «В послушании есть особенная радость, — сказал он, — а что Бог задумал, выяснится позже».

Затем произошло событие, которое на некоторое время отвлекло меня от всего остального. Осенью 1956 г. произошло восстание в Венгрии, а вместе с ним началось бегство на Запад сотен и тысяч разочаровавшихся и запуганных людей не только из Венгрии, но также из Югославии, Восточной Германии и других коммунистических стран. Этих беженцев собирали в огромные лагеря неподалеку от границы, где, как рассказывают, условия содержания были невыносимыми. Перед домом бургомистра в Витте выступал какой-то человек и приглашал добровольцев помочь беженцам. Первым же автобусом я выехал в лагерь.

Добровольцы сидели только в первых рядах автобуса, остальная его часть была забита продуктами, одеждой и медикаментами, которые нужно было распределить среди поселенцев самых крупных лагерей, находившихся в Западной Германии и Австрии.

И все же я не был готов к тому, что увидел. В одной комнате жило по десять семей, и некоторые из них пытались создать хоть какую-то видимость уединения, отгораживая свою часть комнаты простынями.

Мы окунулись в море нужды; мы раздавали одежду и медикаменты, писали письма, пытаюсь найти пристанище для отдельных семей, заполняли заявления о предоставлении визы. И, конечно, везде, где это было возможно, я проводил молитвенные собрания. Именно там я сделал поразительное открытие. Большая часть этих людей практически ничего не знала о Библии. Те, кто выросли при старом режиме, были в основном неграмотными. А молодые, родившиеся при коммунистах, получили лучшее образование, но, конечно, почти ничего не слышали о Библии.

Поэтому я начал, по большей части через переводчиков, знакомить беженцев с основами библейских знаний. По собственному опыту я знал, насколько могущественными являются эти познания, но я не был готов увидеть, какой эффект произведут они на людей, для которых Библия была совершенно новой реальностью. Люди, бывшие в полном отчаянии, становились духовной опорой для всего барака. Я видел, как надежда заменяла горечь, а вместо стыда появлялась радость.

Помню престарелую чету, беженцев из Югославии. Жена была полной и не очень чистоплотной, а на подбородке у нее росли волосы длиной в дюйм. Из последних сил она старалась держать в порядке хотя бы постели, но ее муж, оторванный от своей фермы, на которой жили многие поколения его предков, просто сидел на краю кровати и целыми днями бессмысленно раскачивался из стороны в сторону.

Они начали посещать Библейские занятия, которые я проводил в их бараке. Сначала они испытали шок от

того, что услышали. Старик слушал и плакал, не вытирая слез. К четвертому занятию я заметил, что волос на подбородке пожилой женщины уже не было и старик тоже начал бриться.

Конечно, незаметные детали, но они многое сказали о двух людях, которые пробудились и осознали, что они — любимые дети Бога.

«Если бы только...» — сказал старик однажды после занятий, но затем замолчал.

«Если бы что?» — спросил переводчик.

«Если бы я знал все это много лет назад, дома, в Югославии».

Так поездка в Югославию тоже стала моей мечтой.

Одежда и остальная гуманитарная помощь, которую мы привезли с собой, давно кончилась, поэтому мы отправились в Голландию, чтобы попытаться собрать еще. Пока я был дома, я снова обратился в югославское консульство, чтобы получить визу.

Мне опять выдали бланк в 3-х экземплярах, заставили сдать фотографии, которые я теперь заказывал десятками, и после всего этого я услышал неутешительное: «Для обработки ваших документов нам понадобится некоторое время». При заполнении бланков я заколебался только один раз. Там, в центре листа, мне нужно было указать «род занятий». Я чувствовал, что мой род занятий говорит не в мою пользу. Но чему нас учили в школе в Глазго? Ходить в

Свете, ничего не скрывать, ничего не прятать, потому что мы должны быть открыты для всех. Поэтому, как и раньше, я написал большими печатными буквами МИССИОНЕР и оставил свои документы на стойке.

Когда наш автобус заполнился одеялами и одеждой, сухим молоком, кофе и шоколадом, мы опять отправились в лагерь для беженцев. Я был в Западном Берлине, когда пришла телеграмма — папа умер, работая в своем саду.

Первым же поездом я выехал домой. На кладбище мы провели простую прощальную церемонию. Как принято в Голландии, страдающей от нехватки земли, мамину могилу вскрыли, и на ее гроб опустили гроб с папиным телом.

Теперь старый дом опустел по-настоящему. Как я скучал по громкому голосу, который гремел от чердака до подвала. Как я скучал по согбенной фигуре с покатыми плечами, терпеливо копающейся у грядки с салатом и капустой, как мне недоставало его любви ко всему окружающему.

Я вернулся в Германию и с головой погрузился в работу. Последняя волна беженцев была вызвана Венгерским восстанием, однако на самом деле лагеря в Западной Германии существовали давно, но о них вспомнили и заговорили только в связи с последними событиями. В этих лагерях жили забытые всеми бездомные, собранные еще со времен Второй мировой войны, тысячи депортированных людей без родины, без дома — плод фашистского безумия. Эти люди

представляли собой печальное зрелище, особенно дети. Я встречал одиннадцати- и двенадцатилетних подростков, у которых никогда не было семьи, нормального дома. Одинокие здесь имели больше преимуществ в материальном плане, чем женатые, поэтому браки были редкостью, а большинство детей незаконнорожденными. Много месяцев я работал, чтобы вывезти группу таких детей в Голландию. Я знал многие семьи, где их приняли бы с радостью. Гелтье и Мартье тоже могли бы взять таких детей, но снова и снова они не могли пройти медицинский осмотр. В этих холодных и сырых бараках туберкулез был обычным явлением. Плакаты на стенах, в которых в Швецию и Соединенные Штаты приглашались здоровые дети, выглядели как издевательство над больными, которых было до девяноста процентов в каждом лагере.

Я без устали занимался этой безнадежной и горькой работой. И вот однажды утром, во время отдыха, который стал неотъемлемой частью каждого дня, где бы я ни был, произошло нечто удивительное. Я будто бы услышал, как очень тихий голос сказал мне: «Сегодня ты получишь визу в Югославию».

Я не поверил. Я почти забыл о своем заявлении, настолько был поглощен работой. И все же я поймал себя на том, что поглядываю в окно, ожидая утренней почты. Увидев почтальона, я выбежал к ней навстречу. «Вам письмо из Голландии!» — сказала она, роясь в своей сумке.

Я взял у нее письмо. Адрес в Витте был перечеркнут, и над ним рукой Гелтье был написан

адрес в Берлине. В левом верхнем углу конверта стояла печать югославского посольства в Гааге. «Спасибо!» — сказал я и прямо там, на улице, вскрыл письмо и уставился на него, ничего не понимая. Югославское правительство с сожалением уведомляло меня о том, что в получении визы мне отказано. Вот и все. Никаких объяснений.

Что это значит? Ведь я получил предупреждение об этом письме. И в этом предупреждении говорилось, что мне дадут визу. Может быть, мне нужно пойти в югославское консульство здесь, в Берлине, и подать новое заявление? Я побежал к себе в комнату, схватил пару фотографий и отправился на трамвайную остановку. Через час я опять заполнял бланки в трех экземплярах. И опять дошел до графы «род занятий». Я подозревал, что все мои проблемы возникали из-за моего рода деятельности.

«Господь, — сказал я, — что мне написать здесь?»

И вдруг я вспомнил слова из Великого поручения: «Итак идите, научите все народы» Значит, я был учителем, не так ли? На этот раз я написал в анкете УЧИТЕЛЬ и сдал документы служащему.

«Если посидите, сэр, я проверю ваши документы прямо сейчас».

Чиновник исчез за дверью. Я провел в ожидании двадцать волнующих минут и мне показалось, что я слышу, как работает телеграфный ключ. Но, должно быть, я ошибся. Потому что чиновник возвратился и с улыбкой пожелал мне приятного путешествия.

Я хотел с кем-нибудь поделиться своей радостью. С родными? У нас дома не было телефона, а соседям звонить было неудобно. Уэтстры? Вот именно! Я позвоню Уэтстрам.

Я заказал разговор, и мне ответил сам мистер Уэтстра.

«Это Андрей звонит. Как хорошо, что я застал вас дома».

«Я думал, ты в Берлине».

«Да».

«Андрей, прими наши соболезнования».

«Спасибо. Но я звоню с доброй вестью, мистер Уэтстра. Я хочу поделиться ею с вами. У меня в руках два документа. Один — отказ выдать мне визу из югославского консульства в Голландии, а другой — паспорт, в котором стоит эта самая виза, выданная югославскими чиновниками здесь. Я получил ее, мистер Уэтстра! Я поеду туда как миссионер!»

«Андрей, ты лучше приезжай в Голландию, чтобы забрать свои *ключи*».

«Простите, мистер Уэтстра, я плохо вас слышу. Мне показалось, вы сказали *ключи*».

«Правильно. Ключи от твоего "Фольксвагена". Мы все обсудили, и никто не отговорит нас от этого. Несколько месяцев назад мы с миссис Уэтстра решили, что если ты получишь визу, то вместе с ней получишь и наш автомобиль. Приезжай домой и забери *ключи*».

Когда я приехал в Амстердам, я действительно попытался отговорить их от этого решения. Такой большой подарок — я просто не знал, как принять его.

«Но как же ваша работа?» — спросил я их.

«Наша работа? — упрекнул меня мистер Уэтстра. — Андрей, ты работаешь на Царя! Нет, нет, мы молились об этом, так что вот документы на машину».

Вот так тем же вечером, полный самых противоречивых чувств, я пошел вместе с мистером Уэтстра оформлять документы и стал владельцем почти новенького, прекрасного голубого «Фольксвагена».

Единственным неприятным делом была поездка в Витте.

Я хотел приехать домой незаметно, но разве это возможно на ярко-голубом «Фольксвагене»! Вокруг меня немедленно собралась вся деревня, желая знать, чья это машина. Как я и подозревал, никому не понравилось, когда я сказал, что она принадлежит мне. Зачем сыну кузнеца автомобиль?

«Религия — доходное дело, а, Анди?» — усмехнулся один из деревенских и подмигнул мне.

Все засмеялись, и хотя я снова и снова повторял им, что автомобиль мне подарили Уэтстры, я видел, что это им не нравилось: сыну кузнеца не пристало ездить на машине. Жители Витте всегда жертвовали мне деньги для беженцев. Теперь это прекратилось. Мои взаимоотношения с односельчанами уже никогда не стали прежними.

Но мне нужно было работать. Несколько дней ушло на разработку маршрута путешествия. Я исколесил весь Амстердам в поисках христианской литературы на языках Югославии. Всю эту литературу я уложил в потайных местах машины. Я не очень задумывался о том, каким образом Бог будет финансировать эту поездку.

Отъезд был назначен на конец марта. Накануне я решил заглянуть к Карлу де Графу. Мне не терпелось увидеть выражение его лица, когда он узнает, что у меня появилась машина — видимое доказательство того, что он знал только по вере.

Но мистер де Граф нисколько не удивился. «Да, — сказал он, — я так и думал, что она у тебя появится. Потому что, — продолжил он, вытаскивая из кармана конверт, — Бог сказал нам, что в следующие два месяца тебе понадобятся деньги. Вот, возьми».

Он вложил мне в руку конверт. Я даже не открывал его. К этому времени я уже знал достаточно об этой удивительной группе, а потому был уверен в том, что в конверте лежит ровно столько денег, сколько мне понадобится для поездки. С сердцем, исполненным благодарности, я попрощался с ним, с Уэтстрами, со своей семьей и поехал в Югославию, за Железный занавес.

Глава десятая

Фонари в ночи

Впереди лежала югославская граница. Впервые в моей жизни я въезжал в коммунистическую страну без сопровождения, без группы, которую спонсировало правительство. Я остановил свой маленький «Фольксваген» неподалеку от границы, на окраине крошечной австрийской деревеньки, и еще раз все внимательно осмотрел.

Югославское правительство в 1957 г. разрешало приезжающим иметь при себе только личные вещи. Все новое или просто большое количество чего-либо вызывало подозрение, так как по всей стране велась борьба с черным рынком. Любые печатные издания на границе конфисковывались независимо от того, сколько их было, потому что рассматривались как иностранная пропаганда. И вот я стоял у машины, фактически забитой до отказа брошюрами и Библиями. Как мне проехать мимо таможенников? И тут я впервые обратился к Богу с молитвой Божьего контрабандиста:

«Господь, в моем багаже есть Писания, которые я хочу передать Твоим детям за границей. Когда Ты был на земле, Ты делал слепые глаза зрячими. А теперь я молюсь, чтобы Ты сделал зрячие глаза слепыми. Не позволяй таможенникам увидеть то, чего они не должны видеть».

Итак, вооруженный этой молитвой, я завел мотор и поехал к границе. При виде моей машины появились два чиновника, обрадованные и удивленные. Я подумал, сколько же людей проезжает по этой дороге? Судя по тому, как они смотрели в мой паспорт, я, должно быть, был первым голландцем, которого они видели. Они по-немецки сказали мне, что нужно выполнить некоторые формальности и тогда я смогу ехать дальше.

Один из офицеров заинтересовался моим лагерным снаряжением. Брошюрки были завернуты в спальный мешок, а в палатке лежали целые коробки с литературой. «Господь, пусть эти глаза ничего не увидят».

«Вам есть что предъявить?»

«Да, у меня есть деньги, часы, фотоаппарат»

Другой таможенник заглянул внутрь машины. Он попросил меня вытащить чемодан. Но и там среди вещей были спрятаны брошюры.

«Да, конечно, сэр», — сказал я. Откинув переднее сиденье, я вытащил чемодан наружу, положил на землю и открыл крышку. Чиновник приподнял рубашки, которые лежали сверху. Прямо под ними, а теперь на самом виду, стопками лежали брошюры на двух югославских языках: хорватском и словенском. Что Бог сделает в этой ситуации?

«Для этого времени года у вас сухо», — сказал я другому чиновнику, не глядя на проверяющего чемодан. И стал говорить о погоде. Я рассказывал ему о своей родине и о том, что на побережье у нас всегда влажно. Затем, когда уже не мог выдержать

напряжения, я оглянулся. Первый офицер даже не смотрел на чемодан. Он слушал наш разговор. Когда я повернулся к нему, он очнулся и взглянул на меня.

«Что-нибудь еще можете предъявить к досмотру?»

«Только мелочь», — сказал я. Брошюрки, в конце концов, действительно были мелочью.

«Не будем с этим возиться», — сказал таможенник. Он кивнул мне, чтобы я закрыл чемодан, и, отдав честь, возвратил паспорт.

Моя первая остановка была в Загребе. У меня имелся адрес одного христианского лидера, которого я назову Джамиль. Его адрес мне дали в Голландском библейском обществе, потому что Джамиль раньше в больших количествах заказывал Библии. Однако о нем ничего не слышали с тех пор, как в 1945 г. Тито стал премьером. Я не надеялся, что он живет по старому адресу, но, поскольку у меня не было выбора, я написал ему очень осторожное письмо, где упомянул, что в конце марта в его страну может приехать один голландец. Теперь я прибыл в Загреб в надежде найти его.

Чтобы рассказать о чудесах, происходивших во время моей первой встречи с христианами в Югославии, я должен объяснить, что случилось с моим письмом, хотя всю эту историю я узнал гораздо позже. Оно пришло по адресу, но Джамиль давно переехал в другое место. Новый жилец не знал, где он живет, а потому вернул письмо на почту. Там оно пролежало две недели, пока искали Джамилia. В тот самый день,

когда я пересек границу Югославии, его наконец доставили по назначению. Джамиль, прочитав его, поразился. Кто этот таинственный голландец? Не опасно ли встречаться с ним?

Чувствуя, что он должен *что-нибудь* сделать, Джамиль сел на трамвай и поехал по своему старому адресу. Он добрался до прежнего своего дома и стоял на тротуаре, думая, что делать дальше. Приехал ли голландец и спрашивал ли о нем здесь? Стоит ли подходить к новому жильцу с подозрительной историей о том, что его, Джамиля, может искать какой-то иностранец? Что же делать?

В этот самый момент я подъехал к краю тротуара. Я вышел из автомобиля примерно в двух футах от Джамиля, который, конечно же, узнал меня по номерным знакам на машине. Он схватил меня за руки, и мы рассказали друг другу свои истории.

Джамиль был сам не свой от радости при виде иностранного христианина у себя в стране. Он повторил то, что я уже слышал в Польше. Одно мое «присутствие» значило для них очень многое. Они чувствовали себя так изолированно, так одиноко. Конечно, он поможет мне наладить контакты с другими верующими в стране. Он знает человека, который сможет работать со мной как переводчик. Итак, через несколько дней вместе с молодым студентом, будущим инженером по имени Никола в качестве моего гида и переводчика я сел в свой голубой «Фольксваген», чтобы передать «приветствия» югославским христианам.

В этой первой автомобильной поездке за Железный занавес я обнаружил, что обладаю энергией, о которой

раньше и не подозревал. Мне выдали визу на пятьдесят дней. Семь недель напролет я проповедовал, учил, воодушевлял и распространял Писания. За пятьдесят дней я провел более восьмидесяти собраний, и иногда за воскресенье мне приходилось выступать не менее шести раз. Я проповедовал в больших церквях, в деревушках, на отдаленных фермах. Я говорил открыто на севере и тайком на юге, где влияние коммунистов было особенно сильным.

На первый взгляд можно было подумать, что церковь в Югославии вовсе не преследуется. Каждый раз, когда я переезжал в новый регион, мне нужно было регистрироваться в полицейском участке, но я свободно посещал верующих даже у них дома. Церкви действовали открыто. Через какое-то время я перестал делать вид, что передаю «приветствия», и начал проповедовать, не таясь. Никто не возражал. Кроме некоторых определенных областей, в основном вдоль границ, мне можно было беспрепятственно перемещаться внутри страны, и правительственные чиновники не следили за моей деятельностью.

Это была такая свобода, на которую я не рассчитывал. Но мало-помалу я узнал Югославию лучше и понял, как именно правительство воздействовало на верующих. Основное внимание правящего класса было направлено на детей. Они оставили стариков в покое, но делали все, чтобы держать молодых людей подальше от церкви.

Одна из первых церквей, в которой мы с Николой побывали, — римская католическая церковь — находилась в маленькой деревне недалеко от Загреба. Я

обратил внимание на то, что во всем приходе не было ни одного человека младше двадцати лет, и спросил Николу об этом. В ответ он представил меня женщине, у которой был десятилетний сын.

«Расскажи брату Андрею, почему Иосифа нет в церкви», — попросил Никола.

«Почему моего Иосифа нет в церкви?» — переспросила женщина. Ее голос преисполнился горечи: «Потому что я деревенская женщина без образования. А учительница говорит моему сыну, что Бога нет. И правительство говорит, что Бога нет. Они твердят моему Иосифу: "Может быть, твоя мама считает иначе, но мы знаем лучше, не правда ли? Помни, что у твоей мамы нет образования. Мы посмеемся над ней". И что же? Моего Иосифа нет со мной в церкви. Они посмеялись надо мной».

Несколько дней спустя в другом городе мы посетили христианскую семью. Рядом с домом я увидел играющую в пыли девочку.

«Почему она не в школе?» — спросил я Николу.

Мать девочки рассказала нам ее историю. Дома Марта привыкла перед обедом благодарить Бога в молитве. Когда наступило время школьного завтрака, Марта громко помолилась, как всегда, даже не задумываясь об этом. Учитель впал в ярость. Кто обеспечивает нас этой едой, Бог или люди, назначенные правительством? «Это было глупо, Марта. Ты оказываешь вредное воздействие на других детей».

Но ее привычка настолько глубоко укоренилась в ней, что на следующий день Марта опять вслух

поблагодарила Бога за еду, и на этот раз ее исключили из школы.

Но только в Македонии мы увидели настоящий страх людей, посещавших церковь. В этом самом бедном из шести штатов Югославии коммунистическая партия особенно сильна. Наше первое собрание в этой части страны было назначено на десять часов утра. Но когда мы пришли в церковь, там не было ни души.

«Ничего не понимаю, — сказал Никола, вытаскивая письмо, которое мы получили от пастора, — я уверен, что мы пришли точно по адресу».

В одиннадцать часов мы решили, что ждать более не имеет смысла. Мы вышли на улицу, где стояла наша машина. Когда мы уже были готовы уехать, мимо нас прошел один из жителей деревни, который остановился, чтобы пожать мне руку, пожелать нам Божьих благословений и пойти дальше. Я снова собрался открыть дверь машины, когда к нам приблизился другой житель, и вся сцена повторилась. В то утро в течение сорока пяти минут вся деревня случайно прошла мимо нас, и совершенно случайно они натыкались на автомобиль приезжего проповедника, с которым с радостью здоровались и пожимали ему руки.

Даже Никола не мог понять, что происходит и как это объяснить. Через несколько дней у нас была назначена встреча в другой деревне Македонии. Пастор пригласил нас отобедать вместе с ним перед собранием, назначенным на восемь часов. Без пяти минут восемь я сказал, что пора идти в церковь.

«Нет, — ответил он, выглянув в окно, — еще не время».

В 8.15 я еще раз напомнил пастору о времени. «Люди, должно быть, собрались и ждут».

«Нет, еще не время». И опять я заметил, что, прежде чем ответить, он посмотрел в окно.

В 8.30 пастор наконец подошел к окну, всмотрелся в темноту и кивнул головой.

«Теперь можно идти, — сказал он, — видите ли, люди не придут в церковь, пока не стемнеет. Дело не в том, что мы совершаем что-то незаконное. Просто, как бы это сказать, приходится быть осторожными».

И тогда я увидел сцену, которую можно наблюдать по всей Македонии. Из тьмы повсюду появлялись зажженные керосиновые лампы. Крестьяне медленно шли через поля по двое, по трое — не больше, и каждый нес в руках лампу. Затем тянулись городские жители из глиняных домиков вдоль единственной дороги, низко опустив фонари, так что их лица оставались в тени.

Они не беспокоились о том, что их легко могут узнать в самом здании церкви; там, по крайней мере, все рисковали одинаково.

Лампы повесили на специальные крюки в стенах, и в зале разлился теплый и приятный свет. В тот вечер я говорил о Никодиме, который пришел ко Христу поздно ночью, чтобы задать Спасителю вопросы. Он тоже, сказал я, решил искать Господа под покровом темноты. Но это неважно. Время и место всегда подскажут, как нам сделать первый шаг к Богу. В тот

вечер послушать иностранного проповедника пришло более двухсот человек. Восемьдесят пять из них воспользовались этим случаем, чтобы оставить прежний образ жизни и встать на новый путь, несмотря на то что пока этот путь пролегал сквозь тьму.

В другой деревне Македонии у нас произошла серьезная встреча с полицией.

Я сказал Николе, что хочу познакомиться с христианами, живущими не только в крупных городах, но и в маленьких деревушках. Носаки был небольшим населенным пунктом, и попасть туда было практически невозможно.

Мы взяли с собой второго проводника, который указывал дорогу в Македонии и которого Никола почти не знал. Этого чудесного христианина все называли «дядюшка». Теперь дядюшка показал нам две колеи, идущие через поле, и уверил нас, что это дорога в Носаки. Дорога становилось все хуже и хуже, колеи все глубже, пока дно машины не стало задевать мягкую землю. Наконец мы доехали до свежевспаханного поля.

«Вот тебе и дорога, — сказал я. — Далеко еще ехать, дядюшка?»

«А мы уже приехали!» — сказал он, показав на группу деревьев вдалеке.

Мы вылезли из машины и пошли пешком через поле, пока не наткнулись на небольшую кучку глиняных домишек под названием Носаки. Там должна была быть церковь, но мы не увидели ничего, напоминающего храм. Никола расспросил людей и

выяснилось, что в деревне на самом деле существовала церковь, но в ней был всего лишь один прихожанин. Это была вдова Анна, которая превратила свой дом в церковь, в которую, впрочем, никто не ходил.

Мы отправились к Анне. Она была удивлена, узнав, что к ним в Носаки приехал миссионер.

«Но мне не нужно удивляться, — поправила она сама себя. — Разве я не молилась о помощи?»

Анна показала нам свою церковь. В частных домах было запрещено проводить религиозные собрания, поэтому Анна просто закрыла одну комнату и повесила на ней табличку, на которой было написано «Молитвенный дом». Когда она вывесила эту табличку, деревенские партийцы были удивлены, но никто не возражал. В конце концов, Анна одна упорствовала в этом глупом суеверии и никому не могла причинить вреда.

Но теперь к ним приехал проповедник. Эта новость облетела всю деревню. Почти никто здесь не видел никогда даже жителей других регионов Югославии, не говоря уже об иностранцах.

Я не знаю, возможно, это было просто любопытство, но после наступления темноты поля ожили и засветились светлячками, двигавшимися по направлению к дому Анны. Мы начали с разучивания гимна, а затем рассказали присутствующим евангельскую историю, потому что Анна уверяла нас, что молодое поколение не знает Благой вести. Мы пели второй гимн, когда вдруг в дверь громко застучали.

Все прекратили петь.

Анна открыла дверь, и на пороге возникли два человека в полицейской форме. Они вошли в комнату, и долго стояли, изучая лица собравшихся. Затем прошли к боковой стене, чтобы лучше разглядеть людей. Затем вытащили блокноты и стали записывать имена. Когда с этим было покончено, они задали несколько вопросов Николе и мне и ушли так же быстро, как пришли.

После этого настроение в собрании было уже не то. Некоторые крестьяне сразу же ушли домой. Другие оставались на местах, но прежнего энтузиазма не было. Когда я пригласил выйти вперед для покаяния, я удивился, что несколько человек откликнулись на призыв.

«Вы сегодня уже видели, что может означать следование за Христом, — сказал я. — Вы уверены, что хотите стать христианами?»

Да, они не сомневались. Так в тот вечер родилась маленькая церковь, но ей не дали возможности вырасти. Через год Никола написал мне, что правительство уничтожило ее. За помощь нам «дядюшка» был выслан из страны. Теперь он живет в Калифорнии, в США. Молитвенный дом Анны был закрыт.

Что касается самого Николы, его вызвали в суд в Загребе, где он должен был объяснить события того вечера. Судья сделал ему внушение и приговорил к выплате штрафа в размере, эквивалентном пятидесяти долларам. Так что Никола отделался довольно легко. Сам он считает, что только статус студента спас его от более сурового наказания.

Почему правительство выбрало для своих нападков именно эту маленькую церковь, не трогая остальные, было непонятно как для Николы, так и для меня.

Дороги в Югославии были исключительно плохими для езды на машине. Если мы не взбирались по крутым горным тропам, то переправлялись вброд через бурные потоки в долинах.

Но страшнее всего для моего маленького «Фольксвагена» была пыль, которая лежала на неасфальтированных дорогах, как покрывало. Она просачивалась даже сквозь плотно закрытые окна и двери, и я даже думать не хотел о том, что она делает с мотором. Каждое утро в часы отдыха мы с Николой включали в наши молитвы прошения о машине. «Господь, у нас нет ни времени, ни денег, чтобы отремонтировать здесь машину, поэтому, пожалуйста, не дай ей сломаться!»

Отличительной чертой наших поездок по Югославии в 1957 г. были остановки на дорогах. Машины, особенно иностранные, были такой редкостью в те дни, что, когда два водителя проезжали друг мимо друга, они почти всегда останавливались, чтобы перекинуться парой слов о состоянии дорог, о погоде, о ценах на бензин и о мостах. Однажды мы ехали по пыльной горной дороге, когда впереди заметили маленький грузовичок, двигавшийся нам навстречу. Он притормозил у обочины, и мы тоже остановились.

«Привет, — сказал водитель, — думаю, я знаю, кто вы. Вы голландский миссионер, который собирается проповедовать в Терне сегодня вечером».

«Правильно».

«А это чудо-машина?»

«Почему чудо-машина?»

«Я имею в виду, что вы молитесь за нее каждое утро».

Я рассмеялся. Я упомянул о машине на предыдущем собрании, и мое замечание распространилось мгновенно. «Да, — сказал я, — это та самая машина».

«Можно я посмотрю ее? Я механик».

«Буду очень благодарен». Я только заправлял свой «Фольксваген» бензином и больше ничего не делал с ним со времени пересечения границы. Механик прошел назад и поднял крышку над мотором. Долгое время он стоял там, что-то разглядывая.

«Брат Андрей, — сказал он наконец, — я только что уверовал. Этот мотор практически не может работать. Посмотрите. Воздушный фильтр. Карбюратор. Зажигание. Нет, извините. Эта машина не может ездить».

«И все же она провезла нас тысячи миль».

Механик только покачал головой. «Брат, — сказал он, — можно я почищу мотор и заменю вам масло? Мне больно смотреть, как дурно вы обращаетесь с этим чудом».

С благодарностью мы последовали за механиком в его деревню в нескольких милях от Терны. Мы въехали за ним в маленький дворик, где было полно свиней и гусей. В тот вечер, пока мы проповедовали, он разобрал мотор, тщательно вычистил его, сменил масло и на следующее утро, когда мы собрались в дорогу, представил нам новенький и сияющий автомобиль. Бог ответил на наши молитвы.

Первого мая 1957 г. мы въехали в Белград. День Первомая — святой день для коммунистов. В городе невозможно было найти место в гостинице или в ресторане.

Мы с Николой остались бы ночевать в машине, если бы не пастор церкви, в которой мы выступали. Он пригласил нас к себе домой. Именно в его церкви произошло событие, которое определило мое служение до сего дня.

Мы с Николой стояли на кафедре, глядя в переполненный зал. Он был настолько забит, что мне негде было поставить фланелеграф, на котором я иллюстрировал евангельскую историю. Посреди проповеди кто-то начал стучать. Оказывается, дверь сняли с петель, чтобы люди, стоявшие в хоровой, могли слышать проповедь. Это были не сельчане с восторженным взглядом, которых я так полюбил, но утонченные, прилично одетые городские жители.

После выступления мы с Николой призвали людей выйти вперед для покаяния. Мы просили, чтобы каждый, кто хочет посвятить свою жизнь Иисусу Христу или отречься от прежних обязательств, поднял руку.

Все руки в зале поднялись.

Конечно же, люди не поняли! Я объяснил еще раз, насколько серьезным является этот шаг. Я очень ясно говорил об условиях ученичества при враждебном правительстве. Затем я еще раз пригласил желающих к алтарю, но на этот раз попросил людей встать.

Встали все присутствующие.

Я удивился. Никогда раньше я не видел такой готовности. Тронутый подобным рвением, я стал говорить о том, что значит быть учеником Христа и вести жизнь, состоящую из ежедневных молитв и изучения Библии, при помощи которых новорожденные дети Христовы возрастают в зрелых воинов в Его рядах.

Я стал делиться планом изучения Библии, который нам дали в миссионерской школе Глазго, когда вдруг заметил, что впервые в этой дружелюбно настроенной аудитории люди перестали смотреть мне в глаза. Они разглядывали свои руки, отворачивались к задним рядам и отводили глаза куда угодно, только бы не видеть меня.

Ничего не понимая, я посмотрел на пастора. Он тоже, казалось, был смущен. Через Николу он сказал мне: «Молитва, да, это мы можем каждый день. Мне нравится то, что вы сказали про молитву. Но чтение Библии Брат Андрей, у большей части этих людей нет Библий».

Я уставился на него, не веря своим ушам. Я привык к этому в сельских церквях. Но в ученом космополитическом Белграде?

Я повернулся к аудитории. «У кого из вас есть Библии?» — спросил я.

Во всем зале подняли руки семь человек, включая пастора. Я потерял дар речи. Я уже давно раздал все Библии, которые привез с собой. Что я мог дать этим людям, так сильно стремившимся к учению, так нуждавшимся в водительстве в той нелегкой жизни, которую они избрали в противовес миллионам других людей, идущих иным путем?

Вместе с пастором мы разработали систему использования имеющихся Библий: в нашем расписании изучения Библии групповые занятия сочетались с индивидуальными, с определенным количеством часов для каждого члена церкви. И в тот же день я принял решение, которое крепло с каждым годом. В тот вечер я обещал Богу, что так же часто, как я прикасаюсь к Библии, я буду возить ее Его детям за стеной, которую построили люди. Я не думал о том, как я буду покупать Библии и как буду их провозить. Я только знал, что буду их привозить — сюда, в Югославию, в Чехословакию и во все страны, куда Бог откроет двери, через которые я смогу проскочить.

Глава одиннадцатая

Третья молитва

По пути домой из Югославии я пытался дать оценку своему путешествию. Я пробыл в этой стране более семи недель. Я проехал около шести тысяч миль, провел почти сто собраний и установил множество контактов для будущей работы.

Но гораздо важнее было обращение людей, сотен людей. Новые христиане, мужчины, женщины и дети, фактически пребывавшие в Царстве Божьем, находились в то же время в стране, где правительство утверждало, что Бога нет. Какой будет теперь их жизнь? Было тяжело оставлять новых друзей один на один с трудностями и жертвами, о которых я мог только догадываться.

Что касается моей решимости привозить им Библии, в ярком свете майского утра все это выглядело намного сложнее, чем показалось тогда, в Белграде. В 1957 г. через границы коммунистических государств невозможно было провезти какие бы то ни было книги — не говоря уже о книгах религиозного содержания! Каким образом я провезу их? И как стану распространять их внутри страны, не подвергая братьев по вере опасности? Какой стране они нужнее всего? С какой начать? Все эти вопросы одолевали меня, пока миль за милей я ехал по Европе, все ближе к дому.

Нет, поправил я себя. Я ехал не домой. В Витте, конечно, но Витте больше не была моим домом, я неожиданно и ясно осознал это. Вот почему я ехал так медленно, так часто останавливался, чтобы свериться с картой, разговаривая с каждым фермером по пути об урожае.

И вдруг я понял, что, с тех пор как покинул Югославию, я стараюсь оттянуть неизбежный момент, когда опять окажусь в своем одиноком холостяцком жилище. После смерти папы я решил перебраться в его маленькую комнатку над сараем. Эта идея показалась мне очень практичной: теперь у меня был отдельный вход и я мог приходить и уходить, никого не беспокоя. Но в результате мой переезд лишь показал, насколько я одинок.

Более того, я знал, что обречен на одиночество и в дальнейшей своей жизни. Во время остановки в Германии я открыл Библию, где на внутренней стороне обложки записал полученный от Бога суровый ответ на одну мою молитву. Я глотнул кофе и вспомнил ту ночь в Югославии, когда я помолился об этом. В тот вечер я тоже чувствовал себя очень одиноко. «Господь, — сказал я, — через год мне исполнится тридцать. Ты сотворил для мужчины помощницу, но я почему-то не нашел свою. Господь, я хочу попросить Тебя кое о чем. Сегодня я прошу у Тебя жену».

В Библии я пометил эту необычную молитву: «12 апреля 1957 г., Носаки. Молился о жене». После этой записи я оставил место для ответа.

Через пять дней я получил ответ от Господа. Во время отдыха я вдруг понял — с абсолютной

уверенностью, — что в Книге Пророка Исаии (54:1) был ответ Бога на мою молитву. Я лихорадочно пролистал страницы Ветхого Завета и прочитал: «у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа».

Снова и снова я перечитывал эти слова, пытаюсь применить их к себе и радоваться воле Божьей. Возможно, я буду чувствовать себя оставленным, но Он даст мне намного больше детей, духовных детей, чем я мог бы родить в браке с женщиной. Под моим прощением я записал этот ответ.

Но сейчас, когда я пил кофе, глядя на поле, усыпанное весенними цветами, я понял, что духовные дети — это не совсем то, о чем я просил. Я хотел иметь живых, реальных, шумных, бегающих и прыгающих детей, с разгоряченными лицами и в деревянных башмаках, которые нужно чинить после драки. Но более всего я хотел иметь жену, живое, любящее существо, которое станет одной со мной плотью. Теперь же я ехал домой, где меня никто не ждал.

А если я попрошу Его еще раз, прямо сейчас? Если я открою Библию наугад, ткну пальцем в какой-нибудь стих и приму его в качестве Его настоящего ответа? Я всегда смеялся над теми, кто таким образом искал водительства. Но стоял чудесный весенний день, когда могло случиться все что угодно, поэтому я закрыл глаза, открыл Библию и ткнул пальцем в страницу. Когда я посмотрел на текст, я с трудом поверил своим глазам. Мой палец указывал на Книгу Пророка Исаии (54:1): «у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа».

Должно быть, сказал я сам себе, я так часто перечитывал этот стих, что книга сама открылась здесь. Но это не помогло. Окончательно смирившись, я записал в конце Библии свой вопрос и повторившийся ответ.

«Господь, мне не нравится Твой ответ, но по крайней мере он ясен».

Мне предстоял долгий путь в Витте, обратно в маленькую комнатку, в мое одиночное заключение.

Возвращение было таким, каким я рисовал его в своем воображении. Я сидел в гостиной допоздна, рассказывая семье о Югославии. Затем, горя нетерпением поскорее увидеть свое жилище, я поднялся наверх. Маленькая комнатка казалась сырой и неудобной. Покрывало на кровати покрылось плесенью, стол был в каком-то белом налете, а новые обои отошли от стен. Но, в конце концов, у нас на побережье всегда было сыро. И раньше это меня мало беспокоило. Почему же сейчас это кажется чуть ли не катастрофой?

Следующие полтора месяца я с головой ушел в работу, выступал, писал статьи, молился о том, чтобы понять, как продолжить дальше мое служение за Железным занавесом. Я съездил к Уэтстрам, чтобы рассказать о том героическом пути, который проделал их маленький «Фольксваген». Написал серию новых статей для журнала «*Kracht Van Omhoog*». Навестил Карла де Графа и молитвенную группу в Амерсфорте. В общем, я все время был занят. Настолько занят, что постоянно говорил себе, что не буду замечать своего одиночества.

В июле я сдался.

«Господь, — сказал я однажды утром, садясь на маленькую складную железную кровать в своей комнате над сараем, — я помолюсь еще раз о той холостяцкой жизни, которую Ты запланировал для меня. Да, я знаю о тех детях, которых Ты обещал оставленному, но, Господь, Ты также обещал дать одинокому дом!» Я быстро нашел стих из 67 псалма, словно желая напомнить Богу об этом: «Бог одиноких вводит в дом». Господь, я благодарю Тебя за эту комнатку над сараем. Ничего, что она темная, сырая и затхлая, я очень благодарен Тебе за нее. Но, дорогой Господь, на самом деле это не дом. Не настоящий дом. Дом — это жена и дети, живые, реальные».

«Господь, Павел трижды молился о том, чтобы Ты удалил от него жало в плоти. Но Ты отказал ему. Я уже дважды молился о жене. И сейчас я хочу помолиться в третий раз. Может быть, Ты и в третий раз откажешь, Господь, и, если Ты откажешь, я больше никогда не возвращусь к этому вопросу. Я запишу эту молитву здесь, в Библии». Я открыл ее на внутренней стороне задней обложки и сделал последнюю запись: «Молился о жене в третий раз Витте, 7 июля 1957 года». Затем я захлопнул Библию. «Некоторые люди действительно созданы для одинокой жизни. Но не я, Господи, пожалуйста. Не я».

И только в сентябре произошло событие, которое я мог интерпретировать как ответ. Во время молитвы передо мной вдруг возникло лицо. Длинные светлые волосы. Улыбка, которая может заставить солнышко

выйти из-за туч. Глаза, цвет которых постоянно меняется.

Корри.

Корри ван Дам.

Мысль о ней пришла так внезапно, настолько независимо от того, о чем я думал в тот момент, что мое сердце дрогнуло от догадки, что это Бог и что Он дает мне ответ, который превосходит мои самые смелые ожидания.

Но каким образом это может произойти? Мы были друзьями и членами одной команды, но я никогда не думал, что за Корри можно ухаживать. Ведь она была сущим ребенком. Фактически подростком.

Но это было подожди-ка, сколько же лет прошло? Четыре года, с тех пор как я ушел с фабрики и уехал в Англию, а она пошла учиться на медсестру. Но ведь она, должно быть, выросла. Она, конечно же, окончила свои курсы и уже вышла замуж. Из девчушки, только что снявшей школьный фартук, она превратилась во взрослую девушку, которая — если еще не замужем — в этот самый момент выбирает суженого из толпы энергичных и восторженных поклонников.

Через час я уже был в Алкмаре и ехал по улице, на которой жили родители Корри. Мы часто приезжали сюда после молодежных собраний. Миссис ван Дам подавала нам кофе с пирожными, а мистер ван Дам окутывал потолок дымом из своей огромной пеньковой трубки.

Я не знал точно, что сделаю, когда подъеду к их дому. Наверное, просто посмотрю на него. Чтобы

убедиться, что он стоит на месте. А может, постучусь в дверь. «Миссис ван Дам, не дадите ли вы мне адрес Корри?»

А вдруг дверь откроет сама Корри? «Привет, Корри, ты уже вышла замуж? Если нет, выходи за меня».

Я подъехал к дому, так и не решив, что делать. И сразу же увидел, что в нем никто не живет. Окна были закрыты ставнями, а сад зарос сорняками. Я проглотил комок в горле и поехал на фабрику.

Нет, мистер Рингерс не слышал, куда переехали ван Дамы. Корри? Она проходила практику в больнице св. Елизаветы в Харлеме. Может быть, она по-прежнему работает там, он ничего не знает об этом. Нет. Если она и вышла замуж, он об этом не слышал. Его глаза искрились, когда он отвечал на мои вопросы.

«Счастлив тот мужчина, Анди, кто женится на этой молодой леди!»

Просто удивительно, как много срочных дел отыскалось для меня в Харлеме. Нужно было обойти библейские магазины, ответить на приглашения церквей, которые я неизвинительным образом игнорировал, посетить знакомых — в таком удивительном городе!

Прямо с бензозаправочной станции я позвонил в больницу св. Елизаветы и затаил дыхание, когда регистраторша искала информацию о Корри. «Да, — прозвучал ответ, — она учится на последнем курсе. Мисс ван Дам, — мой вздох облегчения заставил ее прерваться на секунду, — в этом году мисс ван Дам

живет в частном доме, а не в общежитии при больнице».

Она дала мне адрес и сказала, что квартира Корри находится на верхнем этаже частного дома в самом чудесном районе города: хозяйкой была богатая старая женщина, как объяснила регистраторша, которая предоставила Корри квартиру в обмен на ее услуги медсестры. После недолгих поисков я нашел эту улицу и быстро вычислил окна Корри под самой крышей. Весь дом выглядел как миниатюрный замок: в комнате Корри имелся балкон, над которым возвышалась крошечная остроугольная башенка.

Я припарковал машину и предался мечтам. Она была принцессой в башне, а я — рыцарем в доспехах. Она была Джульеттой; и когда она появится на балконе, я выйду вперед

Но она не появилась ни на балконе, ни на улице. Прошел день. Стало темно, но в комнатах Корри свет не зажигался. Отбросив романтические намерения, я подошел к дверям и постучал. Вышла служанка. Мисс ван Дам? Да, она жила здесь. Но сейчас вместе со своей семьей она живет в Алкмаре.

«В Алкмаре?» Я забыл обо всех своих фантазиях. «Но в их доме в Алкмаре никто не живет! Окна закрыты ставнями, сад запущен, а..»

Привлеченная звуком моего взволнованного голоса, позади горничной возникла седовласая женщина. Она мягко сказала мне, что отец Корри серьезно болен и она уехала, чтобы ухаживать за ним. Семья же переселилась

из прежнего дома в другую квартиру, где не нужно было подниматься по ступенькам. Она дала мне адрес.

Следующие несколько дней я мучился, выполняя намеченные дела в Харлеме. Как я был рад, что раньше всегда уделял несколько минут общению с мистером ван Дамом. Что может быть более естественным, чем визит к больному?

Итак, через несколько дней я стоял у квартиры семьи ван Дамов в Алкмаре и стучался в дверь.

Мне открыла Корри.

Свет позади нее сделал ее белокурые волосы золотыми. «Я пришел навестить твоего отца», — сказал я робко.

Это объяснение не убедило бы и трехлетнего малыша. Но Корри торжественно препроводила меня к отцу. Мистер ван Дам был действительно тяжело болен, это было видно сразу. Но он был очень рад посетителю. Поэтому я просидел у его постели около часа, рассказывая о своих путешествиях за Железный занавес и надеждах на будущее, а Корри тем временем то входила, то выходила с бутылочками и подносами, и я старался не провожать ее глазами. На ней был надет белый медицинский халатик, и она казалась еще более неземной и недостижимой, чем в моих мечтах.

Так началось мое удивительное, почти неуловимое ухаживание. Дважды в неделю я приезжал навестить мистера ван Дама, дважды в неделю мы с Корри тихо и приглушенно беседовали у дверей. Я чувствовал, что чаще появляться в этом доме, где лежал больной, было бы бестактно.

Я не раз представлял себе, как сделаю предложение Корри, и это всегда звучало так ужасно, что я заранее был уверен в бессмысленности этой затеи. Пожалуйста, выходи за меня замуж. Большую часть времени меня не будет дома, и я не смогу дать тебе адрес, куда писать, и пройдут целые месяцы, прежде чем ты получишь от меня весточку, и, хотя мы оба будем служить одному делу, я никогда не смогу рассказать тебе ни о местах, ни о людях, с которыми буду работать. И если я однажды не вернусь, ты, возможно, никогда не узнаешь, что со мной произошло. Прибавь к этому отсутствие стабильных доходов и комнату над сараем. Нет, Корри достаточно умна и слишком красива, чтобы согласиться на такую жизнь.

20 октября мне пришло письмо из венгерского консульства. В ответ на заявление, поданное спустя неделю после венгерского восстания, мне сообщали, что я могу получить визу.

И вдруг я понял, как именно предложу Корри стать моей женой. Я сделаю ей предложение сегодня, прямо сейчас, но не позволю дать ответ до моего возвращения из Венгрии. Таким образом, в случае если она будет думать о моем предложении, у нее появится возможность попробовать на практике то, с чем ей придется столкнуться сразу после свадьбы — с разлукой, секретами, неопределенностью. Убедись сам, Анди, сказал я себе, насколько все это бесполезно.

Теперь, когда у меня был план, мое сердце преисполнилось надеждой. Я вскочил в машину и покрыл расстояние до Алкмара за рекордно короткий срок. Я громко заколотил в дверь, забыв, что в доме

лежит больной человек. Мне долго не открывали, и я уже собрался было постучать еще раз, как вдруг появилась Корри. Один взгляд на ее лицо — и я все понял.

«Отец?»

Она кивнула. «Полчаса назад». Ей было трудно говорить. «Там сейчас врачи».

Так я уехал обратно в Витте с невысказанным предложением, которое жгло меня изнутри. Я не видел Корри в течение трех недель, за исключением похорон. Все это время я потратил на закупку венгерских Библий, которых в Голландии было не так уж много. Я складывал их в машину вместе с брошюрами на венгерском языке.

Наконец, однажды лунной ночью я пригласил Корри на прогулку. Мы ехали по широкой дамбе до тех пор, пока фары машины не высветили дорогу поуже, которая уводила направо. Я свернул, и мы остановились. Луна отражалась в канале у наших ног. Сцена была прекрасной.

Но я все сказал неправильно. «Корри, — начал я, — я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, но не говори "нет", пока я не объясню, насколько тяжело тебе будет. Тяжело будет нам обоим». Затем я описал работу, к которой, как я верил, меня призвал Бог. Я сказал, что следующий месяц станет практическим примером жизни, ожидающей ее в случае, если она решится на этот шаг. «Ты совершишь глупость, Корри, — закончил я печальным голосом, — но я так хочу, чтобы ты стала моей женой!»

Огромные глаза Корри стали еще больше, когда я закончил монолог. Она открыла было рот, чтобы сказать что-то, но я положил ей на уста ладонь. Когда я высадил ее у дома, она обещала мне, что даст ответ после моего возвращения из Венгрии.

Насколько же это путешествие в Европу отличалось от всех предыдущих! Я думал, что разлука многое покажет Корри, но я не подозревал, как много я сам узнаю из этой поездки. Мили, раньше быстро таявшие под моими колесами, теперь, казалось, тянулись бесконечно и уводили меня все дальше от Корри.

Пересечение границы тоже оказалось труднее, чем обычно. Не знаю, почему я так боялся Венгрии. Оттого ли, что страшился не вернуться в Алкмар, или потому, что наслушался ужасов в лагере беженцев.

Однако Бог еще раз «сделал зрячие глаза слепыми», и я наконец очутился в сельской местности Венгрии. Дорога, по которой я ехал, вилась рядом с Дунаем. Он действительно был прекрасным, как поется в песне, хотя его цвет вместо голубого был молочно-коричневым. Я почувствовал голод и решил остановиться у реки на обед. Съехав с дороги, я остановился на лужайке у самой воды и вытащил все необходимое для пикника. Чтобы достать свою походную плитку, мне пришлось вынуть несколько коробок с брошюрами, которых на границе не заметили.

Как только я открыл банку с горошком и морковью, послышался рев мотора. Я поднял голову. Прямо ко

мне по воде на большой скорости мчался катер, поднимая высокую волну. На носу стоял солдат с автоматом наперевес. В самую последнюю секунду катер развернулся и аккуратно причалил у самой кромки воды. Теперь я рассмотрел, что в лодке сидели еще два солдата. Человек, стоявший первым, выскочил на берег, а за ним и второй.

«Господь, — сказал я очень тихо, — помоги мне преодолеть страх».

Первый солдат держал меня под прицелом, а другой побежал к машине. Я продолжал разогревать горох с морковью, когда услышал, как хлопнула дверца машины.

Я начал говорить по-голландски, прекрасно осознавая, что этот язык они не понимают.

«Ну, что ж, господа, — говорил я, помешивая обед, — приятно видеть вас в такой чудесный день».

Солдат смотрел на меня окаменевшим взглядом.

«Как видите, — продолжал я, — я собираюсь кушать».

Позади себя я слышал, как открылась другая дверца машины. Я потянулся к коробке с принадлежностями для пикника и достал еще две тарелки. «Не хотите присоединиться ко мне?» — я поднял брови и сделал приглашающий жест. Солдат резко мотнул головой, словно говоря, что этим его не купишь. «По крайней мере, не тарелкой с горохом и морковью», — подумал я про себя.

Я услышал, как второй солдат шарит где-то рядом. В любой момент он может спросить, что у меня в этих коробках.

«Ну, что ж, — сказал я громко, — если не возражаете, я начну есть, пока мой обед не остыл». Я помешал ложкой в тарелке и задумался. Можно ли помолиться перед едой? В лагере мне рассказывали, что сейчас в Венгрии к христианам относятся с особым подозрением, поскольку многие из них играли в восстании руководящую роль.

Но нет, это был шанс засвидетельствовать о Христе этим людям. Более обдуманно, чем обычно, я склонил голову, сложил руки и произнес длинную и сердечную благодарность Господу за еду, которую собирался вкушать.

И тут произошло нечто поразительное. Пока я молился, солдаты, обыскивавшие мою машину, не издали ни звука. Но как только я закончил, я услышал шум быстро приближающихся шагов. Я взял вилку и отправил в рот первую порцию обеда. На какие-то доли минуты оба солдата застыли передо мной в нерешительности. Затем они резко повернулись и, не оглядываясь, побежали к своему катеру. Взревел мотор, и по воде кругами разошлась пена.

Будапешт — один из очаровательнейших городов, в которых я успел побывать; это два древних города, Буда и Пешт, расположенные по обеим сторонам реки Дунай. Но признаки восстания были повсюду: здания были помечены следами пуль, деревья стояли без верхушек, рельсы трамваев покорежены.

Мне дали адрес профессора Б., человека, занимавшего высокую должность в одном знаменитом университете Будапешта. Когда я попросил его быть моим переводчиком, я не понимал, что означает его согласие. «Конечно, брат, — сказал он, — мы будем работать вместе». Это решение стоило моему другу его работы.

Профессор был вне себя от радости, увидев Библии. Он сказал, что купить их практически невозможно, и рассказал, что десятки церквей все же открыты и действуют. Я могу совершенно спокойно проповедовать и распространять книги, если меня не очень беспокоит тот факт, что я несколько рискую.

«Рискую?» — переспросил я.

«Ну, видите ли, восстание произошло совсем недавно. Власти считают, что во время каждого причастия в церкви готовится заговор». Он сказал, что больше всего пострадали пасторы. Большая часть пасторов в Будапеште была настроена против режима, одна треть из них сидела в тюрьмах, некоторые по шесть лет. Каждый проповедник должен был продлевать разрешение на свою деятельность раз в два месяца, и это требование держало их в постоянном напряжении.

Профессор Б. привел меня к своему другу, пастору реформатской церкви, который открыл нам дверь с великой осторожностью и, прежде чем впустить нас, осмотрел лестничную площадку. Вся его квартира была заполнена абажурами! Одни были закончены, другие находились в процессе изготовления. На них довольно неумело были изображены улицы Будапешта.

Как я узнал, этого человека недавно отстранили от его должности, так и не объяснив причины. Теперь во время богослужений ему не позволяли сидеть на возвышении, где находилась кафедра. Из страха, что одно его присутствие может причинить другим людям вред, он вместе с женой перестал посещать церковь. Чтобы как-то заработать себе на жизнь, он разрисовывал абажуры. Ему приходилось работать с раннего утра до позднего вечера, чтобы прокормить свою семью.

После того как мы ушли, я спросил профессора Б., насколько типичной была судьба этого пастора.

«Довольно типична для церквей, которые не идут на компромисс, — сказал он, — но многие поступают своими принципами. Они "приспосабливаются" не только в политических вопросах, но и в ситуациях, затрагивающих основы веры, так что становятся фактически орудием режима».

Я попросил профессора Б. сводить меня в такую церковь, и он сообщил, что пастор одной из них в тот день проводил школьный фестиваль. Да, я убедился, что этот пастор занимал компромиссную позицию. Через несколько минут он подошел, чтобы поговорить с нами.

«Где-то около одной трети этой группы, — сказал он, указывая на ряды молодых людей, выстроившихся на школьном дворе, — принадлежит к нашей церкви». На каждом подростке был ярко-красный галстук, символ, как он объяснил, добропорядочного гражданина. Одним из условий ношения галстука было

«соответствующее отношение» к религиозным суевериям своих родителей.

«Какие суеверия вы имеете в виду?» — спросил я.

«О, чудеса. История сотворения. Первородный грех. Падший человек. Такого рода вещи».

«А как насчет того, что Иисус есть Бог?»

«Да, это стоит на первом месте в нашем списке суеверий».

«А вы сами что думаете по этому поводу?»

Пастор опустил глаза. «Что я могу сделать?» — пожал он плечами.

Дети явно получали удовольствие от своего праздника. И вдруг я опять услышал пугающие хлопки, которые слышал в Польше и Чехословакии. Как и раньше, они начали хлопать спонтанно, но уже через двадцать секунд эти удары приобрели ритмичность, превратившись в единый звук, бывший молотом по какой-то неземной наковальне. Бум. Бум. Бум. В совершенном единстве, все вместе, все как один. Директор школы все не останавливал хлопанье, так что оно едва не свело меня с ума. Я видел, что пастор страдал от этого точно так же. Я заметил, что он инстинктивно поднимал чуть трясущиеся руки, словно отчаянно хотел заткнуть уши, но не осмеливался.

Когда школьная церемония закончилась, пастор повел нас посмотреть церковь. Он рассказывал об усовершенствованной отопительной системе и новых окнах, о расширенной игровой площадке позади

церкви и вдруг обратился ко мне: «Брат Андрей, что же мне делать?»

Я не сразу ответил ему. Как я мог что-то советовать, если я не был в его положении? Легко сказать: «Будь сильным». Но этот человек знал, что его лицензия, а значит, и обеспечение семьи зависели от капризов правительства.

Я не мог советовать, но мог рассказать ему о жизни христиан в Польше, Чехословакии, Югославии, которые смотрели в лицо опасности, но не уставали проповедовать искупительную любовь Иисуса. С этой любовью в сердце, мне кажется, люди сами могли понять остальные истины веры.

Профессор Б. сказал, что в Венгрии есть церкви, которые находят пути обхода ограничений. Одним из наиболее интересных примеров была евангелизация во время погребения и венчания.

Однажды утром профессор Б. пригласил меня на венгерскую свадьбу.

«Вы не видели ничего подобного, — заверил он. — А теперь послушайте внимательно, потому что я попрошу вас о странной вещи. Вам предоставят возможность выступить, так что нужно будет быстренько поздравить молодых, а затем — прочитать самую ударную и самую горячую проповедь спасения, на какую вы способны».

Я улыбнулся.

«Не смейтесь, — сказал профессор Б. — Именно так мы проповедуем сегодня. Люди боятся идти в церковь и приходят к нам только тогда, когда нужно провести

свадьбу или похороны. Поэтому мы пользуемся случаем и проповедуем им о спасении! На прошлой неделе один правительственный чиновник сказал мне следующее: "Я уверен, вы молитесь, чтобы ваши друзья почаще умирали, чтобы вы на их похоронах могли прочитать проповедь"».

Итак, я проповедовал на свадьбе, а позже поделился с профессором Б. еще одним приемом, который обнаружил ранее: можно «передавать приветствия» из Голландии. Ему эта идея понравилась, и он тут же захотел воспользоваться ею. Поэтому сел за телефон и начал звонить. В тот же вечер мы организовали конспиративное собрание пробуждения в одной из самых крупных церквей города.

На следующий день мы провели еще одно собрание, но уже в другой церкви. И так далее, вечер за вечером. До конца собрания мы никогда не объявляли, где будет проходить следующая встреча. Но даже в этом случае люди стояли на тротуаре у церкви, ожидая начала выступлений приезжего голландца. Все это привлекало к нам слишком большое внимание, и скоро мы придумали новую уловку, просто объявляя, что на следующий день состоится собрание, но не говоря, где именно. И на следующий день люди звонили по телефону, передавая друг другу, где назначена встреча.

Когда мы сидели на возвышении около кафедры, ожидая начала собрания, я видел, как пасторы вглядываются в лица собравшихся.

«Они ищут тайную полицию, — объяснил профессор Б., — мы знаем многих из них в лицо. После

восстания стало опасно собирать большие толпы народа по какой бы то ни было причине».

Нервозность и озабоченность заразительны, поэтому где-то в середине нашей евангелизационной кампании мне тоже стали сниться неприятности с полицией.

Однажды вечером полиция действительно пришла.

Я понял это по выражению лица профессора.

«Они здесь», — шепнул он, и мне не нужно было спрашивать, кто это «они». Он дал мне знак, чтобы я прошел за ним в другую комнату. Там нас ждали два человека в обычной одежде. Они задали мне кучу вопросов, а на следующее утро велели явиться в их департамент вместе с профессором.

«В последний раз, — сказал профессор после их ухода, — двух человек арестовали. Они долго просидели в тюрьме».

После богослужения все пасторы собрались на совет, чтобы решить, что делать. Профессор предложил поехать к нему и помолиться. Так я впервые попал к нему домой. Я забыл, какое выдающееся место занимал профессор в обществе Восточной Европы: его квартира была огромной и роскошной. И таким положением он рисковал!

Профессор познакомил меня со своим сыном, Яношем, который мне сразу понравился. Он недавно женился и был преуспевающим молодым адвокатом. Он тоже готов был пожертвовать своим положением, принимая участие в полулегальном собрании христиан. В тот вечер нас было семь человек, семь христиан,

которые собрались так, как собирались все христиане с момента возникновения Церкви — тайком, рискуя, молясь вместе, чтобы через чудесное вмешательство Самого Бога избежать столкновения с властями.

Мы все молились в гостиной профессора Б., стоя на коленях вокруг маленького кофейного столика в центре комнаты. В течение часа мы искренне ходатайствовали, моля Бога помочь нам в нашем бедствии. И вдруг мы перестали молиться. Каждый из нас в одно и то же время почувствовал уверенность, что Бог услышал нас и на нашу молитву дан ответ.

Мы поднялись с колен, в удивлении щурясь друг на друга. Я посмотрел на часы. Было 11.35 ночи. В этот час мы точно *знали*, что завтра все будет хорошо.

На следующее утро ровно в девять часов мы с профессором были в полицейском управлении. Пока мы ждали, профессор шепнул мне, что он очень хорошо знает все управление. Глава департамента был неутомим в своем преследовании Церкви. Его заместитель был намного более терпимым человеком.

«Нам велено, — сказал он, прикрыв рот рукой, — явиться к начальнику. Это плохо».

Девять тридцать, затем десять. Вот и одиннадцать часов. Мы оба уже привыкли к подобным бюрократическим проволочкам, но это было слишком долго по всем стандартам. Наконец уже почти в двенадцать часов появился чиновник.

«Идите за мной», — сказал он.

Мы с профессором пошли по длинным коридорам вслед за чиновником. Мы прошли мимо кабинета

начальника управления и продолжали идти дальше. Профессор посмотрел на меня и поднял в удивлении брови. Наконец мы остановились. Начальник, объяснил чиновник, накануне вечером заболел. Наше дело поручено его заместителю.

Профессор бросил на меня быстрый взгляд. Через двадцать минут мы выходили из кабинета свободными людьми. Мне так и хотелось спросить, в котором часу заболел начальник. По сей день я уверен, что нам бы ответили — в 11.35 ночи.

Столкновение с властями лишило нас возможности устраивать новые собрания в Будапеште. Профессор организовал для меня десятидневную поездку на восток страны и нашел мне переводчика.

Когда я вернулся в Будапешт, я отправился к моему другу и его сыну, чтобы рассказать о поездке. Но сразу почувствовал что-то неладное. Во-первых, посреди бела дня и отец и сын были дома. Никто из них ни словом не обмолвился о том, что случилось. Они настояли, чтобы я приехал на другой день и перед отъездом позавтракал с ними.

На следующее утро я опять испытал то же щемящее чувство катастрофы. Когда мы встали из-за стола, Янош достал из кармана маленький пакет. И только позже я узнал, какие события произошли в этой семье, и тогда мне стало ясно значение этих слов.

«Мы не знаем, как нам выразить благодарность вам, — сказал Янош, — вы сильно рисковали, приехав в

нашу страну. Мы хотим подарить это вашей девушке, которая ждет вас в Голландии».

Я рассказывал им о Корри. Внутри коробочки лежала старинная золотая заколка, украшенная рубинами. Они засмеялись, увидев выражение моего лица. Янош обнял свою молодую жену за плечи.

«Мы молимся, Анди, чтобы она сказала вам "да"».

По пути домой, в Австрии, мне пришлось заночевать в маленькой палатке у самой дороги. Посреди ночи я вдруг проснулся от ужасного кошмара. За мной гнался целый отряд полиции в красных галстуках, и все они хлопали, и хлопали, и хлопали в ладоши. Я чувствовал, что это имеет какое-то отношение к профессору Б., я был уверен, что ему грозит опасность. На следующий день из первого же города, через который я проезжал, я послал ему письмо.

В Голландии я даже не заехал в Витте, а сразу отправился в Харлем. В больнице мне сказали, что Корри работает с трех до одиннадцати. Я дождался, когда она вышла из дверей главного подъезда. При свете уличных фонарей ее волосы отливали не золотом, а медью.

После долгих часов работы на ногах Корри выглядела уставшей. Но когда она засмеялась, усталость словно слетела с нее. «О, Анди! — сказала она. — Я тоже тебя люблю! Неужели ты не видишь, что именно в этом вся проблема? Я все равно буду о тебе волноваться,

скучать и молиться. Уж лучше я буду беспокойной женой, чем сумасшедшим другом».

На следующей неделе мы отправились в ювелирный магазин в Харлеме и купили два обручальных кольца. В Голландии есть обычай до свадьбы носить кольцо на левой руке, а после брачной церемонии — на правой. Мы с Корри принесли оба кольца в ее маленькую комнатку на верхнем этаже замка. Там мы открыли коробочки, и каждый надел кольцо на палец другому.

«Корри, — начал я, не зная, что впервые говорю слова, которые станут нашим девизом, — Корри, мы не знаем, куда поведет нас дорога, не так ли?»

«Но, Анди, — закончила она за меня, — давай пойдем по ней вместе».

Когда я приехал в Витте, меня ожидало письмо от профессора Б. Он еще раз благодарил меня за приезд в Венгрию. Церковь сильно укрепилась, сказал он, благодаря этому реальному доказательству заботы ее членов друг о друге. Он надеялся, что я приеду еще раз и что по моим стопам придут и другие.

«Но, — сказал он, представляя новости типичным для него образом, — я полагаю, мне нужно поделиться с вами тем, что произошло. Не думайте, что это результат вашего визита, это надвигалось на меня в любом случае. Меня заставили уйти из университета. Не печальтесь: не мне одному пришлось пожертвовать многим ради нашего Спасителя.

Вам ни в коем случае нельзя уклоняться от этой чрезвычайно важной работы. Это ваша задача, Андрей; у каждого из нас есть своя. Мы ежедневно молимся о вас, хотя вы больше о нас не услышите. Это письмо вывезет из страны один мой друг. Нашу почту просматривают. Мы молимся, чтобы ваше служение росло и усиливалось.

И еще раз: не унывайте. Мы славим Господа».

Глава двенадцатая

Ложная Церковь

Мы с Корри поженились в Алкмаре 27 июня 1958 г. На нашей свадьбе была Гретье, мистер Рингерс и другие с фабрики, а также целый автобус девушек из больницы Харлема. Из Лондона приехал дядя Хоппи с приветом от жены, которая была слишком слаба, чтобы решиться на такую поездку. Были также друзья из штаб-квартиры WEC, товарищи по работе из лагеря для беженцев и, конечно, мама Корри, мои братья и сестры с семьями. Но мне хотелось бы видеть и другие лица: Антонина, студента-медика из Чехословакии; Джамия и Николу из Югославии; Яноша и профессора Б. из Венгрии.

Было уже темно, когда мы смогли наконец остаться одни и отдохнуть немного от друзей и воспоминаний. Для своего медового месяца мы взяли у Карла де Графа его жилой автоприцеп. Мы мечтали о романтической поездке во Францию. Но после свадьбы мы вдруг поняли, как сильно устали — Корри от выпускных экзаменов, которые только что закончились, а я от работы в лагере для беженцев, где проводил почти все свое время после помолвки. В нескольких милях от Алкмара мы наткнулись на ресторан в редкостной для Голландии небольшой рощице. Мы оставили машину и зашли туда выпить кофе. Однако владелец с женой были так гостеприимны и так уверяли нас, что автоприцеп не проблема, что мы там и остались. Мы

загнали наш трейлер чуть дальше под деревья и провели весь свой медовый месяц прямо в этой роще.

Темная и сырая комната над сараем уже больше не была темной и сырой! Как я мог раньше так думать о ней! Вместе с Корри в нее вошли свет и тепло, превратив ее в настоящий дом.

Но у нас не было кухни. И отсутствовал водопровод. То там, то здесь протекала крыша, и мы часто не ночевали дома. Ну и что, раз мы были вместе!

Единственной проблемой стали мешки с одеждой. По всей Голландии, во всех церквях я говорил людям о том, что беженцы нуждаются в одежде, и давал свой адрес, чтобы люди присылали туда вещи. Но я не подозревал, что будет столько посылок! Они шли почтой, поездами, грузовиками, заполняя весь дом, и мы уже не знали, где все это хранить. В тот первый год мы получили восемь тонн одежды. Мартье была замужем и жила в семье мужа, но у Ари и Гелтье родился второй ребенок, а Корнелиус со своей женой ютились на чердаке. Кроме нашей комнаты, места для одежды во всем доме не было. Нам с Корри приходилось буквально переползать через эти тюки каждый раз, когда мы хотели войти или выйти из комнаты.

Но самое страшное, что большая часть одежды была нестиранной. Мы перестирали самые грязные вещи в тазике на заднем дворе, а остальное чистили щеткой, но в нашей комнате все равно постоянно водились блохи.

Другой проблемой стала транспортировка такого количества груза. Каждый раз, когда я уезжал в лагерь, я заполнял машину до отказа, но, несмотря на все свои достоинства, «Фольксваген» не был грузовиком.

Я очень хотел поехать в лагерь вместе с Корри, чтобы она сама увидела обстановку и узнала людей, для которых старалась и паковала вещи. Я мечтал, чтобы она ездила туда регулярно, потому что знал, что значит медсестра в таких местах. Поэтому той же осенью мы заполнили заднее сиденье машины до потолка свитерами, куртками и обувью и отправились в лагерь в Западном Берлине.

Мы разгрузили первую партию одежды у бункера Фихтера. Это были старые военные бараки, построенные полукругом. Во время войны они использовались нацистами, а теперь были превращены в «дома» для беженцев. Там Корри впервые увидела грязь и убожество лагерей, и в тот вечер она не смогла есть.

Я специально оставил лагерь Фольксмарштрассе на следующий день, потому что он был еще хуже. В старых фабричных постройках жило приблизительно пять тысяч человек. Условия были настолько ужасающими, что девушки продавали свое тело за пятьдесят пфеннигов — это около пятнадцати центов. Когда мы несли мешки с одеждой в распределительный центр, из окон высывались подростки и забрасывали нас пищевыми отходами.

«Не сердись на них, — сказал я Корри, счищая с нее гнилые листья салата, — им больше нечего делать здесь, кроме как придумывать всякие гадости».

Но самым печальным зрелищем для меня был лагерь им. А. Ж. Дюнана. Мы с Корри отправились туда в последнюю очередь. В этом лагере, названном в честь основателя Красного Креста, находилось много бывших специалистов, особенно учителей. Этот лагерь был печально известен не только тем, что тут было физически тяжелее, но и потому, что люди здесь пытались сохранить свои традиции, а это делало неминуемые разочарования еще более болезненными.

В тот день я вышел из офиса начальника лагеря и увидел, что Корри беседует с седовласой немкой из Восточной Германии по имени Генриетта. Что-то в ее манерах напоминало мне мисс Мекле. Мы нашли тихий уголок и просидели там целый час. Генриетта рассказала, что она была учительницей тринадцати-, четырнадцатилетних ребят в Саксонии, и в этом была вся ее проблема.

«Если бы я учила пяти- или шестилеток, я бы могла закрыть на это глаза, — сказала она, — но нет, мои ученики были как раз в том возрасте, когда дети принимают участие в празднике "Jugend Weihe", т. е. "Посвящение молодежи"».

«Посвящение молодежи?»

«Да. Видите ли, — сказала Герриетта, — я лютеранка. В нашей церкви конфирмация — великое событие в жизни ребенка, может быть, самый большой праздник. В этот день ему дарят подарки, произносят

поздравительные речи, он обретает новые права, как, например, право носить длинные брюки для мальчиков. Но прежде всего это религиозный день. Это обряд исповедания веры».

Затем Генриетта рассказала о празднике «Jugend Weihe» — празднике посвящения молодежи. Я сразу понял, что это очень умная атака против Церкви. Правительство заменило этой церемонией христианскую конфирмацию.

«Во время этого действия молодежь приносит клятвы не Богу, а государству, — сказала Генриетта, — и государство *очень* большое значение придает торжественности и нерушимости этих обещаний. Учителя должны были готовить молодежь к этой церемонии в течение года».

Прежде чем Генриетта объяснила, чем это кончилось для нее, я догадался: «И вы отказались».

«И я отказалась».

«Но это же очень смелый поступок».

Генриетта засмеялась. «Нет, — сказала она, — я вовсе не смелая. Я была обыкновенной учительницей предпенсионного возраста. Я не мученица. Но я просто не могла заставить себя учить этих чудесных ребяташек тому, что государство есть Бог».

Предполагалось, что все сто процентов молодых людей будут присягать на верность государству во время этой ложной конфирмации. Из класса Генриетты принесли присягу только тридцать процентов.

Она сказала, что сначала на нее давили не очень сильно. Партийные руководители наносили ей дружественные визиты примерно раз в неделю. Естественно, предполагалось, что все учителя будут делать все возможное, чтобы всех своих учеников привести к присяге. Они были уверены, что на следующий год все изменится.

Но и через год ее отношение к этому осталось прежним. «И тогда на меня начали давить по-настоящему», — сказала Генриетта. Еженедельные визиты превратились в еженочные. Каждый раз к ней приходили разные люди — неделя за неделей. Снова и снова мы говорили об одном и том же. Где моя преданность? Понимаю ли я, что меня могут обвинить в препятствии прогрессу? Это было серьезное преступление в Народной республике.

Ночь за ночью они задерживались в ее квартире допоздна, нервируя и запугивая до тех пор, пока она не потеряла сон. Характер Генриетты стал портиться. Страдала работа. Тем временем давление начали оказывать и на детей, и они стали спрашивать, почему их не готовят к посвящению, как всех.

«Итак, как видите, — сказала Генриетта, и теперь она уже плакала, — я бежала. Я не могла вынести этого. Вот почему, — она махнула рукой в сторону лагеря, как бы включая сюда всех учителей, которые бежали, как и она, — нельзя считать меня смелой. Может быть, мы только начали становиться смелыми, но мы сдались. Мы все».

Поговорив с Генриеттой и другими беженцами, я постепенно представил себе картину жизни Церкви в целом при коммунистах. В своем представлении я нарисовал внешний круг — те страны, где, судя по моему собственному опыту и сообщениям других, была некоторая степень религиозной свободы: Польша, Чехословакия, Югославия, Венгрия и Восточная Германия. Но помимо этого внешнего кольца, по словам тех, кто бежал, существовал еще внутренний круг, где атаки против Церкви были действительно сильными: Румыния, Болгария, Албания и Россия. Я посетил все государства внешнего круга, кроме Восточной Германии. Теперь, как я понял, мне нужно было попасть и в эту страну.

Удобнее всего было нанести этот визит прямо отсюда, из Западного Берлина. Но, когда я предложил Корри поехать со мной, она посмотрела на меня глазами, полными ужаса.

«О, Анди! — воскликнула она. — Как мне оставить лагеря? Здесь столько работы и некому ее делать! Как я могу все бросить?»

Я внимательно посмотрел на нее: ее щеки пылали, а глаза горели лихорадочным огнем. Я засомневался в том, что правильно поступил, привезя ее сюда, в это море нужды и лишений. На эти страдания было трудно смотреть даже мне, но для медсестры — знающей, что нужно делать, но не имеющей возможности применить свои умения в полной мере — это, должно быть, было настоящей мукой. Она ездила из лагеря в лагерь и с неистощимой энергией организовывала занятия с мамами, устанавливала баки с кипяченой водой,

пыталась обеспечить отдельное хранение посуды, которой пользовались больные туберкулезом. Повсюду она устраивала летучие медосмотры, смазывая больные горла, очищая старые болячки, промывая воспаленные глаза и даже иногда удаляя зубы.

Ради ее же пользы я хотел, чтобы она уехала и хоть немного отдохнула. Но она отказалась. «Ты поезжай, — сказала она, когда я получил без всякого промедления визу в Восточную Германию. — Что мне там делать? Я не могу проповедовать. Я не говорю по-немецки. Я даже водить машину не умею. Зато я сразу вижу туалет, кишасий микробами». Она подхватила чемоданчик с дезинфицирующими средствами, с которым никогда не расставалась. «Когда вернешься, ты мне все расскажешь», — сказала она.

Так произошла первая разлука в нашей совместной жизни, но не из-за моего, а из-за ее служения.

Я пересек границу между Западной и Восточной Германией недалеко от Бранденбургских ворот.

Разница между двумя половинами города стала заметна сразу, как только я попал в Восточную часть. Меня уже не удивлял вид слегка потрепанной одежды и огромных букетов цветов, занимавших все пространство в магазинах, где должны были висеть костюмы, которых не было из-за послевоенного отставания производства.

Но меня поразила тишина. На улицах никто не разговаривал. Это было непонятно и странно, как будто город пребывал в трауре.

Или в страхе. Со временем я стал физически ощущать этот страх. Повсюду была полиция. Они стояли на мостах, у входа на заводы, фабрики и в общественные здания; они могли остановить любого человека, обыскать портфель, хозяйственную сумку, бумажник. Но никто не жаловался на этот произвол. Никто не протестовал, все молчали. И эта ужасающая тишина нависала над городом, как ядовитый туман.

Громкий голос правительства представлял собой резкий контраст с молчанием людей. Он гремел повсюду. По радио, через громкоговорители, на рекламных щитах. Везде висели лозунги: на стенах, на крышах домов, на телеграфных столбах, на киосках, в магазинах, гостиницах и на железнодорожных станциях. Пропаганда везде.

Я удивился прямолинейности государственной политики. Восточная Германия как раз тогда входила в полосу острого продовольственного дефицита. Трудлюбивые немецкие фермеры без всякого энтузиазма отнеслись к идее организации колхозов. Из села уходило так много людей, что в ту осень некому было собирать урожай. Правительство все надежды возлагало на механизированную уборку, сопровождавшуюся массовой пропагандой. Будет очень много хлеба, потому что достижения социализма превосходят все то, чего может добиться индивидуальный фермер.

Одно было плохо. Чтобы машины могли убрать пшеницу, она должна была быть сухой, и для механизированной уборки требовалось на два солнечных дня больше, чем для уборки вручную.

И конечно, в тот год лили дожди. Дождь шел каждый день именно во время сбора урожая.

Затем вдруг по всей стране появились плакаты с маленьким стишком:

Ohne Gott und Sonnen schein
Holen Wir Die Ernte ein.
И без солнца, и без Бога
Урожая будет много.

Я видел, что этот лозунг действительно потряс людей. Это был дерзкий вызов нового режима Самому Богу. Дожди лили не переставая, и урожай собрать было невозможно. И вдруг за одну ночь плакаты исчезли так же внезапно, как появились, — все, кроме нескольких насквозь вымокших и накрепко прилипших к столбам.

Что же теперь сделает правительство?

В объявлениях по радио и в газетах заявлялось следующее: «Никому не позволяйте говорить, что у нас нет хлеба. Хлеба на самом деле много. Это еще один пример победы социализма над силами природы».

Но хлеба все же не было.

Я сам ходил в булочные и не видел хлеба. Его не было даже в ресторанах.

Но самое печальное, что никто не говорил об этой двуличности. Об отсутствующем хлебе никто не упоминал. Люди молчали.

Более всего я интересовался южными районами Саксонии, потому что слышал от Генриетты и других беженцев, что Церковь там была еще жива. Я не знал, до какой степени она жива. Германия была страной противоречий. С одной стороны, давление режима ощущалось здесь сильнее, и идеологическая обработка с постоянным полицейским надзором вызывали омерзение. Но в то же самое время в Восточной Германии было все-таки больше религиозной свободы, чем в любой другой коммунистической стране.

Человек по имени Вильгельм, чей адрес мне дали в Саксонии, был профессиональным молодым служителем лютеранской церкви. Деревня, в которой он жил со своей женой Мар, находилась в горной и лесистой части страны. Вокруг повсюду были леса, вид которых всегда наполняет сердце каждого голландца завистью. Рядом с домом стоял маленький мопед, на котором, как я узнал, Вильгельм объездил всю Восточную Германию в солнце, дождь и снег.

Вильгельм встретил меня у дверей и без колебаний пригласил войти. Мы сидели за чаем, которым поила нас Мар, и я рассказал, зачем приехал за Железным занавес.

«Я рад, что вы приехали», — сказал Вильгельм. Он замолчал и закашлялся. Глубокий сухой кашель сотрясал все его тело. «Мы нуждаемся в поддержке и воодушевлении».

«А Библии вам нужны? — спросил я его. — У меня с собой есть Библии на немецком».

«О, у нас много Библий».

Я это слышал и раньше и стал ждать, когда он наконец признается, что на самом деле Библий мало. Но Мар отвела меня в маленький кабинет, и мне показалось, что я опять дома. На полках стояли десятки Библий. Я взял одну и посмотрел на место издания. «Отпечатано в Германской Демократической Республике».

«Давайте я расскажу вам о других свободах, — сказал Вильгельм, — у нас есть семинарии, которые выпускают не политиков, а действительно христиан. У нас проводятся евангелизационные кампании, привлекающие тысячи человек. Внутри лютеранской церкви существует движение, настолько же сильное, как, осмелюсь сказать, любое движение в Голландии».

«Но вы сказали, вам нужно воодушевление».

Вдруг кулаки Вильгельма сжались. Я увидел, как побелели костяшки пальцев.

«Мы ведем одну из самых важных битв в Европе. Здесь, в Германии, коммунисты пытаются применить новый тип "убеждения", на мой взгляд, гораздо опаснее, чем открытое преследование. Вы сможете пойти со мной на сегодняшнее заседание нашего синода? Вы сами увидите, о чем я говорю».

Я предложил поехать на моей машине, и Мар улыбнулась мне с благодарностью. «Из-за этого ужасного мопеда, — сказала она, — он так кашляет. Тысячи километров в любую погоду. Два года назад врач велел ему держаться подальше от сквозняков!»

Вильгельм погладил ее по руке. «Мар беспокоится, — сказал он извиняющимся тоном, — но если вы

хотите, чтобы вас услышали молодые люди по всей стране, что делать?»

В машине он вернулся к начатой теме. «Мы, немцы, оказались первыми жертвами этой атаки, — сказал он. — Если против Церкви проводят жесткую политику, ее тем самым лишь укрепляют. Так было всегда. Когда начинаются преследования, люди задумываются, стоит ли сражаться за свою веру, и такое испытание христианство всегда выдержит. Настоящая опасность возникает при скрытых нападках, когда человека уведут, отвлекут от Церкви прежде, чем он достаточно окрепнет. Помните это, когда будете слушать сегодняшние выступления».

Это заседание синода было созвано для рассмотрения проблемы, которую они назвали «ложной Церковью». Пастор за пастором вставляли и зачитывали какие-то статистические данные, которые я сначала не понимал. «Церемония вступления в жизнь — тридцать пять процентов. Посвящение молодежи — пятьдесят пять процентов. Брак — сорок пять процентов. Похороны — пятьдесят процентов».

Но когда Вильгельм шепотом объяснил значение этих цифр, я начал осознавать грандиозность планов властей. Понимая, что прямыми нападками на Церковь ничего не добиться, режим изобрел новое направление. Они решили заменить Бога государством, а религиозный инстинкт чувством патриотизма. Используя древнюю мудрость Церкви, они предлагали государственные церемонии, совершенно откровенно имитируя ими христианские обряды.

Например, вместо крещения была предложена альтернатива под привлекательным названием «церемония вступления в жизнь». На официальную регистрацию рождения ребенка приглашались родственники и друзья. Родители выносили вперед младенца, и чиновник от правительства совершал соответствующий ритуал встречи нового члена общества.

Проводились также брачные церемонии. На континенте принято проходить сначала государственную регистрацию в официальных органах, а затем священный обряд в церкви. Новый режим взял на себя выполнение обеих ролей. После регистрации брака чиновники объявляли о втором, бесплатном служении, куда приглашались все и где были цветы, еда и торжественная церемония вступления молодоженов в социалистическое общество с пожеланиями счастья и успехов.

Государство не забыло и о похоронах. Церемония прощания была простой, достойной и бесплатной, и в этом власть опять-таки стремилась обойти Церковь. Произносились речи, в которых хвалили доблестного солдата Народной республики за участие в борьбе за свободу человечества.

И конечно, самым торжественным был обряд принесения молодыми людьми клятвы верности государству, о котором я узнал от Генриетты. Эта ложная конфирмация была особенно эффективна, потому что была направлена на подростков, чья восприимчивость исключительно высока. Впечатлительный юный гражданин должен был

выбрать, за чем последовать: за страной или за церковью. На него оказывали сильное давление, вынуждая следовать за товарищами, чтобы получить благословение государства.

Тем временем на заседании синода продолжалось чтение статистики. «Торжественная клятва молодежи — семьдесят процентов. Похороны — тридцать процентов». Истинная значимость этих цифр не доходила до меня, пока Вильгельм не объяснил, что цифры выражают количество прихожан церкви. Это были те люди, которые выбрали государственные церемонии не в дополнение к религиозным обрядам, но взамен них.

«Сначала, — говорил Вильгельм, — церковь заняла принципиальную позицию против государственных обрядов. Если подросток приносил государству торжественную клятву верности, он уже не мог участвовать в конфирмации».

Это ставило детей в очень трудное положение, а режим именно этого и добивался. В первый же год официального эксперимента произошло сокращение числа конфирмаций на сорок процентов. На следующий год эта цифра выросла до пятидесяти процентов, и с тех пор ситуация с каждым годом становилась все хуже. Постепенно многие литургические протестантские церкви смягчили свою позицию, решив, что через год после принесения клятвы верности подросток может причаститься. Однако римская католическая церковь не пошла на уступки, чем вызвала восхищение самых ревностных протестантов.

«Это открытая борьба за сердца людей, — сказал Вильгельм, — и церкви в этой борьбе проигрывают. Трудно сказать "нет", когда все твои одноклассники говорят "да"».

Реакция церковей на эти нападки правительства выразилась в отступлении, сказал Вильгельм. Вместо того чтобы перейти в наступление, они были заняты личным благочестием и все более уходили в изоляцию.

«Вот почему я так рад вашему приезду, — сказал он, — вы поможете нам вспомнить, что Церковь больше, чем одна нация или любая политическая арена. Мы забыли, что, если Бог на нашей стороне, мы победим».

Вильгельм собирался в полумесячное турне для встреч с молодежными группами и пригласил меня присоединиться к нему. «Мне бы хотелось поработать с вами. И, — добавил он с улыбкой, — Мар нравится ваша машина».

Так, около двух недель я ездил с ним по всей южной части Восточной Германии, проповедуя с удивительной свободой в церквях, где было огромное количество Библий, множество литературы и собирались открытые евангелизационные собрания. Но эти церкви были деморализованы так сильно, как ни одна церковь, которую я видел за Железным занавесом.

В основном в эти двенадцать дней я произносил одну и ту же проповедь снова и снова в сотнях разных вариаций. Я призывал восточных немцев стать миссионерами, потому что понял на собственном опыте, что миссионерская церковь — живая церковь.

В первой же церкви, где я сделал такое предложение, пастор встал и пылко сказал: «Брат Андрей, вам легко говорить о миссионерской работе, потому что вы можете поехать куда хотите. Но что делать нам в Восточной Германии? Мы не можем выехать из страны!»

«Подождите! — сказал я. — Подумайте, что вы только что сказали. Мне приходится долго ехать и много платить, чтобы добраться до Восточной Европы. Но вы-то уже здесь! Сколько сейчас здесь, в Германии, русских солдат? Насколько я знаю, полмиллиона. Подумайте об этом! Сколько необращенных немцев в этих горах? Не жалуйтесь, что не можете выехать в другие страны! Благодарите Бога за то, что Он дает вам миссионерское поле прямо здесь!»

Затем я рассказал им библейскую историю о человеке, который делал то, к чему я их призывал.

Я напомнил им о том времени, когда Павел вместе с Силой сидел в заточении. «У него было две возможности, — сказал я, — он мог сидеть и жаловаться, что не может выбраться из темницы, и он мог воспользоваться предоставленной ему ситуацией. Павел начал воспевать Бога, и другие узники слушали его. Он стал проповедовать Евангелие. В результате он обратил в христианство не только этих людей, но и темничного стража вместе со всей его семьей. Он основал церковь прямо там, «в семье кесаря». И это, мне кажется, истинная миссия христиан за Занавесом».

Глава тринадцатая

До края внутреннего круга

Вернувшись в Западный Берлин, я ездил из лагеря в лагерь, пытаясь найти Корри. Когда наконец я нашел ее, она проводила медосмотр, отыскивая вшей в головах пяти- и шестилетних ребятишек. Я ужаснулся, увидев, как сильно она изменилась менее чем за три недели. Она похудела, кожа приобрела странный желтоватый оттенок, а под глазами появились темные круги.

Я ругал себя за то, что привез ее сюда и, более того, оставил здесь одну. Отсюда, из Берлина, я хотел отвезти драгоценный груз Библий в Югославию, для церкви в Белграде, в которой было всего семь экземпляров Писания на весь приход. По прошлому опыту я знал, что лучше обратиться за визой в консульство в Берлине, чем в Гааге.

Но теперь, когда я смотрел на осунувшееся лицо моей молодой жены и ее усталые глаза, я понял, что поездка в Югославия послужит и второй цели. Там Корри сможет забыть ужасы лагерей, это прекрасная земля — лучшая из всего, что я видел. Поэтому я отвез оба наших паспорта в югославское консульство и оставшиеся дни провел в поисках Библий.

Корри опять спорила. В лагерях было столько работы, что ей нечего делать в Югославии — говорила она, как и раньше. Но на этот раз я настоял из-за ее здоровья, и мы впервые отправились за Железный занавес вместе.

Если бы не все ухудшавшееся самочувствие Корри, поездка была бы прекрасной. На этот раз таможенники на границе едва взглянули на наш багаж. Они сразу поняли, что мы молодожены, посоветовали посетить курорт на океане и подсказали хорошую дорогу. Тогда же я сделал открытие, полезное для будущих контрабандистских вылазок: путешествующие мужчина и женщина выглядят естественно и вызывают намного меньше подозрений, чем мужчина, разъезжающий один.

Джамиль и Никола приветствовали нас со слезами радости. Когда мы, прибывая в очередную церковь, вытаскивали из машины новые Библии, люди не верили своим глазам. Всем нужно было познакомиться с Корри; женщины обнимали ее, а мужчины хлопали меня по плечу.

Шесть дней дела шли как нельзя лучше. Никола опять был моим переводчиком, несмотря на штраф и предупреждение, которые он получил после моего предыдущего приезда. Я поделился с югославскими церквями своим видением, которое было мне дано в Восточной Германии. В моем видении церкви за Железным занавесом не отступали, а наступали.

Но затем, на седьмой день, когда мы обедали в доме друзей в городе неподалеку от Сававехо, пришла полиция. Это произошло настолько внезапно, что в

какой-то момент я не понял, зачем они появились. Мы сидели вокруг обеденного стола и ели рис и баранину — все, кроме Корри, которая чувствовала себя неважно и пошла прилечь, когда вдруг в дверь постучали и в дом вошли два полицейских в серой форме.

«Вы пойдете с нами», — сказали они.

«С вами? Куда?»

«Не разговаривать! Оставьте еду. Идите за нами».

Я посмотрел на друзей, сидевших за столом с поднятыми вилками и открытыми в страхе ртами. В дверях появилась Корри, бледная и растрепанная.

«Она с вами?»

«Да».

«Она пойдет тоже».

Очень скоро выяснилось, что полиция знала все о моем предыдущем приезде в Югославию. Они были достаточно вежливы, но информировали нас о том, что нам немедленно придется покинуть страну. Моя виза была аннулирована. Возобновить ее нельзя. Пожалуйста, предъявите свои паспорта.

С большой неохотой я отдал паспорт, потому что не хотел, чтобы в нем появился штамп, который может вызвать подозрение в других консульствах. Офицеры внимательно исследовали мои документы, сверили их с каким-то своими бумагами и на моей визе поставили

огромную красную печать. Теперь в Югославии я был *persona non grata*¹.

Корри, чувствовавшая себя плохо физически, была потрясена арестом. «Андрей, я так испугалась! — повторяла она всю дорогу, пока мы ехали через Австрию в Германию. — Но эти люди были так вежливы!»

Мы хотели остановиться в Берлине только для того, чтобы забрать с собой двух беженцев, чей переезд в Голландию мы финансировали. Но я стремился быстрее отвезти Корри домой, к врачу. С ней происходило что-то неладное, дело было не только в усталости и напряжении. Все чаще мне приходилось останавливать машину и давать ей возможность полежать во весь рост, пока не пройдет тошнота.

Но когда мы приехали в Берлин, меня ждал сюрприз. Поняв, что югославское консульство в Берлине более снисходительно, чем в Голландии, я обошел здесь консульства тех стран, которые хотел посетить, и всюду подал заявления. Теперь по возвращении меня ждало не одно, а два письма. Болгария и Румыния рассмотрели мои заявления и сообщали, что мне следует появиться в их берлинских представительствах, где я смогу получить документы на въезд.

Болгария и Румыния! Насколько я знал, в этих двух странах христиан преследовали больше всего. Наконец

¹ Человек, присутствие которого в данной стране официально объявлено нежелательным.

рука Божья широко распахнула двери во внутренний круг.

Но Корри нужно было отвезти домой. Кроме того, необходимо было разрешить вопрос с красным штампом в моем паспорте. Естественно, что другие правительства захотят узнать, почему меня выставили из Югославии.

Поэтому я не поехал в консульства, а отправился домой в Витте. Корри сразу легла в постель, а я позвал доктора. Он пробыл у нее долго, и все это время я сидел с несчастным видом на стремянке снаружи.

Наконец врач вышел, осторожно спускаясь по лестнице. «Ваша жена в полном порядке, — сказал он, достигнув твердой земли, — я дал ей кое-какие таблетки от тошноты, и теперь ей нужно будет прийти ко мне через месяц».

«Но что с ней?» — спросил я с беспокойством.

«Что с ней?» — наконец он увидел, что я ничего не понимаю. Легким театральным жестом он снял с головы шляпу и поклонился: «Поздравляю вас! Вы собираетесь стать отцом».

«Но ради Бога, — добавил он, надевая шляпу, — перестаньте таскать девочку по всей Европе и дайте ей возможность отдохнуть».

«И вот еще что, — сказал он, подходя к маленькому мостику, — избавьтесь от этих мешков с одеждой там, наверху! Она готовится стать матерью, а не альпинисткой!»

Мы вернулись из Берлина и Югославии в ноябре, а ребенок должен был появиться в июне. К январю Корри почувствовала себя настолько хорошо, что я начал всерьез подумывать о поездке во внутренний круг — конечно, один, при условии, что Корри останется под присмотром бдительного ока Гелтье. Если побыть в каждой из этих стран по три-четыре недели, я мог вернуться задолго до рождения ребенка.

Но нужно было решить вопрос с паспортом. Что мне делать с испорченной страницей? Вырвать? Это было невозможно, поскольку все они были пронумерованы. Выбросить его, сказав, что потерял, и подать заявление на новый? Но это было не по-царски. Служителям Царя нет необходимости изворачиваться.

Я поехал в Гаагу, в отдел паспортного контроля, и поделился с офицером своей проблемой. Он понял меня. «Весьма сожалею, — сказал он, — но мы ничего сделать не можем».

«Видите ли, — сказал я, — я миссионер. Я хочу поехать в эти страны, чтобы наладить там контакты с христианами».

Он на минутку задумался. Затем покачал головой. «Я даже не могу намекнуть вам на то, каким образом можно быстро получить новый паспорт. Например, много ездить по близлежащим странам и настаивать, чтобы таможенники обязательно ставили вам свою печать, и тогда в вашем паспорте очень скоро не будет места и его придется заменить на новый. Мы не можем даже намекнуть вам на это, понимаете? Очень сожалею».

Буквально через несколько недель я получил новый паспорт.

Корри не хотела отпускать меня. Она все еще не оправилась от шока, который испытала во время нашего ареста в Югославии. Но когда из Британского международного библейского общества в Лондоне пришел груз болгарских и румынских Библий, она сама помогла мне уложить их в машину. «Дело есть дело, — сказала она, — в конце концов, я согласилась быть женой миссионера».

Когда наступил день разлуки, мы уже не чувствовали себя так храбро. Мы заполнили оставшееся место в «Фольксвагене» одеждой для беженцев в лагерях Австрии, мимо которых мне придется проезжать, перенесли тюки с одеждой по приказу доктора из нашей комнаты в крошечный коридор, где они теперь отравляли жизнь всем обитателям дома.

«Болгария и Румыния, — мягко сказала Корри, — это не Югославия! Если тебя арестуют в этих странах, я, может быть, больше никогда не увижу тебя. Но *мы* будем ждать тебя, Андрей, твой малыш и я».

Конечно, я старался подбодрить ее, но сам чувствовал себя невесело. Я сел в тяжело нагруженную машину и завел мотор.

«Ты взял деньги?» — спросила Корри.

Я пощупал свой бумажник. Впервые в жизни я ехал с более чем достаточным количеством денег. Не понимаю, почему за последнее время от читателей «*Kracht van Omhoog*» пришло так много пожертвований. Я совсем мало потратился на дорогу, потому что везде,

где это было возможно, спал в палатке и сам готовил себе еду. Я попытался оставить лишние деньги Корри, но, словно предвидя дальнейшие события, она настояла на том, чтобы я взял с собой все. Да, деньги были со мной.

И с последним поцелуем мы расстались.

Когда я выехал из австрийского лагеря, меня немного смущал тот факт, что так скоро после моего изгнания мне приходится ехать через Югославию. Но в Болгарию иного пути не было. Другой путь превратил бы мою поездку в длительное и дорогостоящее путешествие по всей Италии, оттуда пароходом в Грецию, а затем на машине через Греческую Македонию. Как я понял, новую визу получить было совсем нетрудно: с документами в Югославии обращались крайне небрежно, и тот факт, что я был *persona non grata*, еще не был известен в западных консульствах. Я полагал, что единственным местом, где у меня могут возникнуть неприятности, будет сама граница.

С отчаянно бьющимся сердцем я подъехал к пограничной линии. Но чиновник едва взглянул на мой паспорт. Мы поболтали немного о состоянии дорог, и через двадцать минут я был свободен.

По моим подсчетам, у меня было четыре вольных дня в Югославии, прежде чем информация

о нежелательном посетителе дойдет до официальных лиц в Белграде. Я заехал ненадолго к Джамилю и затем быстро помчался на юго-восток, намереваясь пересечь границу с Болгарией утром

пятого дня. Но, как всегда в Югославии, мне так много нужно было сделать! Джамиль снабдил меня большим количеством адресов по пути следования, так что работы хватило бы на месяц. От властей не было ни звука. Я решил пользоваться своей удачей все 24 часа.

На пятый день, уже далеко за полночь, я поселился в гостинице, оставил свой паспорт у администратора и поднялся к себе в номер. Я проспал, может быть, пять часов, когда в дверь резко постучали. Я открыл и увидел в коридоре двух человек в обычных гражданских костюмах.

«Оденьтесь и следуйте за нами, — сказали они по-немецки, держа дверь открытой, — ничего с собой не берите».

Они не спускали с меня глаз, пока я натягивал брюки и рубашку. Мы прошли вестибюль, в котором в этот предрассветный час никого не было, кроме женщины, мывшей лестницу, а потом — еще несколько сот ярдов до большого каменного здания. Преодолев длинный мраморный коридор, где наши шаги эхом отдавались в гулком пустом пространстве, мы наконец попали в офис.

Человек за столом держал в руках мой паспорт.

«Зачем вы приехали? — спросил он. — Зачем вы снова приехали в Югославию?» Он не стал дожидаться ответа и продолжил, повышая голос: «Как вы поменяли паспорт? Значит, в Голландии конспираторы и нарушители закона легко могут сделать это?»

Он потянулся к столу, и я с огорчением увидел, что он взял огромный штемпель с красной краской. Он

трижды шлепнул этой печатью по югославской визе и только после этого успокоился.

«В течение двадцати четырех часов вы должны покинуть страну, — сказал он. — В Югославии больше ни с кем не устанавливайте контактов. Мы позвоним на границу в Триесте, чтобы вас там ждали».

В Триесте! Неужели он будет настаивать на этом? Триест был городом в северо-западной части страны, прямо там, откуда я приехал, а отсюда я был всего в пятидесяти милях от болгарской границы.

«Но я еду в Болгарию! — взмолился я. — Можно мне выехать отсюда? Здесь намного ближе!»

Но он был непреклонен. Он сказал Триест — значит, Триест, и как можно быстрее.

С упавшим сердцем я отправился в Триест, а оттуда в долгий, кружной путь через Италию и Грецию: на полторы тысячи миль дальше, в то время как я был уже почти у цели.

Пока я тащился через длинный итальянский «сапог», на меня навалилась депрессия, какой никогда раньше не случалось. Дороги были ужасающими: бесконечная вереница городков, вытянувшихся вдоль побережья, — грузовики, велосипеды, повозки, запряженные лошадьми, — приходилось плестись еле-еле.

Наступило 31 марта, день рождения Корри. Я послал ей телеграмму, но, вместо того чтобы почувствовать радость, я вспомнил, как далеко мы были друг от друга. Ее первый день рождения со времени нашей свадьбы, а я здесь, и еще не выехал из Италии, и

еще дальше от цели как никогда раньше, и с каждой минутой все больше удаляюсь от дома. А если что-нибудь случится? Если в Болгарии тоже будут проблемы с полицией? А вдруг я не успею вернуться к рождению ребенка? Теперь по крайней мере я понял, зачем мне столько денег: они очень пригодились мне в этом долгом путешествии.

Но что самое скверное, в моем паспорте опять стоял этот вызывающий подозрение красный штампель.

Затем, когда хуже, казалось, уже быть не может, у меня разболелась спина. В течение трех или четырех лет у меня были проблемы со смещенным диском в позвоночнике. Особенно он беспокоил меня тогда, когда мне приходилось преодолевать большие расстояния. И на полпути, в Италии, вновь началась эта мука, хуже, чем когда-либо. К тому времени, когда я доехал до Бриндизи, откуда отплывал корабль в Грецию, я был буквально согнут пополам и передвигался весьма странным образом, на цыпочках.

У меня не было времени на остановку, чтобы подлечиться. Поэтому люди глазели на меня. Когда в Греции машину сняли с корабля, мне не стало лучше, и через пару дней на греческих дорогах я буквально кричал от боли. Если в Италии невозможно было ехать быстро из-за бесконечных пробок, то в Греции мой путь тормозили разбитые и ухабистые трассы. Я не мог прочитать дорожные знаки, не понимая их незнакомого написания, и часто кружил по нескольку миль, после чего обнаруживал, что повернул неправильно, и начинал все сначала.

И все это время коварная депрессия не покидала меня. «Ну, что, Андрей, — шептал мне внутренний голос, — ты попался С тобой разделались. Вышвырнули из страны А могли и в тюрьму посадить. На сколько, Андрей? На пять лет? Десять? Это ты узнаешь в Болгарии. Там тоже сажают. Иногда узники вообще не выходят на свободу И даже писем писать не могут. Корри никогда не узнает»

И так час за часом, день за днем, пока нервы у меня не истощились до предела. Затем я получил последний удар. В греческом городе Серраи я узнал, что граница, к которой я направлялся, открыта только для дипломатов. Для обычных путешественников попасть в Болгарию через Грецию было невозможно. Единственный вариант — ехать через Турцию, дольше на много миль и дней.

На следующее утро после этого открытия я трясся по каменистой дороге, смутно представляя свой дальнейший путь, когда вдруг впереди увидел маленький синий знак. Сверху название было написано по-гречески, но внизу — латинскими буквами. Там было написано одно-единственное слово:

ФИЛИППЫ

Я резко затормозил машину. Филиппы? Те самые Филиппы, о которых говорится в Библии? Тот самый город, в котором Павел и Сила сидели в темнице — куда Бог послал землетрясение, чтобы открыть для них двери?

Конечно! Это то самое место! Я вышел из машины и через высокую и тонкую решетку смотрел на поле руин.

Там были старые улицы и то, что осталось от храма. Дома, выстроившиеся в ряд, от которых теперь сохранились только стены. Неужели один из этих домов — дом Лидии, где останавливался Павел?

В ограде была калитка, но она оказалась заперта, а вокруг никого не было. Над этим местом нависла тишина, современный город Филиппы лежал в двух милях к северо-западу.

Но нет, звуки были. Это Павел кричал через века: «Христианин! Где твоя вера?»

Павел сидел здесь в темнице, как и я, но моей темницей была боль и разочарование. Павел и Сила делали то же, что и я, проповедуя Евангелие там, где это не позволялось. Бог сотворил чудо, чтобы вызволить Своих людей тогда, и в то же мгновение я понял, что Он опять совершает еще одно чудо, чтобы освободить меня от моих оков.

Узы депрессии, связывавшие меня, исчезли, как цепи с рук Павла. Дух угнетения покинул меня, и я увидел, что стою с прямой спиной, высоко подняв голову. Радость переполняла меня, физическая и духовная.

Я буквально побежал к машине, останавливаясь то тут, то там и высоко подпрыгивая. Я завел мотор и поехал на встречу с неизвестными верующими внутреннего круга.

Глава четырнадцатая

Авраам — победитель ИСПОЛИНОВ

После всех моих страданий пересечение турецко-болгарской границы стало для меня приятным сюрпризом. Инспектор едва заглянул внутрь машины и даже не попросил меня открыть чемоданы. Он поставил дату въезда на болгарской визе, но не стал пролистывать другие страницы паспорта. Затем произнес на английском языке небольшую приветственную речь.

Но что важнее, после турецких дорог, которые были ужасными, как и греческие, болгарские трассы были новыми, и за ними хорошо следили. Меня повсюду приветствовали так же радушно, как на границе. Дети радостно кричали и долго бежали за машиной. Работавшие в полях люди поднимали головы, улыбались и махали руками, чего я нигде в Европе не видел.

Однако в Болгарии были хороши только главные дороги. В первый же вечер в поисках ночлега я свернул на маленькую тропку в горном районе. Я нашел уединенное место и утром потратил некоторое время, чтобы вытащить Библии из тайников, в которых я их прятал. Затем я перепрыгнул румынские Библии, съехал

с горы, скользя по гравию и стремясь снова попасть на хорошее шоссе.

Но вместо этого я оказался на извилистой дороге, которая привела меня на задворки какой-то деревни. На каждом шагу дорога становилась все более непроходимой. Я переехал маленький ручеек и через пару минут совсем застрял.

Так я и сидел, безнадежно увязнув в грязи позади какой-то затерянной деревушки. Что делать? Не успел я задать себе этот вопрос, как вдруг услышал громкоголосое пение. Оно доносилось из здания на самом краю деревни. Я открыл дверь машины и выскочил. Когда грязь дошла до щиколоток, я перестал обращать на нее внимание. Я шел через это месиво, пока не добрался до дверей дома.

Это была пивнушка, и хотя было всего десять часов утра, голоса были уже пьяненькие. Я вошел внутрь, и пение тут же прекратилось.

На меня смотрело двадцать лиц, явно удивленных при виде иностранца в деревне. Воздух был пропитан табачным дымом, более тяжелым, чем в западных пивных.

«Кто-нибудь говорит по-английски?» — спросил я. Никто не ответил. «По-немецки?» Нет. «По-голландски?»

«Ну, все равно, здравствуйте, — сказал я, улыбаясь и делая приветственное движение. Затем я стал жестами объяснять наблюдающим за мной круглолицым и кареглазым людям, что со мной случилось. Я стал

гудеть, изображая машину, застрявшую в грязи. Хм-ммм. Хм-ммм. Чух-чух-чух. Стоп.

Но не увидел никаких признаков понимания.

Я вытянул руки и стал крутить воображаемый руль машины.

«А! О!» — Человек за высокой деревянной стойкой понимающе кивнул головой. Через минуту он уже бежал с двумя кружками пива.

«Нет, нет, — сказал я, смеясь, — автомобиль. Машина. Х-м-ммм. Бр-р-ррр. Стоп». Я снял очки и посигналил. «Приехали!»

Наконец до нескольких человек дошло, и они поднялись с мест, наслаждаясь игрой и обмениваясь шутками со своими товарищами. Я чувствовал себя как массовик-затейник, развлекающий людей. Позади этой пивной стоял ответ на все мои вопросы — застрявший в грязи маленький «Фольксваген».

«А!» — они кивали головами, хлопали себя по ляжкам. Все ясно! Они были рады помочь. Одетые в высокие сапоги, они без колебаний залезли в грязь, показывая знаками, что мне нужно сесть за руль. Я завел мотор и, когда эти широкоплечие люди начали толкать машину, включил передачу, и в считанные минуты машина уже стояла перед пивной на главной дороге.

Я вылез и поблагодарил их, несколько обеспокоенный любопытством, которое вызвала у них моя машина и ее содержимое. Мне не хотелось, чтобы по округе разнеслась весть о голландце, везущем кучу

книг. Я быстро пожал одну огромную лапищу за другой и собрался двигаться дальше.

«Я искренне благодарю вас, — сказал я, — Голландия благодарит вас. Господь благодарит вас»

Но, пока я говорил, один человек держал меня за руку, не отпуская. Он буквально затащил меня с собой в пивную. Мы еще не дошли до стойки бара, когда я понял, что сейчас произойдет. Они собирались угостить меня пивом, хотел я того или нет.

Я не пил с той штормовой январской ночи, когда обратился к Богу. В моей жизни, однако, алкоголь всегда был разрушающей силой.

«Что мне делать, Господь?» — громко спросил я по-голландски. И вдруг понял, что мне нужно пойти и выпить и что своим отказом я покажу, что пренебрегаю их гостеприимством, а оно вместе с их добротой значило для Бога намного больше, чем соблюдение каких-то правил. Через двадцать минут, со слезящимися от крепкого, домашнего пива глазами, я еще раз пожал двадцать рук, посмеялся, пожелал им наискорейшего спасения в Господе и отправился в путь. Мне понадобилось сорок минут езды на большой скорости вниз по дороге, прежде чем колеса моей машины очистились наконец от налипшей на них грязи.

В ту последнюю ночь в Югославии, когда меня отправили обратно к границе, я встретился с человеком, чей близкий друг жил в Софии.

«Петрова считают святым, — сказал он мне, — хотите повидаться с ним?»

Конечно, я с радостью согласился. Я запомнил адрес Петрова и не стал записывать его на случай, если возникнут неприятности с властями. Теперь я стоял на горе, разглядывая с высоты Софию, и думал о том, как человек, которого я видел последним в Югославии, стал орудием Божиим, чтобы обеспечить мне первый контакт в другой стране.

София представляла собой прекрасное зрелище. Она лежала у моих ног, окруженная горами, и круглые купола ее православных церквей сияли в лучах предзакатного солнца. Но каким образом я смогу найти в этом огромном городе улицу, на которой жил Петров? Мой югославский друг предупредил меня, что если я, иностранец, буду расспрашивать о нем людей, то это может ему повредить. Поэтому, поселившись в гостинице, первым делом я попросил карту города.

«Простите, сэръ, но все карты кончились. Попробуйте посмотреть в книжном магазине за углом».

Но и в магазине их не оказалось. Я вернулся в гостиницу и попросил служащего найти какую-нибудь карту. Он подозрительно посмотрел на меня.

«А зачет вам карта? — спросил он. — Иностранцам нельзя ходить где попало».

«О, — ответил я, — просто чтобы не заблудиться. Я хочу ориентироваться в городе, потому что не говорю по-болгарски».

Служащий, казалось, был удовлетворен. «Все, что у нас есть, — ответил он, — вот эта маленькая карта». У

него на столе под стеклом лежал нарисованный от руки план улиц. Но этот план никак не мог помочь мне: там были перечислены названия главных бульваров. Но когда я наклонился над картой, просто в ответ на его любезность, я увидел поразительную вещь. Картограф действительно указал только главные проспекты, но с одним очень важным исключением. Там была одна крошечная улочка, всего в нескольких кварталах отсюда, и ее название было дано на карте. Это была та самая улица, которую я искал! На плане не было ни одной другой маленькой улицы, чье название было бы упомянуто. Я опять испытал изумительное чувство, что эта поездка была давным-давно предопределена Господом.

Ранним утром следующего дня я покинул гостиницу и сразу направился на улицу, где жил Петров. Я нашел ее без труда именно там, где указывала карта. Теперь нужно было только отыскать номер его дома.

Когда я шел по улице, с противоположной стороны навстречу мне приближался человек. Мы столкнулись с ним лицом к лицу как раз тогда, когда я подошел к дому, который искал. Это был большой двухквартирный дом. Я повернул к подъезду, и незнакомец тоже!

Когда мы были уже у самых дверей, я на секунду взглянул в лицо этому человеку. И в то же мгновение произошло одно из обычных чудес христианской жизни: наши души узнали друг друга.

Не говоря ни слова, мы бок о бок поднялись по лестнице. В этом доме жили и другие семьи: если я

ошибся, будет очень неловко. Незнакомец дошел до своей квартиры, достал ключ и открыл дверь. Не колеблясь ни секунды, я вошел, и он тут же закрыл за мной. Мы стояли в темноте, глядя друг на друга.

«Я Андрей из Голландии», — сказал я по-английски.

«А я, — ответил он, — Петров».

Петров и его жена жили в одной-единственной комнате. Им было за шестьдесят пять, и государственные пенсии они тратили на оплату своей комнаты, покупку еды и иногда одежды. Первые несколько минут мы втроем провели на коленях, благодаря Бога за то, что Он свел нас вместе таким чудесным образом, так что мы не потеряли напрасно времени и почти не рисковали.

Затем мы стали разговаривать. «Я слышал, — сказал я, — что в Болгарии и Румынии отчаянно нуждаются в Библиях. Это правда?»

В ответ Петров повел меня к своему письменному столу. На нем стояла древняя пишущая машинка, в которую был заправлен лист, а рядом лежала Библия, открытая на Книге Исход.

«Три недели назад мне исключительно повезло, — сказал Петров, — мне удалось найти вот эту Библию». Он показал мне другой том на маленьком обеденном столе. «Я заплатил за нее совсем немного. Всего месячную пенсию. Ее продали так дешево, потому что из нее вырезаны Книги Бытие, Исход, Откровение и»

«Но почему?» — перебил я.

«Кто знает? Может, чтобы продать. Или сделать сигареты из тонкой бумаги».

«В любом случае, — продолжал Петров, — мне здорово повезло, что я нашел ее и что у меня были деньги на эту покупку. Теперь мне нужно восполнить недостающие книги, перепечатав их из моей собственной Библии, — и у меня будет еще один экземпляр полного Писания! За четыре недели я закончу эту работу!»

«И что вы сделаете со второй Библией?»

«О, отдам кому-нибудь».

«Маленькой церкви в Пловдиве, — сказала его жена, — там совсем нет Библий».

Я не был уверен, что понял правильно. Нет Библий во всей церкви?

«Да, — ответил Петров, — в нашей стране таких церквей много. То же самое в Румынии и в России. В прежние времена Библии были только у священников, а простые люди не могли их читать. Но со времени установления советской власти купить их просто невозможно. Не каждому так везет, как повезло мне».

Мое волнение возросло до предела. Я не мог дождаться момента, когда можно будет показать Петрову сокровище, которое лежало в моей машине.

В ту ночь я подъехал к его квартире, осмотрелся на улице, чтобы убедиться, что она пуста, и занес к нему домой первую из многих и многих коробок с Библиями, которые я привезу этому человеку за долгие годы. Петров с женой наблюдали, как я ставил коробку

на стол, и глаза их были полны искреннего любопытства.

«Что это?» — спросил Петров.

Я поднял крышку и вытащил две Библии, положив одну книгу в задрожавшие руки Петрова, а другую отдал его жене.

«А а в коробке?» — спросил Петров.

«Тоже Библии. И еще больше в машине».

Петров закрыл глаза. Его губы беззвучно шевелились. Он пытался сдержаться, но из-под прикрытых век выкатились две слезинки и упали на книгу, которую он держал в руках.

Мы с Петровым сразу же отправились в долгую поездку по Болгарии, доставляя Библии тем церквям, которые, как он знал, особенно в них нуждались. «Знаете, почему правительство запрещает распространение Библий? — спросил Петров, когда мы ехали по прекрасной сельской местности, засаженной розами, которые выращивались для парфюмерной промышленности. — Потому что текст Библии издается с сохранением старой орфографии. Этим они сдерживают прогресс в области образования, считает правительство. Привязывают людей к древнему написанию и произношению».

Видимая Церковь в Болгарии, объяснил он, была очищена от всех элементов, не согласных с новым режимом. Болгарская православная церковь — государственная церковь страны — теперь стала в той

или иной степени орудием правительства. Нынешний патриарх хвалил режим во всех своих выступлениях, прославляя Народную Республику Болгарию столько же, сколько и Царство Божие.

«Теперь у нас имеются фактически две церкви, — сказал Петров, — марионеточная церковь, которая послушно вторит государству, и подпольная церковь. Вы увидите одну из подпольных церквей сегодня вечером».

Это было мое первое богослужение в Болгарии. Мы, двенадцать человек, потратили более часа, чтобы собраться вместе, потому что нам пришлось идти не всем сразу, а по одному или по двое, чтобы никто не заподозрил, что здесь собирается группа.

Нам надо было выходить в половине восьмого. Мы прошли мимо нужного нам дома, случайно вместе оказались внутри, случайно вместе остановились на третьем этаже, быстро огляделись по сторонам и вошли в дверь без стука. Я сразу же вспомнил воскресные дни в Витте, когда все жители устремлялись в церковь.

Когда мы пришли, там уже было восемь человек, и еще двое подошли без пятнадцати и без пяти восемь. В комнате было очень темно. С потолка свисала одна тусклая лампочка, а окна были наглухо закрыты тяжелыми портьерами, чтобы с улицы ничего не было видно. Я подумал, может быть, эти люди слишком бедны, чтобы позволить себе ставни. Никто не разговаривал. Каждый вновь прибывший занимал свое место за столом, склонял голову и тихо молился за безопасность собрания. Ровно в восемь часов Петров

встал и заговорил тихим голосом, переводя для меня свои слова.

«Мы сегодня особо благословлены, к нам приехал с визитом брат из Голландии, — прошептал Петров. — Я попрошу его поделиться с вами посланием от Господа».

Петров сел, а я стал ждать пения гимна и только потом понял, что в этой подпольной церкви пение было невозможно. Я говорил минут двадцать, а затем кивнул Петрову. Он вскочил и дрожащими от волнения руками развернул пакет, который принес с собой, и вытащил оттуда Библию!

Забыв об осторожности, люди радостно восклицали, но затем притихли и прикрыли рты. Мужчины крепко, по-медвежьи, обнимали нас, а женщины прижимались лбом к плечу. Люди передавали Библию из рук в руки, нежно открывая и закрывая ее снова и снова.

Один человек на этом собрании особенно заинтриговал меня. Мы пробыли вместе столько, сколько было возможно, и затем расстались. Мы уходили по одному и по двое через определенные интервалы времени в течение часа. Последним с колен встал гигант с бородой как у патриарха, квадратным загорелым лицом и самыми добрыми, самыми простодушными голубыми глазами, какие я когда-либо видел. Это, сказал мне Петров, Авраам.

На собрании Авраам говорил мало, но в этом старике была такая детская невинность и чистота, которая ощущалась в нем без слов. Как и Петров, он

был в преклонном возрасте и уже не работал. Поэтому в течение нескольких лет они оба искали церкви, в которых было по две Библии, чтобы выпросить или купить одну и отдать ее той церкви, в которой не было ни одной.

Петров рассказал, что Авраам жил в палатке в Родопских горах. У него была пенсия от государства, равнявшаяся пяти долларам в неделю, и они с женой жили на эти деньги. Когда-то у него была земля, но он лишился ее из-за «подрывной» деятельности.

«Вам нужно будет навестить его, — сказал Петров, — тогда вы увидите, чем человек может пожертвовать во имя Бога». Он сказал, что большую часть года Авраам с женой питается дикими ягодами и фруктами и совсем немного — хлебом.

Петров назвал старика Авраамом — победителем исполинов, потому что тот всегда искал своего «Голиафа», какого-нибудь высокопоставленного члена партии или армейского чина, и начинал свидетельствовать ему. «Авраам всегда ищет нового Голиафа, — сказал Петров. — Он находит его, и затем начинается борьба. Очень часто Голиаф одерживает верх и Авраам заканчивает свой поединок тюрьмой. Но во многих случаях побеждает Авраам, и тогда в Христову Церковь приходит новая душа».

Прежде чем он ушел, я сходил к машине и принес Аврааму — победителю исполинов оставшиеся Библии на болгарском языке. Он знает, что с ними делать.

Авраам держал Библии так, как держат младенцев. Он не благодарил меня, но то, что он сказал, запало мне

в душу. Его голубые глаза впились в меня, когда Петров переводил мне его слова.

«Линия фронта длинная, брат. Здесь мы отступаем, а там продвигаемся вперед. Сегодня, Андрей из Голландии, мы сделали рывок вперед».

Все время, что я был в Болгарии, я посещал крошечные, незарегистрированные подпольные церкви. «Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти» — это повеление не переставало преследовать меня по ночам. Какие они были храбрые, этот остаток Церкви, насколько они не думали о себе и насколько были одиноки. В моей памяти особенно запечатлелись три служителя, с которыми я познакомился за эти недели, — Константин, Армин и Васил.

Константин просидел в тюрьме полтора года за крещение обращенных, которым не было двадцати одного года. Его только что освободили. Константин сказал, что в ночь после освобождения он тайно крестил двадцать семь подростков в реке за городом.

Армин знал, что в его церкви на Рождество были наблюдатели из полиции, поэтому он старался никак не нарушать запрета о евангелизации детей. Он обращался только ко взрослым, желая держаться подальше от политики. Но в какой-то момент он посмотрел на детей, сидевших под рождественской елкой, и спросил: «Вы знаете, почему мы делаем друг другу подарки в это время года? Потому что это символизирует самый великий Дар». За эти два предложения его вызвали в суд и запретили служить в церкви.

Васил был известен тем, что сотрудничал с тайной полицией. Однажды в воскресенье Петров повел меня на его собрание, чтобы я мог увидеть марионеточную церковь в действии. Со времени войны количество прихожан постоянно уменьшалось. Васил жаловался нам на это перед служением, когда вдруг, не меняя выражения своего лица, сказал мне: «Хотите провести здесь собрание сегодня вечером?»

Я не поверил своим ушам. Васил прекрасно знал, что проповедникам без разрешения нельзя проводить собрания. Что с ним случилось?

«Я я буду молиться об этом», — сказал я.

И все время службы я пылко молился. А может быть, это ловушка? А вдруг он придумал это вместе с полицией, чтобы выдворить меня из страны? И все же, насколько я понял, я получил совершенно ясный ответ, который буквально звенел во мне: «Иди!»

Перед окончанием собрания Васил объявил горстке присутствовавших людей, что брат из Голландии вечером проведет специальное служение. Он предложил прихожанам привести своих друзей.

В тот вечер мы все удивились, когда увидели, что в церкви собралось около двухсот человек. Собрание было чудесным. В конце, когда я произнес призыв к покаянию, вперед вышли десятки человек.

Тогда Васил снова удивил меня, сообщив, что этим вечером мы проведем еще одно собрание. Я радовался, как и Петров. Но мы не могли понять, что произошло с этим человеком, у которого была репутация марионетки.

В тот вечер церковь была забита до отказа. Все чувствовали присутствие Святого Духа. Десятки людей выразили желание последовать за Христом, несмотря на цену. И опять Васил пригласил всех прийти на следующий день.

В понедельник вечером в церкви собралось столько народу, что люди стояли в проходах. Но на этот раз Васил заметил среди прихожан нескольких друзей из тайной полиции. Мы провели собрание, но не стали вызывать людей вперед. Мы даже не стали просить их поднять руки, так как боялись, что их имена будут сразу записаны.

После собрания мы с Петровым и Василиом собрались вместе и стали думать, что делать дальше. Было очевидно, что больше собраний проводить нельзя. Но что будет с Василиом? Будет ли он наказан? Мне было ясно, что сам он не понимал своего поведения. Но что теперь произойдет? Что сделает полиция?

Со временем стало ясно, почему Христос прикоснулся Святым Духом именно к Василиу, а не к другому пастору. Потому что полиция вообще не стала ничего предпринимать. Ни в отношении меня, ни против Петрова и Василя. Васил был одним из наиболее ценных сотрудников полиции. Они решили, что то, что он делал, имело под собой какие-то основания. Вряд ли они могли его в чем-то заподозрить. Возможно, они подумали, что пламя угаснет само собой с отъездом голландского евангелиста.

Но и после моего отъезда это пламя не угасло. Та церковь, которую раньше периодически посещало около пятидесяти человек, стала живым приходом

почти в четыреста прихожан. Наконец, правительство попыталось затушить огонь. В ту осень Васил поехал в Швейцарию на операцию, которую долго откладывал, но когда он попытался вернуться на родину, его не пустили. На его место был выбран новый, «более надежный» священник, и за три года работы он успешно затушил это пламя, так что количество прихожан вернулось к изначальной цифре в пятьдесят человек. Но триста новообращенных покинули Стару Загору и рассыпались по всему Балканскому полуострову, как когда-то Иерусалимская церковь, и везде, где они появлялись, возгорались новые духовные очаги.

Конечно, тогда мы никак не могли предвидеть все последствия. Но с самого начала мы с Петровым поняли одно: никогда нельзя ни одну церковь называть марионеточной — ибо неважно, насколько она мертва, неважно, насколько раболепно она ведет себя по отношению к безбожным властям. Она называется Божьим именем, и на ней лежит рука Божья, и в любой момент Он может стряхнуть с нее все наносное очистительным дуновением Святого Духа.

До моего отъезда из Болгарии мы с Петровым съездили в Родопские горы в надежде найти Авраама. Мы не имели представления, где искать его палатку, мы знали только название деревеньки, рядом с которой он жил. Дорога внезапно кончилась у этой самой деревни, откуда уже не было никакого пути, и нам пришлось выйти. Мы стояли в нерешительности рядом с артезианским колодцем. Прямо над нами до самого

горизонта тянулся лес. Где искать Авраама в этих необозримых просторах?

Очередь у колодца смотрела на нас с любопытством. Первый человек, пивший воду, выпрямился и повернулся к нам лицом. Это был сам Авраам!

При виде нас его голубые глаза засияли, как лазурное небо в ясный полдень. В следующую секунду я очутился в мокрых объятиях этого огромного человека, а ледяная вода с его бороды окатила меня с головы до ног. Авраам был поражен больше нас этой неожиданной встречей, потому что, по его словам, он приходил в деревню только раз в четыре дня, чтобы купить хлеба. Он подхватил шесть плоских лепешек с каменной стены рядом с колодцем и повел нас в горы.

Снова и снова мы с Петровым просили этого 75-летнего старика остановиться, чтобы отдышаться. Он вернулся только неделю назад, рассказывал он нам, из поездки, во время которой распространял Библии, привезенные мной. Он очень подробно описал, как люди принимали их, и задыхающийся Петров обещал пересказать мне его рассказ, как только мы доберемся до места.

Нам понадобилось два часа, включая наши остановки, чтобы дойти до скалистой кромки, позади которой высилась стена согнутых ветром сосен. Мы стояли перед палаткой из козых шкур, где жил Авраам. Здесь он был еще более похож на библейского патриарха. Он пригласил нас в свое жилище. Из палатки на минутку вышла его жена, которая выглядела так, словно в их горное уединенное жилище гости

наведывались каждый день. Она была настолько крошечной, насколько большим был ее муж. Стройная, прямая, маленькая женщина с кожей словно высохший пергамент. И только глаза были живыми, голубыми, детскими и доверчивыми. Я смотрел на эту женщину, которая когда-то жила в доме с дорогими коврами, мебелью, тонким бельем и, вероятно, слугами, потому что родители ее были очень обеспеченными людьми, и подумал, что никогда в жизни не видел более довольного лица.

Она угостила нас ягодами, похожими на крошечную синюю ежевику, и диким медом. Мы поели совсем чуть-чуть, потому что не знали, много ли у них запасов, и очень скоро засобирались обратно, так как не хотели спускаться с гор ночью. Визит был короткий, как быстрый взгляд, но в эти мгновенья родилась дружба, которая стала оплотом моей жизни. Поездка в Болгарию воодушевила меня и наполнила глубокой любовью. Но в то же время оставила в душе горький осадок. Как раз когда я уезжал в Румынию, несколько людей, которые были на тех собраниях в церкви Василя, пришли попросить меня провести такую же кампанию в их городе.

«Мы ждали этого долгие годы, — молили они, — нам безразличны последствия. Мы хотим лишь исполнять волю Божию».

И мне пришлось смотреть в эти дорогие любящие лица и дать отрицательный ответ. Увы, я был один. Я не мог идти с ними и одновременно двигаться в том направлении, куда, как я чувствовал, звал меня Святой Дух.

«Мне бы хотелось быть десятью людьми, — сказал я им, — я был бы рад разделить на десятки частей, чтобы ответить на каждый зов. Когда-нибудь я найду способ, как это сделать».

Глава пятнадцатая

Теплица в саду

Мне понадобилось четыре часа, чтобы пересечь румынскую границу. Когда я подъехал к контрольному пункту на другой стороне Дуная, я сказал себе: «Ну, мне повезло. Всего полдесятка машин. Это быстро».

Когда прошло сорок минут, а первую машину все еще проверяли, я подумал: «Бедный парень, видимо, что-то не так, раз его так долго держат».

Но когда наконец эта машина уехала, а проверка следующей опять растянулась на полчаса, я начал беспокоиться. Буквально все, что везла эта семья, было разложено на земле. И все автомобили в ряду досматривались таким образом. Четвертая проверка затянулась на час. Таможенники увели водителя в здание и, пока он был там, сняли покрышки с колес, разобрали мотор и отодвинули сиденья.

«Дорогой Господь, — взмолился я, когда передо мной осталась всего лишь одна машина, — что мне делать? Любая серьезная проверка сразу выявит румынские Библии».

«Господь, — сказал я, — я знаю, что никакие мои уловки не помогут мне перейти границу. Я осмеливаюсь просить у Тебя чуда. Позволь мне вытащить несколько Библий и оставить их на видном

месте. Тогда, Господь, я не смогу полагаться на свою изобретательность и полностью доверюсь Тебе».

Пока последняя машина проходила тщательную проверку, я достал несколько Библий из укромных мест и положил их на сиденье рядом с собой.

Наступила моя очередь. Я подъехал к офицеру, стоявшему слева у дороги, вручил ему свои документы и собрался выйти. Но он уперся в дверь моей машины коленом, так что я вынужден был остаться внутри. Он посмотрел на мою фотографию в паспорте, написал что-то, сунул мне документы под нос и резко махнул рукой, разрешая ехать.

Все это длилось меньше тридцати секунд. Я завел мотор и двинул машину. Может быть, мне нужно отъехать в сторону, где они будут разбирать мой автомобиль на части? Или же конечно, нет я проехал вперед, готовый затормозить в любой момент. Но ничего не произошло. Я посмотрел в зеркало заднего обзора. Таможенник подзывал следующую машину для проверки, жестом приказывая водителю выйти. Я проехал еще несколько ярдов. Таможенник открывал капот машины. Но тогда я был уже достаточно далеко, чтобы сомневаться в том, что все позади.

Мое сердце бешено колотилось. Не от волнений, связанных с пересечением границы, но от того, что мельком увидел Бога за работой.

Когда я собирался в эту поездку, Болгария и Румыния в моем представлении мало чем отличались друг от друга. Но теперь, конечно, я знаю, что это

совершенно разные страны. Румыния среди государств, находящихся за Железным занавесом, была известна как «теплица атеизма». Она служила для России своего рода лабораторией, где ставились антирелигиозные эксперименты. Жесткий контроль государства над церковью, экономическое давление на верующих, стремление посеять недоверие среди религиозных лидеров, конфискация имущества, ограничение числа богослужений, запрет на евангелизацию. Меня предупредили о том, с чем я могу столкнуться в Румынии.

Едва переехав границу, я почувствовал ужесточение полицейского контроля. Казалось, в каждой деревне находится отделение полиции. Люди в форме останавливали каждого крестьянина, который въезжал в деревушку на велосипеде. Куда едет? С какой целью? Даже мне, туристу, путешествующему с «твердой валютой», приходилось отмечаться во всех городах, где я бывал, и ставить дату, когда я должен появиться на следующем контрольном пункте. Я убедился, насколько реальным был этот контроль, когда прибыл в очаровательный маленький городок в пятидесяти милях от Клузы и решил, поскольку было уже поздно, провести ночь там. Местные власти удивились моему намерению.

«Но, сэр, — сказали мне, посмотрев на мою карту туриста, — вам нужно к вечеру быть в Клузе. Вы еще успеете, если поторопитесь».

Не желая иметь неприятностей из-за такой мелочи, я сделал, как мне было велено. Я поторопился и приехал Клузу как раз в тот момент, когда ресторан при

гостинице закрывался. Мой стол был накрыт, на нем стояло дежурное блюдо, и из стакана в центре торчал маленький голландский флаг.

Однако внутри города я мог ездить свободно. Был воскресный день. В это яркое солнечное утро я проснулся рано, желая встретиться с христианами этой земли, подобной прекрасному саду. Администратор гостиницы посмотрел на меня с сомнением, когда я спросил о церкви. «Видите ли, у нас их немного, — сказал он, — кроме того, вы не говорите на нашем языке».

«Но разве вы не знаете? — ответил я. — Все христиане общаются на одном языке».

«Да? Что это за язык?»

«Он называется "агапе"».

«Агапе? Никогда не слышал о таком».

«Жаль, это самый прекрасный язык в мире. И все же, как мне пройти в церковь?»

Если главным оружием против церкви в Болгарии было требование обязательной регистрации, то в Румынии это была так называемая Консолидация. Объединение деноминаций, объединение церковного имущества, объединение времени богослужений. Если в церкви во время службы скамейки были пустыми, тогда этот приход объединяли с другим по соседству, а оставшуюся собственность государство забирало себе. В теории это выглядело разумно и даже казалось выгодным для Церкви: один большой, объединенный приход вместо нескольких маленьких, самостоятельно борющихся за выживание. Но на практике многие

прихожане закрытых таким образом церквей вообще прекращали посещать собрания. Большая часть из них была крестьянами, привязанными к своему прежнему храму, и походы в другую деревню были для них крайне затруднительны.

Каждую неделю разрешалось проводить по два собрания, одно в субботу, а другое в воскресенье. Но суббота была полным рабочим днем в Румынии, и по вечерам в субботу на собрания приходило мало народу, так что люди в основном собирались на единственное богослужение в воскресенье.

Но зато какое богослужение!

Я приехал в десять часов утра и обнаружил, что служба идет уже целый час. Мест не было, но люди увидели, что я иностранец, и пригласили сесть на возвышении. Мои колени были плотно прижаты к органу, и следующие три часа я просидел с группой христиан в самом центре внутреннего круга.

Когда пришла пора собирать пожертвования, я положил на тарелку примерно такую же сумму — в румынской валюте, — какую обычно клал дома. Тарелку поднесли ко мне первому, и на дне ее все увидели мои деньги.

Пожертвования продолжали собирать, и я с растущим смущением понял, что положил в двадцать или тридцать раз больше любого человека в собрании. И я заметил еще кое-что. Часто верующий клал монетку на тарелку, а оттуда брал сдачу. Я видел такое только в католических и православных церквях, где брали плату за место на скамье. Очевидно, мое

пожертвование было больше, чем та сумма, которую могло отдать подавляющее большинство этих людей. Может быть, деньги, оставленные мной на тарелке, представляли собой средний месячный заработок. Я почувствовал себя неловко, понимая, что выгляжу как богатый иностранец, но тут же улыбнулся, вспомнив, что мы всегда были самой бедной семьей в Витте. Но что было хуже всего, в конце гимна дежурный по залу, вместо того чтобы нести тарелку к алтарю, принес ее мне!

Он отдал тарелку мне в руки, сказав несколько слов по-румынски. Наконец я понял. Он предлагал мне взять сдачу. Так было принято. Что мне было делать? Взять сдачу, уступив обычаю, или все-таки дать церкви деньги?

Все глаза в собрании были обращены на меня, и вдруг я с великой радостью понял, что эти деньги вовсе не мои. «Это не мой дар», — начал я по-немецки, и, к счастью, среди прихожан объявился человек, который стал переводить. «Этот дар не от меня, — повторил я, вспоминая анонимные пожертвования читателей «*Kracht van Omhoog*». — Это от верующих Голландии для верующих Румынии. Это символ единства в Теле Христовом».

Я смотрел на лица людей и снова видел тот же недоверчивый вопрос, ту же пробуждающуюся надежду: значит, мы не одиноки? У нас есть братья в других странах? У нас есть друзья, которых мы раньше не знали?

Когда наконец это длинное собрание закончилось, я подошел к человеку, который знал немецкий, и сказал, что хочу поговорить с ним. Оказалось, что он служит секретарем одной румынской деноминации. Но было ясно, что он не горит желанием беседовать со мной наедине. Он давал уклончивые ответы и, как только представилась возможность, извинился и ушел.

Озадаченный, я вышел из церкви вслед за ним. Несмотря на свою тучность, он удалялся очень быстро. Может быть, он боится говорить со мной на публике, подумал я. Я шел за ним на некотором расстоянии, пока, к моей радости, он не повернул к частному дому.

Как мне повезло, подумал я. Теперь у меня будет возможность переговорить с ним с глазу на глаз.

Я поболтался на улице минут пятнадцать, пока не убедился, что вокруг никого нет, затем подошел и постучался. Какое-то время меня изучали в глазок, потом дверь быстро распахнулась и меня втащили в дом.

«Что вы хотите?» — спросил секретарь.

Я попытался дружелюбной улыбкой скрыть удивление, вызванное его резкостью. Я просто хотел с ним поговорить, сказал я. Спросить, могу ли я чем-нибудь помочь.

«Помочь?»

«Ну, Библии, например. У вас достаточно румынских Библий?»

Секретарь пристально посмотрел на меня. «У вас есть румынские Библии? Вы перевезли их через границу?»

«Да, у меня есть Библии».

Он помолчал. Затем решительно произнес: «Нам не нужны Библии! И больше никогда, ни при каких обстоятельствах не приходите ко мне или к другим верующим таким образом. Надеюсь, вы меня поняли».

Мне показалось, что я слышу крик о помощи сквозь всю эту подозрительность и резкость. «А можно повидаться с вами в вашем офисе? Это будет безопасно?»

«Дело не в безопасности, я этого не говорил». Затем он прибавил: «Но если вы завтра придете к нам в офис, я постараюсь, чтобы вы смогли поговорить с нашим руководителем».

На следующий день я пришел в штаб-квартиру этой деноминации, взяв с собой шесть Библий. Секретарь был там и выглядел смущенно. На лбу у него выступили капельки пота. Я не мог освободиться от ощущения, что он находится в ожидании чего-то ужасного.

Меня провели в кабинет руководителя. «Чем могу быть полезен?» — спросил он по-немецки.

Я пожал ему руку и сказал, что, может быть, могу чем-нибудь помочь. Но затем вспомнил предыдущий разговор с секретарем; я понял, что открытое признание своих нужд граничило для них с политическим заявлением. Поэтому я просто сказал, что приехал в страну как христианин и хотел бы

передать своим соотечественникам какие-нибудь приветствия от верующих Румынии.

Лицо руководителя смягчилось. Это было безопасно. Слово приветствия эксплуатируемому народу Голландии от народа великой республики Румынии! Секретарь улыбнулся и перестал тереть лоб.

«Не хотите ли сесть?» — спросил он, подвигая мне стул. Мы разговаривали четверть часа, старательно обходя те вопросы, ради которых я пришел. Мы говорили о румынских помидорах, самых больших из всех, какие я видел, об арбузах, которые я попробовал впервые в этой стране. Мы говорили о благоприятном и мягком здешнем климате, объясняящемся близостью Черного моря.

Пока мы беседовали, я смог осмотреть комнату. Меня поразило одно наблюдение. На всех стульях, столах и картинах на стенах были номера. Я подумал, что эта инвентаризация, наверное, нужна для того, чтобы имуществом не пользовались в личных целях.

После того как мы исчерпали тему погоды и местных помидоров, разговор прекратился. Глубоко вздохнув, я решил, что наступило время либо получить повторный отказ, либо наладить настоящий контакт с этими двумя перепуганными людьми.

Я открыл портфель и вытащил Библии. «Позвольте мне нет, я не то хотел сказать. Позвольте голландскому народу подарить румынскому народу эти Библии».

И сразу же оба моих собеседника напряглись. Удивительно, как быстро секретарь опять начал потеть. Руководитель взял одну Библию в руки, и на какую-то

долю секунды мне показалось, что он тронут и обрадован.

Но нет, он не собирался сдаваться. Он быстро отдал Библию обратно.

«Нам это не нужно, — сказал он. — Мы вообще слишком задержались. У меня очень много дел»

Итак, я ушел ни с чем. Администратор в приемной, как я заметил, вычеркнула мое имя в списке посетителей сразу же, как только я вышел из кабинета, словно она работала в военном учреждении. Кто знает, может быть, она сотрудничала с тайной полицией. Как я мог осуждать директора и секретаря за подозрительность и страх, когда сам никогда не бывал в подобных обстоятельствах?

И все же это не вся правда о Румынии. На следующей неделе я встретился с христианами, жившими в условиях тех же преследований, но сохранившими Божественную надежду и доверие.

Обстоятельства были очень похожими, и я мог сравнивать. В обоих случаях это была встреча с признанным лидером протестантской деноминации в его кабинете. В обоих случаях в разговоре участвовало два человека, кроме меня, и это важный элемент сравнения, потому что подозрительность среди христиан способствовала медленному изнурению Церкви.

И на этот раз я опять заметил инвентарные номера. На стенах кабинета висело три картины. На них были запечатлены президент страны, секретарь

коммунистической партии и аллегорическое изображение узкого и широкого пути кисти знаменитого художника. Интересно, подумал я, как в описи имущества названа эта картина?

Руководитель этой деноминации, Георге, несколько встревожил меня — как только вошел в комнату. Этот тщедушный маленький человек так запыхался от ходьбы, что несколько минут не мог отдышаться.

Когда же он пришел в себя, мы столкнулись с проблемой: ни он, ни секретарь не говорили на языках, которые знал я. Я же не говорил по-румынски. Мы сидели, глядя друг на друга, в этой убогой, завешенной пронумерованными картинами комнате и были совершенно не в состоянии общаться.

И тогда я увидел кое-что. На столе у Георге лежала сильно потрепанная Библия. От постоянного употребления углы страниц были стерты на восемь дюймов. А что, подумал я, если мы попытаемся поговорить, используя библейский текст? Я достал из кармана пиджака свою голландскую Библию и открыл ее на Первом послании к Коринфянам (16:20):

«Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием».

Я показал им название книги, узнаваемое на любом языке, главу и номер стиха.

Их лица тут же посветлели.

Они быстро нашли нужную страницу в своей Библии, прочитали и засияли улыбками. Затем Георге полистал страницы и показал мне выбранный им ответ.

Притчи (25:25): «Что холодная вода для истомленной жаждою души, то добрая весть из дальней страны».

Теперь мы уже смеялись втроем. Я открыл Послание Павла к Филимону.

«Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебе в молитвах моих, слыша о твоей любви и вере, которую имеешь к Господу Иисусу».

Потом наступила очередь Йона, но он не стал искать далеко. Его глаза пробежали по строчкам ниже, и он подтолкнул ко мне Библию, указав пальцем:

«Ибо мы имеем великую радость и утешение в любви твоей, потому что тобою, брат, успокоены сердца святых».

О, какие чудесные полчаса мы провели, разговаривая друг с другом с помощью Библии. Мы смеялись до тех пор, пока на глазах не выступили слезы. И когда в конце нашей беседы я вытащил румынские Библии, положил их на стол и показал жестами и мимикой, что, да, эти Библии я отдаю им, нет, (в ответ на руку в кармане и поднятые брови), это бесплатный подарок, они оба обнимали меня снова и снова.

В тот же день, когда наконец нашелся переводчик и наш разговор стал более приземленным, мы договорились с Йоном, что все Библии я отдам ему. Он лучше знает, как распределить их в этой стране.

Вечером, когда я вернулся в гостиницу, ко мне подошел администратор.

«Послушайте, — сказал он, — я посмотрел слово "агапе" в словаре. Такого языка нет. Это просто греческое слово, которое означает "любовь"».

«Вот именно, — сказал я, — и на этом языке я разговаривал сегодня весь день».

Языковой барьер был наконец преодолен. Следующие полторы недели я ездил по Румынии с отличным переводчиком, следуя указаниям, данным Георге и Ионом.

Я встречался с самыми разными настроениями — от крайнего уныния до крайнего воодушевления. Легко было сострадать тем, кто сдался. «Что мы можем сделать?» — это была такая естественная реакция. Многие хотели только одного — покинуть Румынию навсегда.

Но, как ни странно, чем более преданным был христианин, тем с большей готовностью он оставался на родине. В Трансильвании мы встретились с такой семьей. У этих христиан была птицеводческая ферма, которой они владели отчасти. Но государство обязывало их сдавать такое количество продукции, которое они не в состоянии были произвести. Им приходилось на рынке докупать яйца, чтобы дотянуть до нормы. Это происходило из года в год, и их экономическое положение было тяжелым.

«Почему же вы тогда остаетесь? Из-за своей фермы?» — спросил я у них. Фермер с женой поразились. «Конечно, нет, на самом деле мы не владеем фермой. Мы остаемся, потому что — он

огляделся вокруг, — потому что, если мы уедем, кто будет молиться за все это?»

Но я также встречал христиан, у которых не было такой уверенности. Я узнал об одной небольшой церкви вдалеке от проезжих дорог, среди прихожан которой были цыгане. Уже когда мы подъезжали к ней, я увидел, что она в беде. Во дворе росла высокая трава, несколько окон были разбиты, улья позади церкви опрокинуты. Мы с переводчиком зашли в здание за храмом, где жил пастор. Хозяина дома не было, но нас встретила его жена, и скоро мы ели мед настолько сладкий, что у меня заболели зубы.

Жена пастора рассказала, что ее муж уехал в Бухарест, чтобы представить свое дело центральному правительству. Местный партийный лидер потребовал конфискации церковного здания, заявив, что оно необходимо им под клуб.

Она вместе с мужем работала среди цыган почти тридцать лет. Я видел, как многие из них приходили маленькими группками, садились у своих фургонов всегда в сопровождении тощей лошади и пронзительно кричащих гусей. Недавно, сказала она, правительство наконец решило что-нибудь сделать для них и предложило им более высокооплачиваемую работу. Конечно, они с мужем обрадовались, они ждали этого много лет. Но им было поставлено условие: не брать на эту работу цыган, которые ходили в церковь.

«Поэтому, — сказала жена пастора, — мы попали под перекрестный огонь. Люди уходят из церкви, и

поскольку наш приход сокращается, у партии все больше доводов, чтобы забрать здание. Думаю, на следующий год нас здесь уже не будет».

И вдруг она заплакала беззвучно и тихо, только плечи вздрагивали. Я предложил втроем помолиться за ситуацию, о которой она рассказала нам. Мы склонили головы, и я помолился за нее и ее мужа, за цыган, за все отчаянное положение в этой маленькой деревне. Когда мы наконец подняли головы, ее глаза были мокрыми от слез, и она сказала: «Понимаете, раньше я знала, что люди на Западе молятся за нас, но в течение многих лет мы ничего не слышали о них. Мы не могли писать им письма, за тринадцать лет мы получили всего одно письмо. Мы решили, что нас забыли, что никто не вспоминает о нас, никто не знает о наших нуждах, никто не молится».

Я уверил ее от всего сердца, что, как только вернусь домой, о них узнает множество людей и что им больше не нужно думать, будто они несут свою тяжелую ношу в одиночестве.

Пришло время прощаться. Моя виза заканчивалась. Но что важнее всего, я знал, что Корри должна была вот-вот родить.

Последние часы в Румынии я провел с Георге и Йоном. Я собирался уехать в понедельник, а в воскресенье пошел к ним на богослужение. Эту службу я запомнил надолго. Я привык к собраниям с девяти до часу, но это продлилось с девяти утра до пяти вечера, после чего была организована общая трапеза.

Последнюю проповедь в тот день прочитал Георге. Она была очень личной: он говорил об одышке, которая мучила его в течение многих лет. «Но знаете ли, — сказал он, — после того как мы поговорили с братом Андреем с помощью Библии, что-то произошло не только с моим духом, но и с телом. С тех пор мне намного легче дышится».

Затем Георге открыл свою Библию. «Есть еще один стих, которым я хотел бы поделиться с братом Андреем, — сказал он мне через переводчика. — Открой, пожалуйста, Библию на Книге Деяний (20:36–38)».

Я нашел это место.

«Это, — сказал Георге, — отрывок, показывающий, каким образом я бы хотел с тобой попрощаться. "Сказав это, он преклонил колена свои и со всеми ими помолился. Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля"».

Я засмеялся, услышав, что он сравнивает меня с Павлом. «Слишком большая разница», — сказал я.

Но даже если мы, возможно, не так сильны верой, как первые христиане, мы все же можем последовать их примеру. После трапезы я преклонил колена и еще раз помолился вместе со всеми. И тогда эти христиане в центре коммунистического мира заплакали, и обнимали меня, и проводили до моего маленького голубого «корабля».

Глава шестнадцатая

Служение ширится

Наконец, после двух с лишним месяцев отсутствия, я пересек голландскую границу. Я не думал, что так задержусь, но пришлось сделать большой крюк по пути туда и обратно. Я приехал в Витте поздно ночью, измученный, но радостный. Я взлетел по лестнице с криком: «Корри, Корри, я вернулся!»

Корри заторопилась к дверям, счастливая, щурясь от света и щебеча, как птичка.

«Да, все прекрасно. Крыша протекает еще сильнее. С семьей все в порядке. Врач говорит, он появится в начале июня, но с первым ребенком всегда трудно определить время точно. Ты действительно не хочешь кофе?»

Йоппи появился 4 июня 1959 г. Он родился дома, как и я, и все это время я был рядом с Корри так же, как мой папа, который видел появление на свет каждого своего ребенка.

С появлением сына стало как никогда ясно, что нам нужен отдельный дом. Вот-вот должен был родиться третий ребенок Гелтье, а Корнелиус с женой ожидали своего первенца. Даже по голландским меркам наш маленький домик был тесен для такой семьи.

Вся проблема заключалась в том, где его искать. Даже в 1959 г. последствия войны еще чувствовались по всей Голландии. Жилье в нашей маленькой стране всегда было дефицитом, а с 1945 г. каждый кирпич шел на восстановление разрушенных или затопленных во время войны зданий. И хотя население Витте увеличивалось, с тридцатых годов в нашей деревне не было построено ни одного нового дома.

Я пришел на прием к бургомистру, чтобы узнать, нельзя ли арендовать какой-нибудь дом, но он только покачал головой.

«Я могу внести твое имя в список очередников, — ответил он, — но скажу сразу, эта очередь за последние три года не продвинулась ни на шаг».

«Ну, что ж, надо же с чего-то начать. Запишите нас, сэр».

«Если бы ты купил дом, тогда другое дело, конечно. Мы ведем список очередников только на аренду жилья».

«Спасибо за совет, сэр. Где же мне взять столько денег, чтобы купить дом!»

Бургомистр кивнул головой. «К тому же, — сказал он, — насколько я знаю, домов, выставленных на продажу, сейчас нет».

Лето было в разгаре; тюки с одеждой, которую продолжали присылать на наш адрес, заполнили всю маленькую комнатку над сараем. И тогда мы начали серьезно молиться, прося Бога помочь нам в этой ситуации. Так продолжалось целую неделю.

Утром восьмого дня у меня возникла идея. Я направился было к почте, но, перейдя канал, кое-что вспомнил. Учитель, который жил в доме старого Вима, теперь переезжал в Харлем. Значит, дом освободится!

Но нам от этого было не легче. Мы стояли самыми последними в очереди на аренду. Тем не менее я был поражен тем, как эта мысль пришла мне в голову: внезапно и властно, в той манере, которую я начал узнавать. Предположим все же, что эта идея принадлежит Богу. А вдруг Вим захочет продать дом? Он не живет в нем уже много лет. Но в тот момент я даже думать не хотел о двадцати тысячах гульденов, которые составляли стоимость этого дома. Я просто сделаю шаг вперед и посмотрю, что будет дальше.

Забыв о своих планах, я помчался через польдеры к ферме Вима. Он доил корову.

«Привет, Вим!»

«Привет, Андрей!» Вим сидел, склонив голову набок. «Слышал, ты много ездешь. Дела Божьи?»

«Да, сэр».

«Чем же могу служить?»

«Я слышал, твой дом скоро освободится. Ты не собираешься продавать его?»

У старого Вима буквально челюсть отвисла. «Откуда ты знаешь? — спросил он. — Я решил продать его только вчера вечером, но не говорил об этом ни одной живой душе!»

Я сделал глубокий вдох и пошел напролом: «В таком случае, не хочешь ли продать его мне?»

Вим долго смотрел на меня, не говоря ни слова. «Этот дом служил нам в течение многих лет, — сказал он наконец, — почему бы ему не послужить Божьему делу теперь, когда из нашей семьи почти никого не осталось».

И только тогда с бьющимся сердцем я спросил Вима о цене. «Ну, — сказал он, — ты сможешь заплатить десять тысяч?»

На этот раз удивился я. Он просил ровно половину той суммы, которую, по моим расчетам, должен был запросить. «Хорошо, Вим. Договорились. Я покупаю твой дом, — сказал я, хотя в кармане у меня не было ни пенни, — за десять тысяч гульденов».

Прежде чем вернуться домой, я позвонил Филиппу Уэтстра. Никогда раньше я не брал денег взаймы, но теперь мне казалось, что я поступаю правильно. Мистер Уэтстра сказал, чтобы на следующий день я пришел к нему в офис, где сразу смогу получить деньги.

Так, ко времени моего возвращения в маленькую комнатку над сараем мы с Корри уже были фактическими обладателями дома. Мы сразу же пошли посмотреть на него. До того момента я, наверное, не понимал, что значит для Корри жить не в своем доме. Она бегала из комнаты в комнату, планировала, представляла, как из полуразрушенного жилища сделает домашний очаг. «Анди, Йоппи будет жить вот здесь. Смотри, целая комната для одежды, а здесь мы поставим корыто для стирки! Ты видел комнату наверху, где как раз встанет твой письменный стол?» Она щебетала без умолку с горящим лицом, сияющими глазами, и я знал, что мы наконец обрели дом.

На следующий день я поехал в Амстердам и взял деньги. Мистер Уэтстра выдал мне эту сумму без всяких условий. Мы не подписывали никаких бумаг, не договаривались о сроках возврата. Я никому не говорил об этом займе. И в течение трех следующих лет ко мне приходило столько денег, превышающих наши нужды, что мы смогли за короткий срок погасить задолженность. Но как только мы расплатились за дом, поток избыточных денег прекратился и не возобновлялся до тех пор, пока опять не возникла потребность в дополнительных суммах. За эти годы я понял, что Божья забота никогда не подведет.

В голландском языке есть хорошее выражение для характеристики полуразрушенного жилища, похожего на то, куда переехали мы с Корри. О таком доме говорят, что он «износился». Осевшие полы, обвалившаяся штукатурка, подгнившая крыша — все эти несчастья были нам хорошо знакомы. Но нам с Корри он очень нравился. Когда мы подремонтировали его, он стал для нас абсолютно родным.

Единственной сухой комнатой, в которой можно было спать, была гостиная. Там мы и жили, потихоньку занимаясь ремонтом: штукатурили стены, красили и заменяли сгнившие доски — и конечно, разбили сад. Мы все делали сами, поэтому работа шла медленно. Только через пять лет этот дом полностью преобразился.

Тем временем работа ширилась. В первый год после рождения Йоппи я еще раз посетил те страны, куда мне разрешили вернуться, — а некоторые и не один раз. По мере роста объема работы, умножались и проблемы. Первой из них стал разбор корреспонденции. Каждый раз, когда я возвращался домой, вместо того чтобы взяться за молоток и малярную кисть, я поднимался в свой кабинет — Корри была права, письменный стол прекрасно уместился там — и проводил целые дни, печатая двумя пальцами на старой портативной машинке ответы на письма, сложенные большой стопкой. Я так и не мог добраться до ее конца, так как приносили новые и приходилось начинать все сначала.

Второй проблемой становилась необходимость анонимности. Когда я общался с людьми и называл им свое настоящее имя, не рисковал ли я свободой и возможностью приезжать в эту страну? Наконец, я нашел вариант, который до сих пор отчасти удовлетворяет всем требованиям. Я перестал называть свое полное имя, а вместо него стал представляться именем, которое известно христианам за Железным занавесом: «брат Андрей». Что касается адреса, я взял в аренду почтовый ящик в городе, где жил мой брат Бен. На этот адрес мне присылали письма с вопросами о работе (Brother Andrew, Box 47, Ermelo, Holland).

Это был компромисс: я знал, что любой, кто захочет узнать мое имя, легко получит эту информацию.

Но самой большой проблемой, с которой я столкнулся, были мои постоянные поездки. Путешествия для холостяка — совсем не то, что для семейного человека с ребенком. В первый год жизни

Йоппи я провел вне дома восемь месяцев. Первый зуб, первое слово, первые шаги — я слышал о них, но не видел. Вскоре после рождения Йоппи мистер Рингерс вновь пригласил меня работать на фабрике с зарплатой, показавшейся нам царской. В том же году мне предложили должность пастора в церкви Гааги. И оба раза это были серьезные искушения.

Но я долго не колебался. Когда желание остаться дома было особенно сильным, приходило письмо. Иногда оно было без обратного адреса или шло многие недели, и часто было видно, что его вскрывали. Его присылали верующие из Болгарии, или Венгрии, или Польши, или другой страны, и в нем рассказывалось о новых бедах, с которыми они сталкиваются, о новых нуждах, возникших в их жизни. О чем бы ни писалось в этих письмах, они всегда приходили в то время, когда были особенно нужны мне, и тогда я снова упаковывал чемоданы и шел получать визу в страну, где правили коммунисты.

В одной из таких поездок двигатель моего маленького автомобиля приказал долго жить.

Это произошло в Западной Германии. Я возвращался домой из поездки по Восточной Германии и Польше. Со мной в машине ехали два голландских парня, которых я подобрал в Берлине, студенты, на пасхальных каникулах работавшие в лагерях для беженцев. Однажды днем, в пять часов, в машине вдруг раздался какой-то треск и двигатель заглох.

Мы попытались снова завести мотор, но безуспешно.

Затем я увидел на обочине дороги, как раз рядом с тем местом, где остановилась машина, специальный телефон-автомат для вызова ремонтной бригады. Я снял трубку и попросил буксировочную машину. Через двадцать минут мы стояли, склонившись над мотором, вместе с хозяином ремонтного гаража.

Он молча обследовал все детали, затем прошел вперед и посмотрел на спидометр.

«Девяносто семь тысяч километров, — громко произнес он. У него был озадаченный вид. — Это очень хороший пробег, но, может быть, вы ездили по очень плохим дорогам»

Теперь я понял, что его беспокоило. Я признался, что спидометр уже давно просчитал максимальный пробег в 99,999 и опять начал отсчет с нуля: теперь он вторично показывал девяносто семь тысяч километров.

«В таком случае, — сказал хозяин, вытирая замасленные руки, — машина отработала вложенные в нее деньги. Этот мотор нужно менять».

«Сколько времени займет установка нового?»

Он остановился, чтобы подсчитать. «Моя команда может начать через десять минут. Они поставят вам новый мотор через час, но вам придется оплатить свертурочную работу».

«Сколько мне придется заплатить всего?»

«Пятьсот марок».

Без колебаний я сказал: «Хорошо. Я пойду, поменяю на вокзале валюту».

Я сел в автобус, ехавший на вокзал, подсчитал деньги и понял, что пятисот марок у меня не было. Два студента ничем не могли помочь мне, они и поехали-то со мной потому, что были без средств.

Может быть, вернуться и отменить заказ? Нет. Я отчетливо видел во всем этом руку Божью. Я остановился точно у телефонной будки, мотор поломался именно в Германии, на родине автомобиля, а не в каком-нибудь отдаленном месте, где заменить двигатель было бы невозможно. Я хорошо знал, как внимательно Христос относится к практической стороне служения, и не мог ошибиться во всех этих знамениях. Все произошло в Его время, и вопрос с деньгами тоже был в Его руке. Я не беспокоился, а просто приготовился увидеть, как Он разрешит эту проблему.

Когда я поменял свой последний гульден, у меня получилось — с немецкими деньгами в кармане — четыреста семьдесят марок. Из них пятьдесят мне нужно было оставить на бензин и дорогу домой.

«Ну, что ж, — сказал я, — что-то произойдет в автобусе на обратном пути».

Но в автобусе ничего не произошло. Я вернулся в гараж, когда двое рабочих как раз заканчивали установку двигателя, а двух моих пассажиров нигде не было видно. Они ушли прогуляться, сказал один из рабочих, складывая инструменты. Другие тоже стали собираться. Мне нужно было расплатиться с ними.

И в этот момент вбежали двое молодых голландцев; один из них держал что-то в руке. «Анди! — кричал он. — С нами случилась совершенно невероятная вещь! Мы просто шли по улице, когда к нам подошла женщина и спросила, не голландцы ли мы. Когда я ответил утвердительно, она дала мне эту банкноту! Она сказала, что Бог посылает это нам!»

Банкнота была в пятьдесят марок.

Но несмотря на этот опыт — и другие подобные случаи, происходившие почти ежедневно, — я все никак не мог привыкнуть к тому, что Бог дает мне больше, чем я прошу. Я все еще полагался на какое-то чудо, на вмешательство, которое избавит меня от какой-либо неприятности, вместо того чтобы просто довериться Отцу, Который всегда дает больше, чем достаточно.

Когда я вернулся домой, у меня появились новые статьи расходов, и самая большая — с рождением второго ребенка. Через год после рождения Йоппи в нашем доме появился Марк Петер. Мы стали покупать меньше мяса, питаюсь в основном овощами со своего огорода.

Это было не трудно, мы любили овощи. Но мы не понимали, что проблема заключается в нашем отношении к этой ситуации, в том, что мы приняли свое положение и согласились с ним.

Я осознал эту ошибку благодаря словам одной незнакомой женщины.

Однажды в нашем почтовом ящике в Эрмело я нашел довольно большой подарок, эквивалентный примерно сорока долларам. К чеку была приложена записка от дарительницы со словами: «Дорогой брат Андрей, это на ваши личные нужды. Это *не* должно пойти на работу! Используйте их во имя Христовой любви!»

Эти слова заставили меня задуматься. Время от времени мы получали личные подарки от друзей, но впервые совершенно незнакомый человек ставил такое условие. Вместо того чтобы положить ее письмо в стопку, — и тогда я ответил бы ей через три месяца, — я в тот же день написал ей благодарственное послание. Я сказал, что особенно благодарю за записку, потому что мы очень щепетильны в этом вопросе: все пожертвования идут на работу, если только на них нет особой пометки. Даже свою одежду, написал я, мы берем из мешков для беженцев, чтобы экономить деньги.

Я сожалею, что не сохранил то письмо, которое прислала нам эта дама. Она начала с напоминания о том, что «трудящийся достоин награды за труды свои» (Лк. 10:7). Неужели Бог менее заботится о своих служителях? Может быть, мне нужно проверить себя? Я утверждаю, что уповаю на Бога, а живу так, словно мои потребности могут быть удовлетворены собственной экономией? Помню заключительную часть ее письма. «Бог пошлет то, в чем нуждается ваша семья, и то, в чем нуждается ваше служение. Вы зрелый христианин, брат Андрей. Живите сообразно этому».

Я долго и молитвенно читал это письмо. Может быть, она права? Может быть, я действительно живу в атмосфере нужды, носящей нехристианский характер?

Примерно в то же время нас с Корри пригласили на обед. Нужно было ехать, а Корри все не выходила. Я поднялся в нашу комнату и застал ее в халате.

«Мне нечего надеть», — сказала она очень тихо.

Я засмеялся — женщины всегда так говорят.

Но потом я увидел в ее глазах слезы. Молча я стал перебирать в шкафу ее гардероб. Теплые платья. Еще приличные, по крайней мере, благодаря аккуратности Корри они выглядели прилично. Но почему-то среди одежды, которую она оставила себе из того, что присылали для беженцев, не было ни одной красивой вещи. Ничего женственного и радостного

И вдруг я понял, что это тоже относилось к нищенскому образу жизни, который мы приняли для себя. Наше отношение к финансовому обеспечению было мрачным, и мы мучительно урезывали себя во всем, а это никак не вязалось со щедрым сердцем Иисуса, о котором мы говорили другим.

И мы решили изменить свое отношение. Мы и теперь продолжаем жить бережливо, и так будет всегда, потому что нас так воспитывали и иначе мы просто не можем. Но в то же время мы учимся радоваться тем вещам, которые Бог дарует нам. Корри купила себе несколько платьев. Мы разрушили часть стены, и теперь ей не нужно обходным путем ходить на кухню.

Когда родился наш третий ребенок, Пауль Денис, ровно через год после второго, мы пошли в магазин и купили ему новую одежду. От того что наш сын провел свои первые дни на земле во всем новом, он ни капельки не стал хуже.

Забавно, как много времени нам понадобилось для того, чтобы понять простой факт — Бог действительно наш Отец, Которому одинаково не нравится как скупость, так и стяжательство.

Это был хороший урок. Я взглянул по-новому не только на личную жизнь, но и на свою работу.

В течение нескольких лет я работал один. Это означало путешествия по восемьдесят тысяч километров в год и долгую разлуку с домом. Я делал это, пока считал, что на то есть Божья воля. Но постепенно от этого стала страдать сама работа, потому что я физически не мог находиться в двух местах одновременно. Мне никогда не забыть тех людей в Болгарии, что просили меня приехать к ним в город как раз в тот момент, когда я уезжал из страны. Когда я наконец добрался до них через год, многое изменилось. Собрание, которое, по их мнению, могло изменить жизни многих людей, было уже невозможным.

Но предположим, только предположим, что у меня есть помощник, единомышленник, который путешествует вместе со мной! Предположим, нас двое трое десять человек! Один отправится туда, куда другой не сможет, можно ездить по очереди, по очереди проповедовать и даже писать письма!

Эти мысли стали преследовать меня днем и ночью. Это должна быть особая связь, особые отношения, и мы должны быть скорее организмом, а не организацией. Чем менее официально мы будем организованы, тем лучше, потому что в случае ареста не потянем за собой друг друга. Мы станем единой командой, состоящей из мужчин и женщин — почему бы и нет? — объединенных одной целью — нести надежду нуждающейся и гонимой Церкви. Каждый из нас будет первопроходцем и, может быть, будет держать в секрете свои методы работы, чтобы мы не стали повторять друг друга и не были легко узнаваемыми, а значит, и легко контролируруемыми.

Когда я поделился своей мечтой с Корри, она буквально закричала от радости.

«Честно говоря, Андрей, я, конечно же, не бескорыстно отреагировала. Ты понимаешь, что мы вчетвером сможем *видеть* тебя почаще?»

Она тут же пожалела о том, что сказала. Но я был рад услышать ее слова. Конечно, мои долгие командировки тяжело отражались на всей семье. Ведь я не видел, как росли Йоппи, Марк Петер и Пауль Денис, пока долгие месяцы меня не бывало дома. Конечно, если бы у меня были помощники, мне не приходилось бы отсутствовать так подолгу.

Но как мне найти подходящих людей? Дело не в том, что никто не хотел работать вместе со мной. Время от времени, и даже довольно часто, по окончании разговора три или четыре пылких молодых человека подходили ко мне и говорили: «Брат Андрей, мы хотели бы работать вместе вами за Железным

занавесом. Бог тоже призывает нас проповедовать Евангелие в этих странах». Другие были честнее. «Все это так здорово! — говорили они. — Мы готовы просто носить ваши чемоданы!»

Но я никогда не чувствовал желания продолжать такие разговоры. У меня не было какой-то разработанной системы пересечения границ, и я не мог поделиться какими-то методами с другими, что обеспечило бы их безопасность. Избежать трагедии мне помогали не изобретательность и не опыт, а только то, что каждое утро в каждой поездке я совершенно осознанно вручал себя в Божьи руки и пытался, насколько это было возможно, не предпринимать никаких шагов, не соответствующих Его воле. Но я не мог делать этого за других. Поэтому я, как правило, отвечал таким добровольцам: «Ну, что ж, если мы встретимся за Железным занавесом, то непременно поговорим на эту тему подробнее».

Больше я этих молодых людей не видел.

«Ты знаешь, — сказал я Корри однажды вечером, — если Бог хочет, чтобы мы расширили свою деятельность, Он уже подготовил людей. Но как мне их найти?»

«Попробуй помолиться».

Я засмеялся. В этом была вся Корри. И действительно, я сделал все, кроме одного — я не попросил Божьего водительства, чтобы найти нужного человека. И я помолился прямо на месте. И тут же мне в голову пришло имя.

Ханс Грубер.

Я встретил Ханса в Австрии, где он работал в лагере для беженцев. Он был голландцем, великаном в шесть футов и семь дюймов, массивным даже при таком росте и невероятно неуклюжим. Казалось, у него шесть локтей, десять больших пальцев и с дюжину коленок. Кроме того, он говорил на самом жутком немецком, который мне только приходилось слышать.

Все в Хансе, взятое отдельно, было нелепым. Однако в целом он представлял собой весьма гармоничную личность, обладающую удивительным внутренним единством. Он мог стоять где-нибудь на территории лагеря и час за часом держать пятьсот человек в напряжении только при помощи слов. Однажды я видел, как во время выступления Ханса, когда он говорил на своем несуразном немецком, начался дождь. Но никто из слушателей даже не взглянул на небо. Он умел найти общий язык даже с сорванцами в сиротском приюте. Двести сорок беспокойных детей наводили ужас на любого выступающего, приезжавшего в лагерь. А с Хансом они сидели как замороженные и после ходили за ним по всему лагерю, как ручные овечки.

В тот же вечер я написал Хансу письмо, в котором спрашивал, не чувствует ли он стремления нести проповедническое служение за Железным занавесом. Я сказал, что знаю, куда теперь лежит мой путь. Все газеты в течение многих недель постоянно писали о смягчении условий въезда в Россию для иностранных туристов. Теперь иностранцы могли путешествовать по стране Советов без гидов Интуриста. Я ждал этих новостей так долго! Наступила пора проникнуть в сердцевину коммунизма.

Скоро пришел ответ от Ханса. Он был в восторге. Мое предложение прозвучало для него как исполнение давнишнего пророчества. Когда он учился в шестом классе — дальше он учиться не стал, — он часто смотрел на карту России и испытывал странное ощущение. Словно слышал голос, который повторял: «Наступит день, когда ты будешь работать для Меня в этой стране».

«С тех пор, — писал Ханс, — я учил русский язык, чтобы быть готовым, когда наступит этот час. Теперь я хорошо знаю русский, почти так же, как немецкий. Когда поедем?»

После ответа Ханса наступил очень важный этап в моем служении. Теперь у меня был партнер, и через этот канал Христос удвоил объем работы.

Но до отъезда надо было сделать кое-какие вещи. В первую очередь нам была нужна другая машина. Даже поменяв мотор, мы не были уверены, что «Фольксваген» не сломается в пути. Что касается громоздкого Ханса, я не мог представить, как он поместится в мой маленький автомобиль. Поэтому мы купили новый фургон «Опель». Мы могли в нем спать, и, кроме того, в нем помещалось намного больше Библий.

Но самой сложной проблемой оказалось научить Ханса водить машину.

«Я никогда не смогу», — стонал он, когда в тысячный раз я показывал ему, как выжимать сцепление и переключать скорости. Я считал, что одним из преимуществ совместной работы будет

вождение автомобиля по очереди. Я знал, что Ханс не умеет водить машину, но полагал, что научить его будет очень легко. Через шесть часов после начала обучения я понял, что на это уйдет слишком много времени.

Наступил день отъезда, а у него не было водительских прав. Однако в большей части Западной Европы можно было ездить и без них, если рядом с новичком сидел опытный водитель. Мы решили отправиться

Итак, мы загрузили наш багаж, я обнял одного за другим моих мальчиков, поцеловал Корри, и мы тронулись. Несмотря на большой груз, «Опель» ехал легко. Кроме большого количества Библий, в машине находилось все походное спальное и кухонное снаряжение для двух человек. Из-за большого груза машину чуть покачивало, но я подумал, что нужно дать Хансу возможность попрактиковаться, пока мы не пересекли границу. Поэтому в Германии я передал руль ему.

Но скоро я поспешил обратно на водительское место. За нами на несколько миль выстроился целый хвост машин.

«Ну, что ж, прекрасно, Ханс. Ты немного медленно ведешь машину, но ничего. Опыт со временем придет».

«Я никогда не научусь. Я знаю».

«Чепуха. Ты бы видел меня, когда я впервые сел за руль». Чтобы развеселить его, я рассказал, как в армии взялся поставить на место тяжелый Брен. И мы прохохотали всю дорогу до Берлина.

Если Ханс плохо разбирался в технике, то в чем-то другом он намного превосходил меня. Например, в смелости. Друзья, с которыми мы встретились в Берлине, были в восторге от перспективы ввоза Библий в Советский Союз.

«В нашей церкви есть русские Библии, Андрей! Хочешь взять и их тоже?»

Я сомневался. Машина была до того перегружена, что это могло вызвать подозрения.

«Конечно, возьмем, — сказал Ханс. Затем он повернулся ко мне. — Если нас могут арестовать за ввоз Библий, то их количество уже не столь существенно».

Так мы втиснули еще больше книг. Когда мы выезжали, приехали еще одни друзья и привезли целую коробку украинских Библий. Я посмотрел на Ханса умоляюще, но понял, что и эта коробочка отправится с нами. Однако места действительно не было.

«Хорошо, — сказал Ханс, — ты мне рассказывал, что всегда оставляешь несколько Библий на виду, чтобы полностью положиться на Бога. Я повезу эту коробку у себя на коленях».

Наша транзитная виза позволяла нам провести в Польше семьдесят два часа. Со времени моего первого посещения Варшавы шесть лет назад здесь произошло много изменений. Мы проехали мимо школы, в которой я жил, и бараков, где я разговаривал с солдатами. Но развалины, где я видел маленькую девочку, были расчищены, и на их месте возник парк.

Я познакомил Ханса с друзьями как в Варшаве, так и в других городах по всей стране, и все три дня мы встречались с ними. Затем, в тридцати милях от границы Польши с Россией я вдруг понял, что допустил серьезную ошибку, поменяв в Варшаве слишком много денег.

«Ты знаешь, что я сделал! — сказал я Хансу. — Я поменял слишком много гульденов на злоты!»

«Разве нельзя на границе поменять их обратно?»

«Нет, Варшава — единственное место, где можно получить иностранную валюту. Но если мы вернемся, наша виза будет просрочена».

Мы ехали по сельской местности, и Ханс был за рулем. Он соглашался вести машину только в том случае, если навстречу не шли другие. Тогда, в 1961 г., в Польше это было возможно. Я сидел рядом с ним, пытаюсь сообразить, сколько денег у нас осталось и почему я так сглупил, когда вдруг увидел, что мы приближаемся к опасной зоне. Мост был разведен, и объездная дорога круто спускалась с шоссе вниз, пересекая реку по непрочному временному мостику, и потом резко поднималась вверх на противоположном берегу. Впереди нас медленно ползла польская «Варшава».

Я посмотрел на Ханса, чтобы увидеть, как он реагирует на эту ситуацию. На лбу у него выступил пот, он судорожно держался за руль, но в глазах его я прочел решимость. Хорошо! Я подумал: несколько таких суровых испытаний — и он обретет уверенность.

Ханс свернул с шоссе и поехал вниз по склону. К моей радости, он прекрасно контролировал машину. Он вел ее не быстрее и не тише. На своей обычной скорости в пятнадцать миль в час он спустился вниз и въехал на мост. Но прямо перед нами двигалась еще одна машина.

Я понял слишком поздно, что Ханс не собирается тормозить. Как в замедленном кино, он безжалостно врезался в зад «Варшавы».

Водитель выскочил из машины и стал что-то быстро говорить. Его широкое славянское лицо покраснело, кулаки были сжаты.

«Молись, пока я буду разговаривать с ним», — сказал я Хансу.

«Доброе утро, друг. Прекрасный день», — сказал я по-немецки. Мы вместе подошли к автомобилю, чтобы посмотреть, что было разбито. Благодаря черепашьей скорости Ханса, урон был нанесен небольшой: разбиты задние фонари и помято крыло. На нашем бампере и переднем крыле была вмятина.

«Полиция, — говорил человек. — Полиция. Полиция». Это немецкое слово он знал хорошо.

Этого допустить было нельзя! Мы находились в коммунистической стране с огромным количеством Библий, и Ханс ехал без водительского удостоверения.

И тогда я вспомнил про свой бумажник, набитый польскими злотыми. Может быть, поэтому Бог допустил этот глупый обмен? «Ну, что ж, — сказала я, — во сколько обойдется ремонт, как вы думаете?»

Лицо поляка не изменилось. «Полиция, полиция», — повторял он. Я приложил кусок стекла к разбитым фарам, показывая, что машина повреждена не так сильно.

«Шесть тысяч злотых?»

Человек все прекрасно понял. Его кулаки разжались, но он продолжал повторять одно единственное слово: «Полиция».

«Восемь тысяч злотых? Девять тысяч? Конечно же, ремонт не будет стоить больше девяти тысяч». Драматическим жестом я открыл бумажник и достал еще одну тысячную банкноту. «Десять тысяч злотых, это большая сумма», — сказал я, протягивая ему деньги.

Он взял их, побежал к своей машине и затем крикнул через плечо: «Нет полиции». Он завел свою «Варшаву» и уехал, оставив нас в облаке пыли.

«Дышать можно?» — спросил Ханс.

«Можно».

И там, в пыли на объездной дороге, мы возблагодарили Господа за то, что он позволил нам совершить одну ошибку, чтобы вытащить из другой.

Мы пересекали границу в Бресте. Когда ворота распахнулись, Ханс едва мог сдержать свои эмоции. Он настоял на том, чтобы говорить по-русски с таможенными чиновниками. Сомневаюсь, чтобы они поняли хотя бы слово, но им было очень приятно, что он старался говорить на их родном языке.

Должно быть, мы были одними из первых, кто въезжал без интуристовского гида. Инспекторам самим было интересно проверять наши документы и багаж, и им нравилось, что мы привезли с собой американские доллары.

«Россия и США обижают друг друга, — сказал один из таможенников по-английски, подмигивая нам, — но мы прощаем их за это». Он взял доллары. «Один рубль за один доллар. Это хорошо».

Наконец пришла пора проверять саму машину. Мы с Хансом заранее договорились о том, как будем действовать, и этим методом мы пользовались и позже, когда вместе пересекали границу. Пока один из нас общался с проверяющими, другой постоянно молился, чтобы во время проверки Божья воля исполнилась во всех мелочах. Он также молился за страну, в которую мы въезжали, начиная с чиновников на границе.

В тот раз таможенник попросил нас открыть пару чемоданов, но даже не заглянул внутрь. Зато ему очень интересно было увидеть мотор «Опеля». Он задал мне несколько технических вопросов и, почувствовав себя смущенным оттого, что проявил неподобающее любопытство, захлопнул капот. Он прошел с нами через маленький садик в здание таможни, поставил в паспорта печать и пожелал нам доброго пути.

Мы пересекли границу с Россией.

Глава семнадцатая

Первые впечатления от России

Ханс впервые попал в Россию, но я уже был здесь. В тот год, когда родился Марк Петер, вместе с группой из Голландии, Германии и Дании я побывал на Московском молодежном фестивале. Это было очень похоже на съезд коммунистической молодежи в Варшаве. В Москве мы пробыли всего две недели, и, конечно, программа нашего пребывания была подробно расписана. Тем не менее в качестве разведки эта поездка была исключительно ценной. Некоторые вещи произвели на меня особо сильное впечатление.

Теперь, когда мы с Хансом ехали по российским просторам, я стал вспоминать. Нам нужно было добраться из Бреста в Москву, покрыв расстояние в семьсот миль. Все это время я делился с Хансом воспоминаниями о моей предыдущей поездке.

Гостиница, в которой меня поселили, на самом деле представляла собой гигантские казармы. Она находилась в пригороде, в восьми милях от Москвы. В первый же свободный вечер я отправился гулять по поселку в поисках церкви.

Это была русская православная церквушка. Когда-то она была центром деревни и стояла перед единственным колодцем. Теперь она была почти полностью разрушена. Высокая трава поднялась там, где когда-то была тропинка. Окна были забиты досками. Рядом лежали груды ящиков, словно это здание использовалось под склад.

Я обошел церковь кругом и все искал крест, но не нашел. И затем, когда обходил ее во второй раз, я увидел то, чего никогда не забуду. Из щели входной двери выглядывал маленький букетик желтых свежих цветов!

Подойдя поближе, увидел сотни увядших цветов, лежащих на земле. По-видимому, эти букеты менялись регулярно. Я представил сельскую женщину, одетую во все черное, тайком пробирающуюся по ночам к церкви, чтобы с любовью почтить Божий храм.

В то воскресенье я отправился в единственную в Москве протестантскую церковь, которая продолжала действовать. Судя по тому, что я прочитал в голландской прессе, я предполагал увидеть маленький и деморализованный приход.

Сначала я усомнился, что попал по адресу. Чего ждали люди, выстроившиеся снаружи в длинную линию? Я тоже неуверенно встал в очередь, когда вдруг ко мне подошел человек и заговорил по-немецки.

«Вы пришли в церковь?»

«Так значит, это церковь?»

«Да, конечно. Пойдемте со мной. Для иностранных гостей у нас зарезервирован специальный балкон».

Мы вошли через маленькую дверь, оттуда вниз по коридору, а затем по стальным ступенькам поднялись на балкон. Там моим глазам впервые предстало зрелище, к которому я так привык за последующие годы: богослужение в Московской протестантской церкви. Зал был прямоугольным, узким и длинным, с двумя рядами балконов по обеим сторонам. Впереди находилось возвышение с местами для двенадцати человек. Там же стоял прекрасный орган, а восточную сторону украшало витражное стекло, на котором были написаны слова, переведенные моим новым другом как «Бог есть любовь». Церковь была рассчитана на тысячу человек, но в то утро в ней присутствовало не менее двух тысяч.

Ни разу раньше я не видел, чтобы в одном здании находилось так много людей. Все места были заняты. Люди стояли даже в проходах. Балконы тоже были переполнены.

Затем началось пение. Две тысячи сочных славянских голосов звучали удивительно слаженно. Они заглушали орган. Богатые, полнзвучные, мощные мужские голоса. Я закрыл глаза, и мне было легко представить, что я слышу небесный хор. Я был так растроган, что прослезился.

Когда наступило время сбора пожертвований, дежурные по залу не могли пробиться сквозь толпы людей, и деньги передавались вперед из рук в руки. После сбора денег начались проповеди. Да, именно проповеди. Их было две, каждая стандартной продолжительности, одна за другой.

Пока читались проповеди, казалось, некоторые члены прихода вели себя несколько странно. Они делали из бумаги самолетики и пускали их к первым рядам зала. С балконов в руки прихожан внизу тоже летели самолетики. Но никто не был встревожен или обеспокоен таким странным

поведением. Бумажки подбирали и передавали вперед, а человек, стоявший на возвышение складывал их в стопочки.

Наконец я не выдержал и повернулся к моему спутнику.

«Это молитвенные просьбы, — объяснил он мне, — пастор складывает их в две стопки. Одна — личные просьбы, а другая — от посетителей со всех концов Союза, которые хотят, чтобы эта церковь за них помолилась. Вы все увидите сами».

И действительно, как только второй пастор закончил проповедовать, он встал и поднял вверх первую стопку молитвенных просьб. Он прочитал названия церквей, которые послали сюда своих представителей, и спросил, как я понял из слов моего переводчика: «Мы рады принять наших гостей?»

«Аминь!»

«Мы будем молиться за них?»

«Аминь!»

«А эти просьбы? — он поднял две или три индивидуальные записки. — Будем молиться за эти нужды?»

«Аминь!»

«Тогда давайте молиться».

И без всяких дальнейших разговоров весь приход из двух тысяч человек начал одновременно громко молиться. Время от времени над гудящим морем голосов возвышался какой-нибудь один голос, ясный и умоляющий, и тогда остальные притихали до негромкого фона. Затем шум опять

увеличивался, пока кто-то один снова не начинал выражать мысли всех. Это тронуло меня до глубины души.

После богослужения было объявлено, что пасторы будут рады встретиться с гостями Молодежного фестиваля в вестибюле внизу, где постараются ответить на их вопросы. На это приглашение откликнулось примерно человек двенадцать. Вопросы задавались быстро, один за другим.

«Где находится другая ближайшая протестантская церковь?»

«В России много протестантских церквей. Есть и поблизости».

«Но как близко?»

«Сто восемьдесят километров».

«Есть ли в России свобода совести?»

«Да, у нас полная свобода».

«А как насчет пасторов, которых сажают в тюрьму?»

«Мы не знаем таких, кроме, пожалуй, тех, которые не согласны с политикой государства».

Затем я задал свой вопрос: «Как насчет Библий? У вас достаточно Библий?»

«У нас много Библий». В доказательство они пустили по комнате один экземпляр. «Это отличное новое издание, отпечатанное здесь, в России». Это было новостью для меня.

«Какой тираж?»

«О, большой. Очень большой».

Вопросы сыпались градом, вопросы и гладкие ответы, которые ни о чем не говорили. На следующий день, надеясь, что вдруг случайно смогу увидеть пастора наедине, я пришел к церкви. Был понедельник, но даже в утреннее время, в будний день это место было оживленным. Затем я узнал, что здание церкви также служит центральным представительством Союза баптистских церквей всего Советского Союза.

«Чем могу помочь?» — услышал я голос. Я повернулся и узнал лицо: один из тех, кто был на предыдущем собрании на возвышении и после отвечал на вопросы. Он представился Ивановым и пригласил меня пройти к нему в кабинет. Я не знал, как мне разговаривать с ним после его вчерашних заявлений. Может быть, сказать прямо, что я привез Библии, и посмотреть на его реакцию.

«Это подарок от баптистов Голландии баптистам России», — сказал я и положил на стол сверток в коричневой бумаге.

«Что это?»

«Библии».

«Русские Библии?»

«От Британского международного библейского общества».

Мне показалось, что он с трудом сохраняет спокойствие. «Можно посмотреть?»

Я развязал бечевку и показал ему стопку из трех Библий, которые привез с собой на поезде. Дело в том, что все восточно-европейские Библии были больших размеров. Русский алфавит, как и сербский, украинский и

македонский, основан на кириллице, которая занимает намного больший объем, чем латинская азбука. Десять или двенадцать английских или голландских Библий заняли бы столько же места. Но меня больше всего интересовала реакция пастора на этот маленький подарок. Совершенно очевидно, он едва сдерживал свои эмоции.

«Вы говорите, это подарок?»

«Да». Но затем я не сдержался и решил поддразнить его: «Но вы сказали, что у вас есть новое советское издание. Может быть, не стоило везти эти Библии?»

«Ну — пастор вспомнил свои ответы накануне, — дело в том, что большая часть этого издания была вывезена из страны. На Брюссельскую ярмарку, знаете ли».

«Понятно».

Затем, наклонившись вперед, он задал еще один вопрос: «Скажите, друг, зачем вы приехали в Россию?»

Я подумал, что, может быть, для человека, который ходит по лезвию ножа, в большей степени подойдет ответ, взятый из Писания. Я на секунду задумался, а потом сказал: «Вы помните то место в Библии, где говорится о том, как Иосиф пришел в Сихем? Один из жителей Сихема увидел его и задал ему вопрос. Вы помните, что он спросил?»

Пастор подумал. «Он спросил: "Чего ты ищешь?"»

«А что ответил Иосиф?»

«Он сказал: "Я ищущу братьев моих"».

«Ну, так вот, — сказал я, — это и мой ответ на ваш вопрос».

Глава восемнадцатая

В Россию с любовью

Ханс с огромным вниманием слушал мои воспоминания, иногда задавая вопросы. Когда я закончил свой рассказ, он вознес к Господу одну из своих прямолинейных и исполненных верой молитв, в которой просил привести нас опять к Иванову, поскольку контакт был уже налажен.

«Думаю, пора сделать перерыв, Анди, — добавил он, — я хочу выпить чашку кофе».

«Я тоже».

Впереди за живой изгородью мы увидели полянку и заехали туда, не заметив, что там уже стоял один автомобиль, а его пассажиры наслаждались пикником.

Мы остановились и вышли из машины. Мне показалось, что русские повели себя совершенно недружелюбно. Они смотрели на нас и говорили что-то недовольным тоном. Мужчина раздраженным жестом вылил полчашки чая в траву, а две женщины стали собирать в корзину тарелки, фрукты и недоеденный хлеб.

Мы все еще недоумевали, что бы это могло значить, когда вдруг услышали скрип тормозов на противоположной стороне дороги. Хлопнули дверцы автомашины. Буквально через мгновения перед нами

выросли два милиционера в форме. Они стояли на полянке, подбоченившись, быстро оглядывая обе группы. Затем один офицер пошел к нам, а другой — к русской машине.

«Как поживаете?» — сказал Ханс, радуясь возможности поговорить по-русски.

Офицер не ответил, и Ханс погрузился. «Он просто не хочет со мной разговаривать», — пожаловался Ханс, демонстративно отвернувшись от него с чашкой кофе. Однако, хорошо зная Ханса, я был уверен, что он страстно молится. Этому милиционеру нельзя даже заглянуть в нашу машину. Мы еще молились, когда вдруг офицер резко повернулся и присоединился к своему товарищу у другой машины. Там разгорелся жаркий спор, люди пожимали плечами, а потом стали разгружать свой автомобиль.

Мы наблюдали в течение двадцати минут, как эти бедные русские вытаскивали все, что у них было, и раскладывали на земле. Затем милиционеры осмотрели мотор, салон, не поленились даже заглянуть под машину. Мы понимали, что стали причиной этих неприятностей, но не знали, что делать. Поэтому просто размещивали свой кофе до тех пор, пока он совсем не остыл.

Через полчаса, увидев, что милиционеры даже не собираются смотреть в нашу сторону, мы решили потихонечку убраться оттуда. Поэтому мы выпили остывший и ставший невкусным кофе, убрали маленькую печку, производя как можно больше шума и хлопая дверями. Но офицеры не обращали на нас ни малейшего внимания. Мы медленно проехали через

изгородь и вернулись на шоссе, где стояла милицейская машина.

«В чем дело?» — спросил Ханс, когда мы выехали на дорогу.

«Не знаю. Скорее всего, они решили, что мы контрабандисты и обмениваемся с этими людьми товаром. Ханс, нужно помолиться за эту семью, чтобы из-за нашей неосмотрительности они не попали в беду. И нужно быстрее избавиться от нашего груза».

Московские проспекты показались очень широкими, по ним могли в один ряд проехать до десяти автомобилей. На дорогах было больше машин, чем раньше. Мы проехали мимо огромного ГУМа, через Красную площадь, мимо Мавзолея и наконец приехали в то место, где нам предстояло жить. Мы тут же разбили палатку и приготовились вытащить хотя бы несколько Библий.

«Не поднимай головы, — сказал Ханс, — на нас смотрят».

Не оборачиваясь, я накрыл приготовленные книги картой Москвы. Затем, как бы случайно, оглянулся и увидел человека. На нем была надета зеленая выцветшая форма, и он пристально смотрел на нас, стоя в нескольких шагах от машины. Я вытащил кофеварку, и мы с Хансом стали готовить кофе. Наблюдатель ушел сразу же, как только мы перестали вытаскивать Библии.

«Как ты думаешь, зачем он приходил?» — спросил я Ханса.

«Он мне не нравится. Нужно быстрее раздать все наши Библии».

Мы взяли одну книгу, закрыли машину и ушли из лагеря. Был четверг, и я знал, что в этот день в баптистской церкви проходит служба. Мы поехали туда.

На вечернем молитвенном собрании присутствовало примерно тысяча двести человек! Богослужение было почти таким же, как два года назад, но ни на возвышении, ни в зале я не увидел Иванова.

Когда собрание закончилось, мы с Хансом вышли в вестибюль и стали прогуливаться среди прихожан. Мы искали человека, которому можно было бы передать наш драгоценный груз. Я подошел к главному входу, вглядываясь в лица людей, и просил Бога дать мне возможность, как Он делал это раньше, узнать человека, которому можно было бы довериться.

Очень скоро я увидел его. Худой, лысеющий мужчина старше сорока лет стоял у стены, глядя в толпу. У меня было настолько сильное желание заговорить с ним, что я чуть не забыл про Ханса. Но христианское братство всегда помогает подтвердить водительство одного человека откровением другого. Я подождал, пока грузный Ханс подойдет ко мне поближе.

«Я нашел того, кто нам нужен!» — сообщил он мне прежде, чем я успел ему что-нибудь сказать. Из сотен людей, находившихся в вестибюле, он выбрал того же, кого и я. Почувствовав радость и облегчение, мы подошли к этому человеку.

«Как вы поживаете?» — спросил Ханс.

«А как вы поживаете?» — ответил мужчина, сразу насторожившись.

По мере того как Ханс рассказывал, кто мы такие и откуда, лицо человека становилось все более недоумевающим. Но когда Ханс дошел до слова «голландец», тот стал смеяться. Он объяснил, что сам был немцем, иммигрантом во втором поколении. Он жил в Сибири, и в его семье дома говорили по-немецки.

Тут же завязался разговор. Мы с Хансом слушали его и просто не верили своим ушам. Этот человек приехал из маленькой церкви в Сибири в двух тысячах миль от Москвы. У них было сто пятьдесят прихожан и ни одной Библии. Однажды во сне ему было сказано поехать в Москву, где он найдет Библию для своей церкви. Сначала он не хотел ехать, потому что знал, как и все, что в Москве тоже нет Библий.

На этом его история заканчивалась.

Мы с Хансом посмотрели друг на друга, и я кивнул ему, чтобы он поделился с нашим сибирским другом радостной новостью.

«Вы сказали, что проехали две тысячи миль с востока, чтобы найти Библию, а мы проехали две тысячи миль с запада, чтобы привезти Библии для церквей России. И вот мы встретились, сразу узнав друг друга».

С этими словами Ханс дал ему большую русскую Библию, которую мы принесли с собой. У сибиряка не было слов. Он держал Библию на вытянутых руках и смотрел то на нее, то на нас. Вдруг его прорвало, и

хлынул поток благодарностей и объятий, так что вокруг нас собралась толпа. Меня это смутило, я не хотел привлекать к нам внимания. Шепотом я рассказал этому человеку остальные новости, объяснив, что у нас есть еще Библии, и если завтра мы встретимся с ним в десять часов, то он получит еще несколько Библий для своей церкви.

Вдруг сибиряк стал подозрительным. «Это бесплатно?»

«Конечно, — ответили мы, — это просто одна рука Тела Христова восполняет нужды другой».

На следующее утро в девять часов Ханс стоял на страже, а я вытаскивал Библии из наших тайников в машине. Я почти закончил свою работу, когда Ханс стал насвистывать национальный гимн Голландии, и я понял, что снова появился наш друг в зеленой форме. С глубоким вздохом я опять принялся готовить кофе.

«Кофе готов!» — крикнул я Хансу.

Он подошел и взял чашку с ледяным кофе из моих рук. «Он вернулся?» — спросил я.

«Такой же любопытный, как и вчера. Он что-то подозревает. Сколько ты достал?»

«Четыре».

«Ну, что ж, хватит. Клади в сумку и пойдем». Иметь при себе личную Библию не было преступлением, но обвинение в торговле Библиями предполагало серьезные последствия. Тем более контрабандными Библиями. Поэтому мы положили в сумку только четыре книги и отправились на автобусную остановку.

Ровно в десять часов мы вошли в церковь и сели на скамейке рядом с дверью. В 10.30 мы начали беспокоиться, чувствуя, что привлекаем к себе внимание. Затем, без пятнадцати одиннадцать, мы услышали голос: «Здравствуй, брат».

Я резко обернулся назад. Но это был не мужчина из Сибири. Рядом со мной стоял Иванов, пастор, которого я встретил в свой предыдущий приезд в Россию.

«Вы кого-нибудь ждете?» — спросил Иванов.

«Одного человека. Мы с ним виделись вчера вечером».

Иванов помолчал. Затем сказал: «Я так и думал. Этого-то я и боялся. Ваш сибирский друг не сможет прийти».

«Что это значит — *не сможет* прийти?»

Иванов огляделся вокруг. «Друзья, — сказал он, — на каждом собрании в зале присутствуют работники органов безопасности. Мы знаем об этом. Вчера они видели, что вы беседовали, и теперь он не может прийти. С ним "поговорили". Вы принесли ему что-нибудь?»

Я посмотрел на Ханса. Можно ли доверять Иванову? Ханс пожал плечами и затем едва заметно кивнул головой.

«Да, — сказал я коротко, — четыре Библии. В этих сумках».

«Оставьте их мне, я передам ему».

Мы с Хансом опять переглянулись. Но в конце концов вытащили из сумок Библии, завернутые в газету, и отдали их Иванову. Затем, попросив Божьей защиты, я пошел направо. Похоже, другого выхода не было.

«Мы можем поговорить с кем-нибудь?» — спросил я.

«Поговорить?»

«Да, честно говоря, у нас есть еще Библии».

Иванов задохнулся. «Что вы имеете в виду? Говорите тихо. Сколько Библий у вас есть?»

«Более сотни».

«Вы шутите».

«Они в машине в лагере».

Иванов на минуту задумался. Затем без слов повел нас по длинному коридору. Когда мы повернули за угол, он внезапно остановился, положил Библии на пол и протянул руки ладонями вниз.

«Видите мои ногти?» — спросил он. Мы уставились на его ногти, кривые и утолщенные, поврежденные от самых корней. «За свою веру я сидел в тюрьме», — сказал Иванов. Я вспомнил, как этот человек говорил делегатам молодежной конференции, что в России верующих не преследуют! «Буду с вами откровенен. Я больше не хочу подвергать себя опасности. Я не могу помочь вам с Библиями».

Я почувствовал сострадание к этому человеку. «Я знаю, — сказал я, — мы вас не виним. Может быть, вы знаете кого-нибудь, кто захочет взяться за это дело?»

«Марков, — сказал Иванов, — я договорюсь с ним, чтобы он взял у кого-нибудь машину. Он встретится с вами у ГУМа ровно в час». И затем добавил: «Будьте очень осторожны».

Ханс показал на стопку книг на полу. «А как же эти? Вы не рискуете, согласившись взять эти?»

Иванов улыбнулся, но глаза его остались печальными. «Четыре Библии, — сказал он, — это не очень серьезное экономическое преступление. Они стоят четыреста рублей. Сколько можно просидеть за четыреста рублей? Самое большее — четыре месяца. А сто Библий? Это около десяти тысяч рублей здесь, в Москве, а в провинции и того больше. Десять тысяч рублей — это порнографическая литература! За это человек может»

«Порнография? — вскричали мы с Хансом. — Причем тут порнография?»

«Ни при чем, — сказал Иванов, — только если вас поймают, вам предъявят обвинение в распространении этой литературы». И, словно получив какой-то сигнал, он круто развернулся на каблуках, подхватил с пола книги и быстро исчез из виду.

В тот же день в час дня мы остановились у ГУМа. Из машины, припаркованной в ста ярдах от нас, вышел человек, прошел мимо, внимательно посмотрев на нас. Затем он вернулся.

«Брат Андрей?»

«Вы — Марков? — спросил я. — Приветствую вас во имя Господа».

«Сейчас мы сделаем что-то невероятное, — быстро сказал Марков, — мы перегрузим Библии в двух минутах ходьбы от Красной площади. Никто не заподозрит нас в таком месте. Это гениально».

Очевидно, этот брат был более гениальным, чем я. Мне его идея совсем не понравилась. Мы поехали за ним на улицу, которая находилась совсем рядом с Красной площадью. С одной стороны высилась глухая стена, а с другой стояли жилые дома. Из любого окна нас могли увидеть любопытные глаза.

«Ты лучше молись», — сказал я Хансу, остановившись за машиной Маркова.

Ханс начал молиться, а я вытаскивал коробки и мешки с Библиями. Марков открыл заднюю дверцу своей машины, и мы, не таясь, перегрузили все книги на глазах у многочисленных прохожих. Когда мы закончили, Марков быстро пожал нам руки, сел в машину и завел мотор.

«На следующей неделе, — сказал он, — эти Библии будут у пасторов по всей России».

Когда Марков уехал, я посмотрел на Ханса. Он все еще молился, но уже улыбаясь. Эта часть нашей миссии была завершена. У нас осталась только одна коробка украинских Библий, и наш шпион в зеленой форме мог тарачиться на нас сколько его душе угодно. Наша машина была пуста.

Мы возвращались домой через Украину и сами раздали последние украинские Библии. Во время одной из таких остановок меня захватила идея, которая в течение следующих трех лет стала моей неотступной мечтой. Ибо именно там, на Украине, когда у нас оставалось всего две Библии, один из прихожан принес показать нам сокровище своей семьи — карманную украинскую Библию.

Я держал маленький томик в руках и не верил своим глазам. Да, согласился со мной тот человек, эта Библия занимала четверть объема тех Библий, что мы привезли с собой. Я переворачивал тонкие странички, удивляясь мелкому, но очень четкому шрифту. Каждое слово было видно и легко читалось. Я закидал этого человека вопросами, где книга была напечатана, кто издал ее, где они ее купили, но он ничего не мог сказать мне.

Я не мог расстаться с этой книгой. Я взвешивал ее в руках. Клал ее в карман. Вытаскивал и сравнивал с нашими Библиями. Но ведь каждый раз мы могли бы привозить таких Библий в три, четыре раза больше! Их намного удобнее было бы переносить и прятать здесь, в России. И если такие Библии были напечатаны на украинском, значит их можно издать на русском и на других восточно-европейских языках

Видя, насколько эта Библия заинтересовала меня, ее обладатель сделал мне предложение. Может быть, мы захотим поменять эту маленькую Библию на две большие, оставшиеся у нас? И тогда в его церкви появится дополнительная Библия.

К моей великой радости, все члены прихода согласились, и я уехал из этого города с мечтой в кармане. С огромным нетерпением я ждал встречи с представителями Библейских обществ на Западе. В последнее наше воскресенье в России мы посетили баптистскую церковь в украинской деревне недалеко от венгерской границы. Пение было волнующим, а молитвы пылкими. Но, когда наступило время проповеди, пастор сделал странную вещь. Он сошел с кафедры и взял у одного из прихожан Библию. Мы слышали, что в России есть служители без Библий. Но мы видели это своими собственными глазами в первый раз.

После служения пастор пригласил нас встретиться в его кабинете со старейшинами. Встреча, как это часто бывало в России, началась агрессивно. Мы поняли, что это делалось в целях безопасности, поскольку все пасторы знали, что за ними ведется наблюдение. На этот раз агрессия была направлена на мой автомобиль.

«Скажите, — спросил пастор через прихожанина, говорившего по-немецки, — каким промышленным комплексом вы руководите?»

«Но я не работаю ни в какой компании».

Переводчик передал мой ответ, но пастор на этом не успокоился. «Я знаю, что вы говорите неправду, — сказал он, — потому что прямо перед церковью стоит ваш автомобиль. Машины есть только у капиталистов. Простые люди ходят пешком».

Что мне было делать? Невозможно было убедить его, что я — бывший фабричный рабочий, сын

деревенского кузнеца. Он совершенно не мог этого понять и прекратил разговор на эту тему просто из вежливости или же потому, что убедился, что доказал свою антипатию к ненавистному и праздному классу богачей!

В любом случае, мы стали говорить о втором пришествии Христа, самом популярном богословском вопросе в России, и тон разговора сразу изменился. Я вытащил из кармана свою голландскую Библию, чтобы отследить те стихи, которые упоминал пастор, и, когда он закончил, положил ее на стол.

Я сразу заметил, что он утратил интерес к разговору. Его внимание было приковано к моей Библии! Он взял ее и взвесил в руках, расстегнул, заглянул в нее и снова застегнул.

Потом он положил ее на стол. Не так, как я, но с величайшей аккуратностью. Он положил ее на угол и медленно провел пальцами по краям книги, чтобы сравнить с краем стола. А затем задумчивым голосом, словно обращаясь более к себе, чем к нам, сказал: «А вы знаете, брат, у меня нет Библии».

Мое сердце не выдержало. Передо мной сидел человек, духовный лидер тысяч душ, и у него не было собственной Библии.

Все Библии, которые мы привезли с собой, разошлись — и тогда я вдруг вспомнил. Маленькая украинская карманная Библия! «Подождите!» — воскликнул я, вскочив со стула. Библейским обществам придется поверить мне на слово. Я побежал к машине,

достал маленькую книжку из-под сиденья и быстро вернулся в кабинет.

«Вот, — я вложил в руку пастора Библию, — это вам. Теперь у вас тоже есть Священное Писание».

Переводчик повторил мои слова, но пастор все еще не понимал.

«Это кому?» — спросил он.

«Это вам! Теперь это ваша Библия!»

Когда в тот день мы с Хансом уехали, наши кости болели от объятий группы старейшин. Ибо теперь у их пастора была собственная Библия, которую в конце проповеди ему не нужно будет возвращать. Библия, которую он сможет взять в любое время. Библия, которую он будет читать и любить.

Когда мы уезжали из России, я знал, что впереди меня ждет еще более серьезная работа по сравнению с тем, что я делал до этого за Железным занавесом. Мне нужно было убедить некоторые организации начать печатать карманные Библии на славянских языках. И тогда мы сможем ввозить эти книги в Россию не сотнями, а тысячами.

Глава девятнадцатая

Библии для российских пасторов

Единственной моей заботой теперь стало издание карманных Библий на русском языке. Эта идея превратилась в наваждение. Я начал переговоры с представителями библейских обществ на эту тему, но даже когда они теоретически соглашались издавать такие Библии, возникали практические проблемы. Американское библейское общество, которое снабжало меня русскими Библиями бесплатно, хотя и одобрительно отнеслось к этому проекту, не могло представить, как напечатать новые издания специально для этой операции. Британское и зарубежное библейское общество находилось в таком же положении. Деятельность Голландского библейского общества в основном была направлена на Африку и Индонезию, оно не работало с восточно-европейскими странами.

«А почему бы тебе самому не напечатать карманную Библию?» — спросил Филипп Уэтстра, когда однажды вечером мы с ним обсуждали эту проблему.

«Очень смешно».

«Я говорю серьезно. Ты точно знаешь, чего хочешь. Напечатай сам».

«Мистер Уэтстра, вы, должно быть, мечтатель. Это обойдется по крайней мере в пять тысяч долларов. Где я возьму такие деньги?»

Мистер Уэтстра печально посмотрел на меня. «После всего, что случилось с тобой, ты задаешь мне такие вопросы?»

Конечно, он был прав. Финансы для такого проекта мог найти только Господь. Прежде чем я ушел в тот вечер от Уэтстров, я уже знал, что начну еще один великий эксперимент, пожалуй, самый грандиозный из всех. На этот раз, однако, для осуществления моих планов понадобилось намного больше времени.

А пока нужно было выполнять обычную работу. Трудиться в команде с Хансом было намного приятнее, чем я представлял. Мы были воистину единым организмом, поддерживая друг друга в минуты слабости. Однажды, когда жарким летом 1962 г. мы были в Болгарии, Ханс вдруг сказал: «Андрей, пора начать молиться еще за одного члена команды».

Я сидел на постели, весь мокрый от жары, и писал письмо домой. «Да. Правильно», — сказал я рассеянно.

«Ты помнишь, когда нам неожиданно дали визу в Чехословакию и ты в это время был в Восточной Германии, а я в России? Если бы нас было больше, мы бы могли использовать все возникающие возможности».

«Да, ты прав».

«Ты меня не слушаешь».

Я отложил письмо в сторону. Оно прилипло к руке. «Конечно, слушаю». Я попытался вспомнить, что говорил Ханс. «У нас больше возможностей, чем мы можем использовать. Это правда, Ханс. Но ты знаешь, что бывает, когда команда быстро растет»

Ханс перебил меня. «Увеличение команды на одного члена раз в семь лет трудно назвать быстрым ростом. Давай молиться».

Я внимательно посмотрел на Ханса. Он так поспешно произнес последнюю фразу «Давай молиться», что я не был уверен, что понял правильно. Но он уже весь ушел в молитву. Я склонил голову и тоже начал проникаться чувством, что нам срочно нужно приобрести еще одного члена команды, который вместе с нами отдаст бы себя бескорыстному служению без льгот и привилегий.

И почти одновременно мы с Хансом подумали об одном и том же человеке.

«А что если Рольф?» — сказали мы вместе и рассмеялись.

«Должно быть, это водительство», — сказал Ханс.

«Да, действительно».

Рольф был студентом голландской семинарии и заканчивал отделение систематического богословия. Блестящий богослов, он был человеком действия. В тот же вечер я написал ему письмо, в котором спрашивал, не хочет ли он присоединиться к нам. И конечно, по возвращении в Голландию нас ожидал его ответ. Он

прочитал мое письмо с недоумением, писал Рольф. Меньше всего он желал бы быть навязчивым миссионером, размахивающим Библией. Зачем же он все эти годы учился в семинарии, если ему нужно знать только гимн «Воины Христовы, смело в бой»?

Однако, продолжал он, после получения моего письма он потерял сон. Мысли о моем предложении преследовали его день и ночь, за едой и на работе, в постели и на прогулке, пока он наконец не сдался, и теперь он спрашивал, когда начинать?

Итак, сопротивляясь и протестуя, к нам присоединился третий член нашей команды. Ханс тут же взял его в ознакомительную поездку в Румынию. Там они с пользой провели время и увидели настоящий духовный подъем Церкви в этой прекрасной стране. За ними следили два человека, которые находились при них постоянно, но, несмотря на это, они сумели раздать все Библии и даже проповедовали в частных домах.

Рольф вернулся потрясенный и абсолютно убежденный в том, что сделал правильный выбор.

Мы поделились с Рольфом нашей мечтой о карманных Библиях на русском языке. Едва мы закончили повествование о своих трудностях, как Рольф повторил мысль Уэтстра о том, что нам самим надо взяться за издание такого формата Библий.

«Сколько нужно денег, чтобы напечатать пять тысяч Библий?» — спросил Рольф.

Мне пришлось признаться, что я никогда не интересовался этим. Но Рольф на этом не успокоился.

Вместе с ним мы связались с типографиями в Голландии, Германии и Англии. Самое выгодное предложение поступило от английского печатника, который сказал, что при тираже в пять тысяч экземпляров каждая Библия обойдется нам в три доллара.

«Ну вот, видишь?» — сказал я Рольфу, Хансу и Корри, когда мы получили по почте это предложение. «Итак, этот проект обойдется нам в пятнадцать тысяч долларов!»

Рольф и Ханс изумились. «И ты испугался такой мелочи!»

И опять, конечно же, они были правы. Я научился доверять Богу в таких мелочах, как зубная паста и крем для бритья. Но когда дело дошло до пятнадцати тысяч долларов, мне оказалось трудно поверить в то, что и здесь работает тот же принцип.

В тот вечер я сидел на кухне, а передо мной лежала банковская книжка. На ней была надпись: «Русские Библии». Первые поступления начались в 1961 г., сразу после нашего возвращения из России, а теперь стоял 1963 г. Все наши накопления на книжке насчитывали менее двух тысяч долларов.

Корри присела рядом. «О чем ты думаешь, Анди?»

Я показал ей банковскую книжку. «Вот что мы накопили за два года». Я вздохнул, готовясь сказать то, на что решился. «Как ты думаешь, сколько стоит наш дом?»

Корри не ответила. Она просто смотрела на меня.

«Мы купили его недорого, но вложили много труда, так что теперь он должен стоить гораздо дороже. Но сколько? Десять тысяч долларов? Двенадцать? Нам нужно около двенадцати».

«Наш дом, Анди? Сейчас, когда мы ждем еще одного ребенка?»

«Нам нужно сдвинуться с мертвой точки».

Корри побелела как полотно. «Может быть, Бог не хочет, чтобы мы печатали эти карманные Библии, — сказала она очень тихо, — может быть, Его молчание и есть Его ответ».

«Я знаю, — сказал я, — я знаю».

В тот вечер мы больше не говорили о продаже дома. Но на следующей неделе Корри сказала мне, что стала молиться о том, чтобы Господь помог ей считать дом не нашей, а исключительно Его собственностью.

«Да будет воля Твоя, — начали мы молиться вместе каждый вечер, — и все же, Господь, у нас нет уверенности, что мы должны продать дом. Если Ты хочешь, чтобы мы продали его ради издания Библий, сотвори маленькое чудо в наших сердцах, чтобы мы стали желать этого».

Родился еще один малыш, которого мы так долго ждали, — девочка. Мы назвали ее Стефани. Все денежные подарки, которые мы получали для нее, шли в фонд Библий. Но с такой скоростью мы не накопили бы на издание Библий и за двадцать лет. Мы стали просить Бога дать нам *желание* продать дом.

И наконец Он ответил на наши молитвы. Однажды утром мы с Корри поняли, что счастливыми здесь, на земле, делает нас вовсе не обладание домом или каким-то другим имуществом.

«Не представляю, где мы будем жить, — начала Корри, а затем рассмеялась. — Помнишь, Анди? "Мы не знаем, куда поведет нас дорога"».

И я закончил фразу, которую мы так часто повторяли: «"Но давай пойдем по ней вместе"».

В тот самый день была произведена оценка дома и участка земли. Все вместе с нашими сбережениями составило чуть более пятнадцати тысяч долларов!

Это подтверждение было нам необходимо. Мы объявили о продаже дома, и я написал печатнику в Англии, попросив его изготовить мелкий шрифт, о котором мы говорили. В тот вечер мы с Корри спали как самые счастливые и самые умиротворенные люди на свете. Но как верен Бог, насколько Он надежен и благ превыше всякого воображения! Он просит у нас так мало, чтобы дать нам во сто крат больше. Несмотря на то что жилищная проблема в Голландии была по-прежнему острой, за всю эту неделю никто не пришел посмотреть наш дом. А в пятницу Корри позвала: «Телефон, Анди!»

В это время Ханс и Рольф много ездили, и мы поставили дома телефон. Мне всегда не нравилось, что он отвлекает от дел. Но не в тот раз. Потому что мне позвонили из Голландского библейского общества и попросили подъехать к ним в течение дня.

Через несколько часов я сидел за столом напротив членов Совета директоров. Они объяснили, что крайне загружены собственной работой. Но никак не могут забыть мои нужды. Если бы я мог договориться, чтобы изданием Библий занялся кто-нибудь другой

Я уже договорился? В Англии? Ну, что ж, они как раз хотели посоветовать мне обратиться именно туда. Они готовы оплатить половину стоимости проекта. Если каждая Библия обойдется мне в три доллара, я могу рассчитывать на помощь в полтора. Общество берется оплатить полностью весь счет, как только Библии будут готовы, но мне придется каждый раз выкупать у них то количество Библий, за которое я смогу заплатить. Если это устраивает меня

Если это устраивает! Я не верил своим ушам. На имеющуюся у меня сумму из «русского фонда» я смогу сразу выкупить более шестисот Библий — это количество мы в состоянии увезти за раз. И нам не нужно будет продавать наш дом, и Корри может продолжать шить розовые занавески для комнаты Стефи, а я могу опять заняться салатом на огороде. Я едва мог дожидаться, чтобы рассказать Корри, как Бог вознаградил нашу крошечную готовность.

Наконец карманные Библии стали реальностью. Когда я ушел из представительства Голландского библейского общества, я уже знал, что в течение полугода, к началу 1964 г., мы сможем приступить к обеспечению российских пасторов Библиями, в которых они так остро нуждаются!

Рольф собрался жениться.

Мы с Корри честно рассказали ему обо всех тяготах, связанных с частыми разлуками, присущими нашей работе. Но, как сказал Рольф, наше счастье было самым убедительным аргументом против холостяцкого образа жизни. Элена могла путешествовать вместе с ним. Она могла стать таким же полезным членом команды, как и мужчины.

Мы присутствовали на их свадьбе и дали им ценное задание на медовый месяц. Первая партия Библий была готова. Рольф с Эленой должны были поехать в Англию и забрать их.

Теперь у нас был второй автомобиль, фургон, созданный специально для длительных поездок. Задняя часть автомобиля была без окон, и в нем можно было перевозить больше груза, чем в «Опеле». На этом фургоне Рольф и Элена прибыли в Англию и забрали первую партию Библий. Какой это был праздник, когда они вернулись домой, привезя новые Библии, наше собственное издание! Я держал в левой руке карманную Библию, а в правой стандартную. Какая существенная разница! Теперь необходимо как можно быстрее отправляться в путь.

День отъезда был назначен на 6 мая 1964 г. Мне нужна была помощь всех членов команды, но Ханс был в Венгрии, поэтому мне пришлось забрать с собой Рольфа.

Мы приехали в Москву. Наступило воскресное утро, и пора было идти в церковь. Мы с Рольфом оставили

фургон с непривычной тяжестью на душе. Сколько стоит наш недеklarированный груз? Теперь цена Библии была эквивалентна стоимости коровы в сельских районах. Шестьсот пятьдесят коров — такой груз представляет собой серьезную контрабанду. Если бы нас поймали с ними, нам пришлось бы туго. Как раз тогда шел процесс над человеком, совершившим «экономическое преступление» против народа и государства. Его приговорили к расстрелу. Если бы нас поймали но нет, мы не будем думать об этом.

В то утро в церкви мы увидели Иванова. Когда он посмотрел на балкон с гостями, я уверен, он узнал меня, хотя и не подал виду. Через несколько минут он поднялся и вышел из зала. Он не вернулся, не было его и в коридоре после службы. Но вдруг позади себя я услышал сердечное «Добро пожаловать в Россию!»

Это был Марков. Я представил его Рольфу. «Мы привезли подарки!» — сказал я.

«Чудесно! — вскричал он. — Это потрясающие новости!» Он говорил слишком громко, и я знал, что он делает это специально. Никто не станет подслушивать, если мы будем говорить открыто.

«Где бы мы могли встретиться?»

«А что если на прежнем месте?»

На прежнем месте! В двух минутах ходьбы от Красной площади! У Маркова, должно быть, были стальные нервы.

«Я бы хотел посмотреть новые места».

Впервые Марков понизил голос: «По дороге на Смоленск стоит большой синий щит, на котором написано "Москва". Встретимся там в пять часов. Я повезу вас в другое место. Распакуйте подарки, чтобы мы смогли быстро перегрузить их».

Это звучало лучше, но оказалось, что нам негде распаковать Библии. Нужно было по крайней мере полчаса полного уединения, чтобы выполнить эту работу.

Когда мы вернулись к палатке, мне в голову пришла одна мысль. «Поехали кататься, — предложил я. — Ты будешь любоваться природой, а я полезу назад и начну распаковывать».

Но только я принялся за дело, как машина резко остановилась. Я перелез вперед и посмотрел в щелку. К фургону шел милиционер.

«Молись!» — прошептал Рольф и высунул голову из машины.

«В чем дело, офицер?» — спросил он по-голландски.

Милиционер разразился долгой раздраженной речью на русском, а затем добавил несколько слов по-английски. «Нет поворота! Нет поворота! Здесь знак!!»

«А что с поворотом, офицер? — опять спросил Рольф по-голландски. — Пожалуйста, простите. Я не привык ездить по такому просторному красивому городу».

Милиционер опять принялся что-то объяснять. Я прижался к спинке сиденья и молился о том, чтобы он

не заглянул внутрь. Прошло, как мне показалось, много времени, прежде чем он смог сказать что-то более спокойным тоном. «И вам того же, офицер, — ответил Рольф по-голландски. — И я желаю вам и вашему народу любви Божьей».

Рольф завел мотор и двинулся в потоке машин. Я смог отдышаться только через несколько кварталов.

«Давай больше не будем. Слишком тяжело!»

Оставшуюся часть дня мы потратили на поиски укромного места, чтобы завершить распаковку груза. Но в четыре часа мы уже должны были ехать на встречу вне зависимости от того, были мы готовы или нет. С настроением, не соответствующим безоблачному солнечному небу, мы двинулись по смоленской дороге.

«Но почему мы беспокоимся? — вдруг спросил Рольф. — Это Божье дело! Он приготовит для нас путь!» И словно в подтверждение своих слов он стал петь.

И удивительно, как только наше душевное состояние изменилось, на улице потемнело. Сначала скрылось солнце, затем все небо затянулось тяжелыми, темными грозowymi тучами. Мы увидели вдалеке ослепительные вспышки молнии. Загремел гром. Но мы с Рольфом продолжали петь.

Затем начался дождь.

Никогда за все мои путешествия я не видел такого ливня. Можно было подумать, что небеса разверзлись и на землю хлынули потоки небесной воды. Нам пришлось держаться поближе к тротуару. Другие машины тоже покинули дорогу. Окна запотели. Мы

едва могли ехать, несмотря на то что дворники яростно протирали ветровое стекло.

«Послушай».

«Да, я знаю».

«Бог сделал нас невидимыми!» — сказал Рольф.

Славя Бога, мы залезли в грузовой отсек, не торопясь вытащили остальные Библии и распаковали их. Закончив работу, мы сели на место, и как раз в этот момент небеса очистились и солнце вновь выглянуло из-за туч.

Ровно в пять часов мы проезжали у щита с надписью «Москва». Мы увидели, как мимо нас промчался Марков, его фары все еще горели после дождя. Он мигнул нам разок. В десять минут шестого мы подъехали к какому-то складу, где стояло много машин и все что-то загружали или разгружали. За пять минут мы перенесли к Маркову весь свой товар. Через три года обещания, данные пасторам, начали исполняться.

Глава двадцатая

Пробуждение дракона

Под крылом самолета медленно выростала громада под названием Гонконг. Эта столица колонии британской короны сидела, как хрупкая бабочка, на хвосте гигантского и уже проснувшегося дракона по имени коммунистический Китай. За Гонконгом простирались необозримые просторы этой страны.

На какое-то мгновение я удивился, не увидев знаменитой Китайской стены, окружавшей этот замкнутый мир. Именно таким я представлял в своем воображении красный Китай: загадочный, закрытый, недосыгаемый. Даже когда я начал различать государства внешнего и внутреннего круга в коммунистической Европе, я не пытался дать Китаю определение. Для меня он был тайной за семью печатями, еще более недоступный для евангелизации, чем все европейские страны с тоталитарным режимом. И вдруг однажды, в Москве, я оказался в автобусе рядом с китайцем. В Москве в те дни было много китайцев, но у этого человека на отвороте пиджака был крестик. Мы стали разговаривать по-английски, и он сказал мне, что является секретарем шанхайского отделения Ассоциации христианской молодежи (У.М.С.А.) Я удивился. Эта организация все еще функционирует в

Шанхае? Да, сказал он, открыто и активно. Он дал мне визитную карточку и пригласить посетить их.

С того самого дня во мне стала расти надежда когда-нибудь приехать на помощь христианам Китая, находящимся в изоляции.

Но прежде нужно было разрешить многие вопросы. Сколько христиан было в Китае? Я знал, что большая часть населения этой страны не исповедует христианство. С другой стороны, Китай, вероятно, был государством, где трудилась самая большая армия миссионеров. Что заставило стольких людей работать в этой стране? Действуют ли приходы, которые были ими организованы? Есть ли там преследования? Встречаются ли они тайком? Если церкви по-прежнему существуют, нуждаются ли они в Библиях, как верующие Восточной Европы?

Нам нужно было найти ответы на все эти вопросы. И когда в 1965 г. меня пригласили выступить в Калифорнии, я решил заодно посетить Тайвань, просто чтобы поговорить с людьми, которые знают Китай, а затем попытаться проникнуть во внутреннюю часть страны. Я рассчитывал на свой голландский паспорт — голландцы по каким-то причинам все еще допускались за этот более чем железный занавес.

Но теперь, уже сидя в самолете, я понял, что все делаю неправильно. Человек рядом со мной, банкир из Гонконга, посмотрел на меня странно, когда я сказал ему, что хочу попасть в Китай. «Почему вы не сели на самолет в Тайване?» — спросил он.

«У меня были другие планы».

«Дайте посмотреть ваш паспорт». Он полистал страницы, взглянул на тайваньскую печать и остановился, увидев американскую визу. «Соединенные Штаты!» — сказал он.

«Да. Я еду как раз оттуда».

«Дорогой, вы никогда не попадете в красный Китай с таким паспортом».

Теперь я обычно радуюсь, когда люди говорят, что где-либо миссионерский труд невозможен. Это позволяет мне надеяться, что я увижу, как Бог справится с этой невозможностью. Однако, когда я прошел контроль в Гонконге, я узнал еще более тревожные новости. Весь Гонконг, как мне казалось, был заполнен миссионерами, которые пытались, но не могли попасть во внутреннюю часть Китая. Там были врачи и учителя с длинным послужным списком миссионерской деятельности в других странах. Но сегодня это не принималось в расчет: тот факт, что они служили при докоммунистическом режиме, автоматически исключал возможность их работы в этой стране.

Когда я услышал все это в сотый раз, моя уверенность поколебалась. Может быть, мне стоит сначала получить новый паспорт, в котором не будут стоять предыдущие визы?

Тогда я отправился в голландское консульство. Я нашел консула за завесой едкого табачного дыма. Он попыхивал длинной глиняной трубкой, и я ощутил острую тоску по Голландии. Когда я сказал ему, что хочу попасть во внутренний Китай, он вытащил трубку

изо рта и начал улыбаться. Когда я объяснил, что я миссионер, его улыбка стала еще шире. Когда я честно признался, что хочу найти там христиан и исследовать возможность ввоза туда Библий, он стал хохотать.

«Можно взглянуть на ваш паспорт?» — спросил он. Он просмотрел все страницы, покачивая головой. «Это невозможно», — сказал он, тыча в ненавистные для Китая визы кончиком своей трубки.

«Сэр, — сказал я, — именно поэтому я здесь. Я хочу новый паспорт».

«Это невозможно», — опять сказал он. Консульство в Гонконге не имеет права выдавать паспорта. Если он возьмется отослать мою просьбу в Индонезию, ему придется изложить законную причину такого требования, а ее не было. После этого он стал пускать дым кольцами к потолку. Я понял, что наш разговор окончен.

Сначала я расстроился из-за срыва моих планов. Но вдруг почувствовал радость. Теперь не осталось никакой возможности попасть в Китай собственными стараниями. Я верил, что мое желание поехать в Китай исходило от Бога, поэтому все средства достижения этой цели мне нужно было предоставить Ему же. На следующее утро я просто пойду в китайское консульство и попрошу визу, зная, что, если Бог действительно хочет, чтобы я попал туда, необходимые документы будут мне выданы.

Но сначала мне нужно было кое-что сделать. Я вспомнил об Иисусе Навине, который собирался вступить в Ханаан, и о том, как он послал перед собой

соглядатаев, которые должны были осмотреть землю. Возможно, мне тоже нужно было сделать это: исследовать землю китайского чиновничества. Было уже темно, магазины и офисы были закрыты, но я отправился на поиски китайского «туристического агентства», где должен был получить визу.

Как я и ожидал, оно было закрыто. Рядом с дверью я увидел огромный столб, на котором висело объявление на английском языке: «Китайская туристическая служба». На темном тротуаре перед закрытой дверью я начал молиться молитвой победы, нейтрализуя любые силы, которые могут помешать мне выполнить волю Божью. Я провозглашал, что Христос побеждает все, что противится Божьей власти. Я ходил перед зданием взад и вперед. Там, в темноте, я молился в течение двух часов.

На следующее утро я вернулся туда. На этот раз дверь была открыта. Наверху лестничной площадки стоял китайский солдат. За ним была комната, набитая народом. Я встал в очередь и, пока ждал, молился за всех чиновников и служащих, прося Бога открыть каналы, через которые я мог бы достичь граждан Китая.

Наступила моя очередь. Человек в голубой «народной форме» вопросительно посмотрел на меня.

«Сэр, — сказал я по-английски, — я хочу получить визу для въезда в Китай».

Человек опустил глаза и начал ставить на документах печати. «Вы когда-нибудь были в Тайване или Соединенных Штатах?» — спросил он.

«Да, сэр. Я как раз возвратился из Тайваня, а перед этим был в Калифорнии».

«Тогда, — сказал он улыбаясь, — вряд ли вы попадете в Китай, потому что эти страны наши враги».

«Но, — сказал я, улыбаясь ему в ответ, — не мои враги, потому что у меня нет врагов. Вы мне дадите бланки?»

Мы посмотрели друг другу в глаза. Я не знаю, что делал бы другой человек, но я молился. Чиновник долго и внимательно глядел на меня, причем его лицо не выражало никаких эмоций. Наконец он отвел взгляд. «Это ничего не даст», — сказал он, пожав плечами. Однако выдал мне анкеты.

Когда я заполнил бланки, он сообщил мне, что я получу ответ только через три дня. Мое заявление вместе с преступным паспортом должно было отправиться в Кантон.

В тот день я обедал со старым китайским миссионером. «Мне сказали, что я получу ответ через три дня!» — радостно сообщил я ему.

Мой собеседник откинул назад голову и расхохотался. «Сразу видно, как мало вы знакомы с менталитетом восточных людей! — сказал он. — Они всегда говорят "три дня". Это у китайцев означает "никогда"».

Я решительно не принял его шуток. В течение этих трех дней я постился и молился почти непрестанно. Более того, я отправился в местный библиейский магазин и закупил китайские Библии, чтобы взять с собой за Бамбуковый занавес. В магазине я договорился,

что оставлю у них на хранение свою одежду, потому что весь чемодан у меня был забит Библиями. И стал ждать.

На третий день я вернулся в гостиницу, где для меня лежала записка с просьбой позвонить в туристическое агентство. Я не стал звонить, а сразу отправился в их офис. Я попытался прочитать что-нибудь на лице китайского служащего, который увидел меня еще в очереди. Но его лицо было таким же непроницаемым, как и его страна. Наконец дошла очередь и до меня. Не говоря ни слова, он вручил мне паспорт; к нему был прикреплен лист бумаги, на котором стояла виза.

На следующий день в восемь утра я уже ехал в поезде, везущем меня в Китай. Через два часа мы должны были оказаться на границе в маленьком городке Ло Ву. Там, за железнодорожным мостом через небольшую речку, начиналась территория пробуждающегося дракона. На британской стороне был маленький ресторан и таможня. Я утомился от ожидания и стал прогуливаться там, где стоял на страже британский солдат. По мосту в Гонконг с грохотом проехал товарный поезд, на котором везли живых свиней, кур и продукты для жителей британского города. Солдат сказал, что это место в народе известно как «мост плача». Каждый день приходилось вылавливать толпы беженцев, которые переплывали речку, и возвращать их по мосту на противоположную сторону. Он рассказал, как они плачут и умоляют, как цепляются за перила моста, не желая возвращаться.

«Господь, — тихо молился я, — сделай так, чтобы наступил тот день, когда не будет мостов плача. Пусть наступит тот день, когда все человечество будет принадлежать единому царству Твоей любви».

Теперь мне предстояло произвести разведку для этого царства. Наконец британский таможенный чиновник сказал, что можно перейти мост. Мы пошли гуськом, осторожно ступая по шпалам. В нашей группе было около двенадцати человек, остальные были бизнесменами из Англии, Франции и Канады. На полпути зеленый цвет, в который были выкрашены балки моста, изменился. Мы очутились в коммунистическом Китае.

На этой стороне находился большой комплекс строений, аккуратных и бесцветных, и эта монотонность нарушалась лишь обилием герани, которая росла повсюду. Таможенным чиновником оказалась девушка, очень юная и очень опрятная. С такой же вежливой улыбкой, как у служащего в туристическом агентстве, она сказала: «Откройте, пожалуйста, свой чемодан».

Мое сердце заколотилось. Внутри, на самом верху, лежали китайские Библии, с помощью которых я намеревался проверить реакцию Китая на присутствие миссионера. Что будет делать эта молодая чиновница?

Я поднял крышку чемодана, открыв стопку Библий. И тут произошло нечто загадочное.

Таможенная чиновница не притронулась ни к одной вещи в моем чемодане. Она посмотрела на Библии, затем подняла на меня глаза: «Спасибо, сэр, —

сказала она все с той же улыбкой, — у вас есть часы? Фотоаппарат?»

Никакой реакции на то, что она увидела в чемодане. Ей было двадцать, может быть, двадцать пять лет. Неужели она никогда не видела Библии? Значит, она не имеет ни малейшего представления о том, что это такое?

Поезд в Кантон уже поджидал нас. Древний пассажирский вагон был безукоризненно чист, в маленьких вазах стояли свежие цветы, а проводница напоила нас горячим чаем. Когда поезд тронулся, я посмотрел на часы: мы шли по расписанию минута в минуту. Проводница, поискав в памяти нужные слова, обратилась ко мне по-английски.

«Наш поезд идет по расписанию», — сказала она.

Это было мое первое знакомство с понятием «наш» в современном Китае. Везде я слышал такие выражения, как «наш» поезд, «наша» революция, «наш» первый китайский автомобиль. На железнодорожном вокзале в Кантоне я увидел, каким образом возникали и

поддерживались эти патриотические чувства. Повсюду лежали кипы бесплатной, прекрасно отпечатанной литературы с красивыми иллюстрациями. То же в гостинице, где я остановился: везде брошюры — в вестибюле, в обеденном зале, на каждой лестничной площадке. В отелях печатная продукция была на европейских языках — немецком, английском, французском — явно в расчете на туристов. Но в остальных местах эта литература предназначалась

для своих граждан. Все журналы, газеты, фильмы и пьесы несли в себе некий подтекст. Мы благодарны революции. Мы ненавидим Америку.

Однажды вечером я пошел в театр, где выступала группа детей-акробатов. Маленький комедиант, изображавший проказника, все время пытался зажечь хлопушку. Но каждый раз, когда бикфордов шнур вот-вот готов был поджечь порох, герой пьесы успевал его затушить. С каждым эпизодом хлопушка становилась все больше, пока наконец не превратилась в атомную бомбу, наверху которой красовался огромный американский флаг. И опять в самый последний момент герой спас ситуацию и уничтожил бомбу. При этом все зрители от радости соскочили со своих мест и в порыве патриотизма дико захлопали в ладоши.

Другая тема пропаганды — революционный энтузиазм — была такой же неослабной и такой же отупляющей. Во время моего пребывания в Кантоне я посетил дом престарелых. По европейским стандартам он был очень примитивным, но старики выглядели довольными: одни ткали, другие убирали территорию, все были заняты каким-нибудь производительным трудом.

Руководитель этого дома, старушка лет за восемьдесят, приветствовала меня через переводчика и произнесла небольшую речь. Она говорила о том, какими счастливыми и полезными чувствуют себя старики после революции. «До освобождения, — сказала она, — стариков оставляли умирать в поле. Но после все стало иначе».

Пока говорила руководительница, остальные старики не смотрели на нас, но продолжали упорно работать. Каждый раз, когда она произносила слова «после освобождения», будто по команде все лица оживлялись. Все начинали хлопать. И когда старушка продолжала речь дальше, они опять возвращались к осуществившейся мечте своей старости.

Но если энтузиазм стариков казался не слишком добровольным, то с молодыми людьми было иначе. Моя юная переводчица в Шанхае явно обладала пылкостью евангелиста. «Раньше» Шанхай был известен своими проститутками, но «после революции» проституток забрали в трудовые лагеря, где научили полезным ремеслам. «Раньше» Китай славился самым низким уровнем грамотности в мире, но «после» он достиг больших высот в образовании. И так далее и тому подобное.

Такого рода разговоры все более побуждали меня увидеть китайскую коммуноу в действии. В конце концов, гиды были правительственными чиновниками, прошедшими специальную подготовку. Конечно же, средний рабочий не мог каждый раз излучать такое сияние при слове «после».

За время своего пребывания в Китае я посетил шесть коммун. В первой было более десяти тысяч человек. Именно здесь я впервые попал в дом простого китайца.

Я сам выбрал этот дом, маленький, с соломенной крышей, на боковой улице. Мне разрешили посетить

его без предупреждения. Дверь открыл старик. Вместе со своей старой женой и с неизменной улыбкой он продемонстрировал нам свое жилище. Было очевидно, что они гордятся им. Несколько раз они показывали запасы зерна в цилиндрическом ведре, сделанном из бамбука. Я спросил через переводчика, нет ли у них мышей. Старик засмеялся.

«У нас есть мыши, — сказал он, — но теперь мы их не боимся, потому что зерна достаточно и для нас, и для них. Но раньше было не так».

Раньше. Моя беда заключалась в том, что я не имел представления об этом «раньше». Я был обычным гостем в этой сложной стране, и мне не с чем было сравнивать. Например, в другой коммуне мне показали больницу, которая в Голландии считалась бы наихудшей из возможных. В операционной наверху не было освещения, на пустых полках не было лекарств, а в некоторых палатах отсутствовали не только простыни, но и матрасы. И все же гид явно хотел убедить меня, что это самое передовое достижение в этой области.

Но я не мог сравнить увиденное с тем, что было «раньше».

В Шанхае я решил разыскать секретаря У.М.С.А., с которым познакомился в Москве. Порасспросив в гостинице, к великой своей радости, я узнал, что У.М.С.А. все еще функционирует. Но когда я пришел туда, моя радость исчезла: я увидел там только старых дам, игравших в настольные игры. Все, что осталось от У.М.С.А., была вывеска Ассоциации.

Через переводчика я спросил о моем друге. К моему удивлению, о нем никто не слышал. «А вы не проверите?» — попросил я. Регистратор ушла на минутку, а потом вернулась, чтобы сообщить, что человека с таким именем никто не знает. «Этого быть не может! — настаивал я. — Этот человек работал здесь секретарем. Наверное, кто-нибудь помнит его имя. Может быть, еще раз спросите?»

На этот раз регистратор отсутствовала достаточно долго. Вернулась она с улыбкой. «Простите», — сказала она. Затем она произнесла фразу, которую с тех пор мне частенько доводилось слышать, если я искал какого-нибудь конкретного человека: «Вашего друга здесь нет. Он уехал».

Больше я ничего не смог узнать. Мне оставалось только догадываться, почему исчез этот христианский лидер. Я понял, что он уехал «навсегда» из этого города. Сколько христиан сегодня в Китае навсегда уезжают из своих городов?

В Москве этот секретарь говорил, что в Шанхае все еще функционирует библейский магазин. Я нашел его. Это был маленький магазинчик на боковой улочке, открытый для всех и заполненный самыми разными Библиями. В Шанхае любой мог купить эти книги, в то время как в Восточную Европу их приходилось ввозить контрабандой.

Управляющий приветствовал меня на английском языке и с гордостью показал свой магазин. На стене

висела картина, изображающая Христа в окружении детей. Все они были белокурыми и голубоглазыми.

Я взял со стола Библию. К моему удивлению, я прочитал, что книга напечатана в Шанхае.

«Издана здесь? — спросил я. — Не в Гонконге?»

Управляющий гордо выпрямился. «В Китае, — сказал он, — мы все делаем сами».

Он опечалился только тогда, когда я спросил, как идут дела. Я пробыл в магазине целый час, но за это время не увидел ни одного посетителя.

«Покупателей мало», — сказал он грустно.

«Сколько Библий в месяц вы продаете?»

«Немного».

Немного Библий. Немного покупателей. Правительство разрешало этому маленькому, смешному магазину торговать антикварной продукцией, потому что он не представлял собой никакой угрозы. Библии были не нужны в этой стране.

Я вспомнил, как пытался раздавать Библии в Китае. Первую я предложил моей переводчице в Кантоне. Она вернула ее, сказав, что ей некогда читать. Решив, что, возможно, опасно брать Библии на виду у всех, я решил оставлять их «случайно» в гостинице, когда уезжал. Но и этот номер не прошел. Каждый раз я не успевал уйти с этажа, как за мной уже бежала горничная

с Библией в руках: «Сэр, вы забыли свою книгу».

В отчаянии я попытался раздавать Библии прямо на улице. Мои гиды не возражали. Более того, они даже

сочувствовали мне, видя, как один за другим люди останавливались, чтобы посмотреть, что я раздаю, но потом возвращали книги обратно.

А теперь этот магазин. «Покупателей мало». Я покинул его, озадаченный еще больше, чем раньше. За всю свою историю Церковь много раз сталкивалась с преследованиями и всегда справлялась с этой напастью. Но, как оказалось, намного опасней было равнодушие.

Однако у меня еще оставалась надежда. Люди повсюду уверяли меня, что по-прежнему были открыты богословские семинарии. На первый взгляд это казалось невероятно радостной новостью. Но после посещения такой семинарии я уже не был в этом уверен.

Я приехал в школу, которая была расположена рядом с Нанкином. Там я встретился с ректором и одним из преподавателей в идеальной ситуации: оба говорили по-английски. Я был рад встретиться с христианами без любопытных переводчиков.

Однако, как только мы остались одни, в комнате повисла напряженная тишина, которую нарушал лишь звук разливаемого чая. Когда мы закончили чаепитие и никто так и не заговорил, я решил объяснить, зачем я приехал. Но, услышав слово «миссионер», они оба посмотрели на меня так, словно я сказал непристойность в священных стенах.

«Мы знаем, — заявил ректор, — что все миссионеры шпионы».

Он повернулся к профессору и сказал ему что-то по-китайски. Тот вышел из комнаты и через минуту вернулся с огромной книгой, открытой на странице с письмом миссионера своему правительству. В нем говорилось о природных богатствах, обеспечении продовольствием и недовольстве народа.

Следующие четверть часа профессор, тоже облаченный в синюю форму, ходил из библиотеки в кабинет и каждый раз приносил новый том, всегда открытый на помеченной страничке. Все книги были выпущены солидными западными издательствами. Как оказалось, некоторые миссионеры действительно снабжали свои посольства информацией. Мы на Западе никогда не видели конфликта между преданностью Христу и верностью своему правительству. Может быть, поэтому мы оставляем после себя искаженное представление о своей деятельности?

Как бы то ни было, мой визит в семинарию оказался чисто политическим делом. Ректор был членом местного совета и активно участвовал в международном коммунистическом движении. На стенах висели антиамериканские плакаты с неперменным и излюбленным сюжетом — китаец, преследующий американца с атомной бомбой.

Что касается самого обучения в этой семинарии, то я ничего не узнал о нем. Но каким бы оно ни было, ясно одно — оно облачено в воинственные антизападные одежды, которые носит сегодня весь Китай.

Что можно узнать о стране за один короткий визит, когда вам мешает незнание языка и вы вынуждены смотреть на все глазами переводчика, который, естественно, хочет показать вам только самое хорошее? Вы увозите с собой, пожалуй, лишь собственные впечатления. Многие из них были положительными: чистота; отсутствие нищих; рикши; честность. Некоторые огорчали: огромные, с полным штатом сотрудников столовые, в которых я был единственным посетителем; пустые улицы, по которым, казалось, ездил я один и где полицейский задолго до приближения моей машины останавливал пешеходов.

Некоторые впечатления были просто ужасающими. Помню, однажды ранним утренним рейсом я вылетал из Нанкина. Я одевался в гостиничном номере, когда услышал на улице крики. Подбежав к окну, я увидел внизу на площади сотни мужчин, женщин и детей, которые выполняли какие-то военные упражнения. В этот ранний час, прежде чем открылись фабрики и школы, все население маршировало, кричало, делало выпады и производило различные сложные маневры.

Я проезжал мимо площади на такси. Когда мы доехали до угла, упражнявшимся была дана команда «замри» и каждый должен был застыть в том положении, в каком застала его эта команда, — с приподнятой ногой, с вытянутыми руками. Казалось, что все эти руки тянулись ко мне, с указующими перстами, словно обвиняя.

В самолете я попытался забыть эти впечатления. Но меня преследовали глаза этих людей. Неужели вместе с моими соотечественниками я действительно был в чем-

то виноват перед ними? Какими представителями Христа мы были для них? Если наше отношение к китайцам сделало их противниками Запада, это было трагично, но если оно сделало их противниками Бога, это была невосполнимая утрата. Я все вспоминал слова руководителя коммуны, которые он сказал в ответ на мое желание посмотреть их церковь.

«В коммунах, сэр, — ответил он гордо, — вы не найдете церквей. Видите ли, религия нужна для беспомощных людей. Мы в Китае больше не беспомощны».

Было воскресенье, восемь часов утра; я сидел на кровати в гостиничном номере в Пекине, ожидая гида. Часом раньше я сказал ему: «Сегодня я хотел бы пойти в церковь».

Он обещал помочь, но уверил меня, что действующих церквей в Пекине очень мало — особенно протестантских. Прошло полчаса. Если он сейчас не придет, я опоздаю на утреннее служение. Но как раз незадолго до девяти он вернулся, и его всегда торжественное лицо сияло улыбкой.

«Сэр! — сказал он, словно обнаружил для меня нечто исключительно странное и редкое. — Я нашел *вашу* церковь. Идите со мной».

Маленькая церковь была неприветливой и неприглядной, и я не удивился, что мой гид отказался войти внутрь. Я один прошел через ржавые железные ворота и очутился в большой голой комнате. Во всем помещении было только два ярких пятна: на одной из

женщин был надет красный жакет, а рядом с кафедрой стоял красный китайский флаг.

Я сел сзади как раз в тот момент, когда какая-то старушка просеменила к маленькому расстроенному пианино и стала играть. Она исполняла английский гимн XIX в., который очень странно звучал здесь, в Китае. Я насчитал в собрании пятьдесят шесть человек и, думаю, был единственным, кому еще не было шестидесяти. Древний старец с редкой бородкой и выцветшими водянистыми глазами встал и начал читать проповедь. Большая часть прихожан спала.

Мое сердце рвалось к этим старым людям, державшим тонкую нить веры, которую так давно принесли им миссионеры. Но какие шансы были у Евангелия в этой стране, если в него верили только старики? Какой шанс был у меня, если оно на каждом углу ассоциировалось со вчерашними империями? Я был рад, что мой гид остался на улице. Я пытался доказать ему, что нет ничего более великого и прекрасного, чем христианство. Но эта церковь подтвердила бы мои заявления? Когда я вышел к нему после богослужения, я подумал, что если эта община отражает реальное состояние современного китайского христианства, тогда правительству будет очень легко подавить его окончательно. Для этого не нужно будет больших усилий.

Я уехал из Китая с тяжелым чувством. У меня была только одна надежда на то пренебрежение, с которым правительство относилось к Писаниям. Чиновники нисколько не пытались предотвратить ввоз Библий из-

за границы, так как сами разрешали их продажу и даже издание. Они явно недооценивали Библию, и, может быть, именно это было тем шансом, который давал нам Бог. На собственном опыте я знал, что Святой Дух использует Библию как мощное оружие. Ведь я сам обратился, просто читая эту книгу.

Но, кроме того, Святому Духу нужны были люди в Китае. Преданные, пылкие духовидцы. И даже такой поверхностный визит показал мне, что во второй половине XX в. эти люди должны быть не с Запада. Чтобы служить китайцам, Богу нужны китайские руки и голоса.

Поэтому, вернувшись в Голландию, к молитвам Корри, Ханса и Рольфа с Эленой я прибавил еще одну. Мы стали просить, чтобы каким-нибудь образом к нам присоединились китайские христиане и несли бы в своей стране то служение, которое история сделала для нас невозможным.

Глава двадцать первая

Двенадцать апостолов надежды

Тем временем стало ясно, что нам нужно увеличить количество членов команды. Не только для работы в Китае, но и в других местах. Мало пользы, если мы появимся в стране с обещанием любви и заботы, а потом о нас никто больше не услышит. Мы хотели регулярно посещать все коммунистические государства, по крайней мере раз в год, а в идеале еще чаще. Хорошо было бы приезжать парами, потому что мы поняли, что пара выглядит лучше, чем одинокий миссионер. Но где отыскать достаточное количество партнеров, чтобы осуществить эти желания?

Дело не в том, что нам было трудно найти добровольцев. Почти после каждого нашего выступления люди предлагали свою помощь. Проблема заключалась в том, чтобы узнать человека, посланного нам Богом. Пытаясь отделить искателей приключений и просто любопытных, я часто говорил: «Как только начнется ваше служение за Занавесом, свяжитесь со мной и давайте посмотрим, сможем ли мы работать вместе».

Однажды так и произошло. Я получил письмо от молодого голландца по имени Маркус. «Не знаю, помните ли вы речь, с которой выступили в библейском

колледже Суонси в Уэльсе, — писал он. — Вы сказали: "Когда вы начнете работать за Железным занавесом, мы сможем поговорить о взаимном сотрудничестве". Итак, я здесь. Поэтому давайте поговорим». Письмо было со штемпелем из Югославии.

«Взгляни-ка на это!» — сказал я Корри. Она прочитала письмо Маркуса. Неужели этот человек был предназначен для совместной работы с нами? Мы решили, что, если он опять напишет нам, мы примем его предложение всерьез.

Через несколько месяцев мы снова услышали о Маркусе. Он приехал в Югославию во второй раз. В третьем письме из Югославии он сказал, что выполнил наше условие. Теперь он хотел встретиться с нами.

Однажды Йоппи вбежал в кабинет, где я пытался разрешить извечную проблему с корреспонденцией.

«Папа, приехал Маркус».

Я вскочил из-за стола и сбежал вниз по лестнице. Он понравился мне сразу, как только я увидел его. За чашкой кофе он рассказал о своих приключениях в Югославии. Он уехал с грузом литературы, которую раскладывал на прилавках магазинов или на скамейках в парке. Затем вставал рядом и, когда люди подходили, начинал разговаривать с ними. Это был довольно скучный вид благовестования, признался он, но он учился.

«Думаю, я разрешу тебе поехать с Рольфом, — сказал я. — Он представит тебя некоторым пасторам и членам церкви. Поговори с ними, Маркус. После

возвращения скажешь, хочешь ли ты продолжать работать с нами».

Рольф с Маркусом ездили по Югославии и Болгарии три недели. Когда они вернулись, мне не надо было спрашивать Маркуса, хочет ли он стать членом нашей команды. Ответ на этот вопрос я увидел у него на лице.

«Я все представлял совсем не так», — сказал он.

Так Маркус присоединился к нашей маленькой группе.

Но с его приходом нам показалось, что объем работы не уменьшается. Скоро нам всем пришлось ездить еще больше, чем раньше.

Через два месяца после включения Маркуса в нашу группу, мы с Хансом отправились из Европы в единственную коммунистическую страну Нового мира. Мы работали в Чехословакии, когда получили визы на Кубу. Это была первая поездка Ханса в Америку. Какой контраст с холодной и серой Прагой! В Гаване нас встретило жаркое солнце и ослепительно белые здания. Люди были веселыми и хорошо одетыми. В автобусе по пути из аэропорта в Гавану все пассажиры через некоторое время начали петь.

Ханс отправился прямо в провинцию Ориенте на востоке острова, а я остался в столице и поселился в гостинице «Гавана Либре». Я не удивился, когда получил обычную повестку в полицейский участок. Я также не удивился и долгому ожиданию в коридоре, потому что все бюрократические страны одинаковы.

Полицейский офицер буквально ошетинился, заметив меня. «Зачем вы тут очутились?» — спросил он на плохом английском.

«Я приехал проповедовать Евангелие», — сказал я. У него в руках был мой паспорт со штампами России, США и других стран. Явно, он подозревал более сложный мотив. Он задал мне много вопросов, много записывал и наконец позволил вернуться в гостиницу. Меня вызывали еще четыре раза, но тем временем я уже начал проповедовать. Церковь, в которой я собирал народ, была относительно большой. Это было красивое здание с органом, пастором и ровно двумя членами официальной церковной общины. Когда-то здесь было много народу, но антирелигиозная кампания разогнала верующих. Тогда снаружи собирались толпы людей, во время богослужений были слышны крики и грохот громкоговорителей и на собрания приходилось идти по тротуарам сквозь строй полицейских.

В первый же вечер послушать меня пришли тридцать пять кубинцев. Во второй вечер вернулись первые тридцать пять, в третий и четвертый появилось шестьдесят, а затем более ста. Конечно, некоторые из этих «верующих» были полицейскими, но я был рад, что они меня слышат. Я очень старался сконцентрироваться на проповеди Евангелия и держаться подальше от политики. Но внутри этих ограничений, одинаковых для любого полицейского государства, я был поражен остальными свободами — свободой собрания, перемещения и самовыражения, — которые существуют на Кубе в отличие от стран, где коммунистический режим утвердился раньше.

В следующие недели я ездил по районам, прилегающим к Гаване, и выступал в различных церквях много раз на дню, собирая все большее количество людей — иногда до шестисот человек. Я говорил по-английски и всегда находил переводчика. Мы с Хансом постоянно держали друг с другом связь по телефону; он рассказывал, что в Ориенте полицейский контроль был жестче, а люди более боязливы, чем в Гаване. Там, оказывается, находилась американская военная база.

Мы с Хансом в первую очередь старались сообщить людям, что мы из Голландии. Для них это имело большое значение. Антиамериканская кампания была на Кубе в самом разгаре, и даже в церкви отношение аудитории к людям с Запада было неоднородным. Правительство старалось подчеркнуть тот факт, что большая часть протестантских церквей на Кубе была основана американскими миссиями.

Однако и католические, и протестантские церкви при новом режиме оказались в одинаковом положении, и больше всего страдало духовенство. Священники и служители были названы непроизводительными членами общества. Им не давали талонов на продукты и одежду и часто вынуждали работать в трудовых батальонах, которые были предназначены для тех, кто не мог служить в армии. В такие группы набирались наркоманы, гомосексуалисты, преступники и вместе со священниками отправлялись в поля резать сахарный тростник.

И все же большая часть этих смелых людей оставалась на своем посту. Церкви были открыты для всех: духовный голод был огромным. Везде, где мы с Хансом выступали, собиралось множество людей. В окна и двери заглядывали посторонние, чтобы посмотреть, что у нас происходит. Иногда нам казалось, что лучше вообще устраивать собрания не в церкви. Помню, однажды я сидел на скале над океаном и разговаривал с группой студентов университета, в то время как по дороге внизу постоянно курсировал джип с вооруженными солдатами.

Куда бы мы ни ходили, везде люди спрашивали о преследованиях верующих в коммунистических странах, которые мы посетили. Они задавали вопросы, которые показывали, что они в курсе всех событий. Их интересовало, что с подростковым центром Дейвида Уилкерсона в Нью Йорке, где теперь Билли Грэм, что это за движение, которое провозгласило, что Бог мертв. Вот так мы узнали о том, что на Кубу обычной почтой поступали регулярные религиозные публикации даже из Соединенных Штатов.

За несколько месяцев до нашего приезда Кастро объявил о своем решении позволить всем, кто хочет, покинуть страну. Сотни тысяч людей записались в список желающих. Однако с Кубы каждый день улетало только два самолета. Понадобилось бы десять лет, чтобы вывезти с острова только те девятьсот тысяч, которые были в списке. Тем временем те, кто стояли в очереди на выезд, теряли работу, жилье и собственность. И все же каждый день сто девяносто человек покидали Кубу, а другие твердо верили, что их черед скоро наступит. Мы чувствовали, что самое

большое влияние мы оказываем именно на тех, кто ждал своей очереди на отъезд.

Как и в Восточной Европе, мы призывали наших слушателей подумать о судьбе христианина в то время, когда его страна была в беде. Бежать или остаться? Жизнь на Кубе в 1965 г. была нелегкой. Но, может быть, Бог имел веские причины на то, чтобы поместить их в таком месте и в такое время? Может быть, они станут Его орудием, Его исцеляющими руками, Его представителями на этой земле.

Однажды вечером, когда я высказал подобную мысль, из зала поднялся дородный, хорошо одетый мужчина с густыми черными усами. «Я методистский служитель, — сказал он собранию, — хотя в течение последних двух лет я работал парикмахером. Но Бог говорил со мной сегодня вечером. Я собираюсь вернуться к служению. Я пастырь, который оставил Его овец, но теперь я возвращаюсь к ним».

Началось что-то невообразимое. Все в церкви кинулись пожимать ему руки. Я слышал крики радости, плач и возгласы: «*Gracias, pastor!*»¹

Мы видели много подобных случаев. Одна пара уже готовилась выкупить долгожданные авиабилеты, и через две недели они должны были улететь. Но после нашей встречи решили остаться. «Теперь, — сказали они, — Куба — наше миссионерское поле».

Когда мы сели на самолет, вылетающий из Гаваны, мы с Хансом уже знали, что Куба стала и

¹ Спасибо, пастор! (исп.)

нашим миссионерским полем. Это была страна, открытая практически для всех; тут можно было свободно приобрести Библии, религиозные книги и вообще любую литературу. Страна, где малейшая искра воодушевления, падавшая в щедрые и эмоциональные латинские сердца, зажигала огонь любви, преданности и жертвенности.

На следующий год после поездки на Кубу мы наконец получили визу в самую жестко контролируемую страну коммунистического режима. Туда было очень трудно попасть, а попав, с кем-то связаться. Нам понадобился весь наш оптимизм, чтобы не пасть духом. Я говорю, конечно, о крошечной Албании.

Я был далеко в Сибири, когда наша группа получила возможность въезда в эту страну. Французское туристическое агентство впервые в современной истории организовало двухнедельный тур в Албанию. Рольф и Маркус присоединились к туру как «учителя» из Голландии.

Они не повезли с собой Библии, потому что за несколько лет до этого мы узнали, что албанских Библий не существует вообще. Более того, не было и албанского языка, на котором можно было бы напечатать Библии. В этой крошечной стране с населением в полтора миллиона человек существовало по крайней мере три совершенно разных диалекта: шкиптарский, гегский и тоскский. Единственные Библии, имеющиеся в стране, в римско-католических церквях были на латинском языке, а в православных —

на греческом. Остальные жители страны были мусульманами.

Американское библейское общество сообщило нам, что у них есть Новый Завет на шкиптарском диалекте. Он был переведен в 1824 г. и находился в их библиотеке, и, похоже, других экземпляров не сохранилось. После революции делались попытки создать албанский язык, но мы не могли надеяться, что в эти планы входит публикация новой Библии.

Рольф и Маркус повезли с собой брошюры и отрывки из Писания на всех трех албанских диалектах. И когда албанские таможенники даже не открыли их чемоданы, они решили, что им исключительно повезло. В Албании существовал строгий закон, запрещающий ввоз любых печатных материалов, причем их содержание не имело никакого значения, поскольку все это считалось «пропагандой». Маркус и Рольф были уверены, что на границе их литература будет конфискована. Поэтому, поселившись вместе со своим грузом в гостинице в Тиране, они почувствовали воодушевление.

Но они недооценили хорошо вымуштрованных и законопослушных албанцев. В течение двух недель они пытались раздать свои брошюры с отрывками из Писания. Но все албанцы вели себя одинаково — они убирали руки за спину. Они не только не брали брошюры, но даже не прикасались к ним. Даже католический епископ, которому Рольф попытался дать Евангелие от Иоанна, повернулся и ушел, словно его обидели.

Наконец, в отчаянии, они оставили кучку брошюр на одном из подоконников на центральной улице деловой части города, решив, что прохожие, возможно, потихоньку разберут их. К их ужасу, на следующий день за девяносто километров от столицы их догнали двое полицейских. В это время группа обедала. Полицейские потребовали признаться, кто из них положил на улице брошюры. Дело было не в проницательности детективов. Наши ребята быстро сообразили, что навело полицию на их след: они были здесь единственной группой иностранцев. Чтобы предотвратить неприятности для всех остальных туристов, Маркус и Рольф признались в содеянном и пообещали прекратить «политическую» деятельность. Никто не взял ни одной брошюрки из оставленных ими на улице.

Так, имея в виду перспективу будущей работы с литературой в Албании, результаты их путешествия могли показаться крайне обескураживающими. Что касается других аспектов поездки, оба вернулись со смешанным чувством. Албанцы были самыми радушными, самыми дружелюбными людьми из всех, кого мы встречали в наших поездках. Но та же любовь изливалась и на лидера страны, Энвера Ходша. Ибо Ходша трудился во благо народа, они не сомневались в этом. Эта маленькая страна с незапамятных времен была полем боя для других стран, и в ней господствовали то турки, то итальянцы, и, вероятно, теперь впервые в истории государством руководило правительство, предметом интересов которого был народ Албании.

Но даже если бы местные жители говорили по-китайски, Рольф и Маркус не чувствовали бы себя более растерянными, пытаясь наладить полноценные контакты с людьми. Маркус говорил немного по-итальянски и надеялся пообщаться с албанцем, который понимает этот язык. Но даже когда ситуация казалась идеальной, разговаривать было почти невозможно. Это была страна, где никто ничего не знал, никто ничего не помнил.

«Скажи, друг, — обращался Маркус к фабричному рабочему в пустом коридоре, — ты давно здесь работаешь?»

Улыбка и неопределенный жест. «Трудно сказать, синьор».

«Сколько часов в день ты работаешь?»

«А! По-разному. Как когда».

«Ну, а сколько человек работает на фабрике?»

Улыбка становится еще шире, и он еще больше пожимает плечами. «Кто знает? Кто считал?»

Маркус и Рольф решили, что существует нечто вроде заговора молчания, направленного против любопытства иностранцев.

Единственный раз этот барьер был частично преодолен в разговоре с несколькими священниками. Но даже тогда общение превратилось в осторожный обмен словами, когда важнее не то, о чем говорится вслух, а то, что умалчивается. Один молодой католический священник, как они поняли, был искренне рад видеть их, страстно желая услышать о

жизни на Западе и рассказать о своем собственном положении. Его церковь была римско-католической, пока диктаторская политика Мао не вынудила его порвать все связи за рубежом. Теперь они называют себя Национальной католической церковью.

«А отношение к вам правительственных чиновников? — спросил Маркус. — Правительство предоставляет вам независимость?»

«Правительство официально не вмешивается в религиозные дела».

«Значит, у вас есть свобода совести?»

«По закону, да».

«Вы можете с кафедры сказать все, что хотите?»

«Мне следует ответить "да"».

И так далее. Долгий, утомительный разговор с недомолвками, в котором ничего не было сказано явно, но на самом деле сказано все. От этого молодого священника они услышали поразительную новость, в которую с трудом поверили: в одной из греческих православных церквей есть Библия на новом албанском языке!

Маркус и Рольф немедленно попросили отвезти их в эту церковь. Православный священник встретил их очень милостиво. Да, у него есть совершенно новый перевод Евангелий, который лежит на главном алтаре церкви. Они хотят посмотреть? Да, конечно!

Он провел их по проходу древней базилики. Даже на расстоянии они увидели на алтаре огромный том в переплете, украшенном драгоценными камнями. И

вдруг в четырех ярдах от алтаря священник остановился так внезапно, что Рольф наскочил на него. Несколько мгновений все четверо стояли в молчании, глядя на сокровище, возвышавшееся перед ними. Когда священник повернулся, чтобы уйти, Рольф выпалил: «Но я хотел бы подойти поближе! Можно посмотреть на него? Я имею в виду, открыть? Увидеть страницы?»

Когда гид перевел его слова, глаза священника расширились от ужаса. Поближе? Но только рукоположенному служителю можно подходить к Священному Писанию ближе чем на четыре ярда!

Тогда, промямлил Рольф, какой смысл в новом переводе? Поскольку священники могли читать по-гречески, зачем им эта Библия?

Ну, как же, чтобы носить во время торжественных процессий! Чтобы принимать от людей почтение и поклонение. Для чего же еще нужна Библия? И подумайте, какое утешение должны получать верующие, зная то, что Сам Бог заговорил на новом языке великого народа Албании.

Итак, Рольф с Маркусом вернулись, посмотрев на эту Библию издалека. Душа этого народа осталась для них загадкой.

Тем временем, наша работа в остальной части Европы набирала силу: каждый месяц мы ездили больше, чем в предыдущий. Конечно, с увеличением числа поездок возрастала и опасность попасть в списки неблагонадежных. Мы старались никогда не посылать одних и тех же людей в две поездки подряд. Если в

первый раз отправлялись двое мужчин, в следующий мы старались послать мужчину и женщину.

Так, в 1966 г. в Россию поехали Рольф с Эленой.

С притоком туристов в эту страну увеличился и объем ввозимой контрабанды, а потому количество таможенников на границе утроилось. В газетах постоянно печатали сообщения об арестах, штрафах и тюремном заключении нарушителей закона. На этот раз Рольф с Эленой везли особенно большую партию Библий в фургоне «Опеля». Перед их отъездом мы с Корри молились с ними всю ночь.

«Помните, — сказал я, — что все те, кого поймали, надеялись на собственный ум. И, может быть, у них были неблагоприятные мотивы. Ненависть и жадность — очень тяжелый груз. Вами же движет любовь. И вместо того чтобы гордиться собой и своей хитростью, вы признаете свою слабость вы настолько слабы, что должны полностью положиться на Дух Божий»

Рольф рассказывал нам позже, что наше предчувствие опасности было верным. Подъехав к границе, они увидели не одного, а шесть офицеров безопасности. Рольф велел Элене молиться о том, чтобы Бог смешал их мысли. «И не прекращай молиться, пока мы не пересечем границу».

Они встали в очередь. «Здравствуйте!» — сердечно приветствовал их Рольф. Он вышел из машины и обошел ее, чтобы открыть дверь для Элены.

Один из офицеров держал в руке листок бумаги. Рольф и Элена непринужденно беседовали о том, какой

необычный медовый месяц они провели в путешествии по странам Восточной Европы.

«Однако вы приезжаете сюда не первый раз», — сказал офицер с бумагой в руках. Он зачитал одно за другим названия всех городов, которые мы с Рольфом посетили в наш последний приезд в Россию.

Это буквально потрясло Рольфа.

Проверка, казалось, не кончится никогда. Два офицера осматривали фургон внутри, а три других стояли снаружи: они проверяли мотор, шины, колпаки ступиц. Они поднимали и опускали стекла, простукивали обшивку.

«Смешай их мысли»

И все это время один офицер не участвовал в проверке, а внимательно следил за лицами Рольфа и Элены. Это была тонкая психологическая игра. Офицер мог многое понять по едва уловимым деталям — натянутой улыбке, попытке выдать из себя непринужденный смех, быстром взгляде, капельках пота, выступивших на лбу.

«Давайте помогу», — сказал Рольф одному из таможенников, когда тот пытался вытащить из фургона сложенную палатку. Он сам открыл багажник, вытащил запасные шины, снял крышку воздушного фильтра. И все это время Элена молилась.

В конце концов проверяющие прекратили обыск, потому что проверять было нечего. Человек с бумагой в руках подошел к Рольфу. «Вы были в России всего несколько недель назад. Скажите, зачем вы приезжаете так часто?»

Рольф наклонился над фургоном, сворачивая палатку. «Видите ли, — сказал он, — нам с другом так понравилось в вашей стране, что я решил привезти сюда свою жену. Но для этого есть и другая причина. Мы любим российский народ. Особенной любовью».

Офицер смотрел на Рольфа так, словно желал заглянуть ему в душу. Но в машине ничего не нашли. Поэтому он вернул Рольфу документы и с явной неохотой дал сигнал открыть шлагбаум.

Рольф и Елена с трудом верили в то, что произошло. Отъехав от границы, они плакали и смеялись одновременно. Ибо в их фургоне целыми и невредимыми остались лежать сотни Библий. Таможенники искали буквально в миллиметре от них. Конечно, они были спрятаны не лучше, чем мог бы спрятать любой искатель приключений. В чем же была разница?

Рольф и Елена знали это.

Через год после вступления в нашу команду Маркус тоже женился. Итак, теперь нас было семеро: я с Корри, Рольф и Елена, Маркус и Паула и холостяк Ханс. Затем к нашей работе присоединились Клас и Эдуард с женами.

Клас и Эдуард были школьными учителями на юге Голландии. Клас преподавал французский, а Эдуард — математику. Однажды после нашего выступления они пришли к нам в дом вместе со своими женами. У них было много вопросов. Они не говорили, что хотят работать с нами. Они хранили свое желание в секрете,

дав Господу возможность открыть для них двери таким образом, что сомнений в их призыве не оставалось.

Как только я увидел этих четырех человек, я почувствовал, что они будут работать с нами. И все же я не мог просить их бросить школу и взяться за работу, которая означала бы отсутствие зарплаты, много опасностей и длительные поездки. Я должен был быть абсолютно уверен в том, что Сам Господь организовал нашу встречу. Поэтому я тоже не стал говорить о своей надежде никому, кроме Корри.

В результате и мы, и они молились об одном и том же, но не делились своими желаниями, чтобы не оказать друг на друга давление.

Божий ответ пришел через несколько месяцев довольно неожиданным образом. Однажды Клас и Эдуард получили по заказному письму. Директор школы предупреждал их о том, что если они не перестанут проповедовать Евангелие на уроках французского и математики и если не прекратят собирать у себя дома по вечерам учащихся на молитвенные собрания, то в конце текущего семестра их попросят уйти из школы.

Сначала Клас и Эдуард расстроились. Среди родителей и учеников они пользовались отличной репутацией. Когда они сообщили нам эти новости, я тоже огорчился. Я старался понять, как христианам следует поступать в таких случаях, поскольку их «евангелизация» на уроках сводилась всего лишь к упоминанию о вечерних собраниях, которые проводились вне территории школы. И затем я вдруг понял!

«Корри! — позвал я. — Корри, послушай, какие потрясающие новости!»

Корри прибежала из кухни: «В чем дело?»

«Клас и Эдуард потеряли работу!»

Корри решила, что я шучу. Затем она тоже поняла. Конечно! Разве это не Божий способ сказать, что Клас и Эдуард должны работать с нами? На той же неделе мы поехали в школу и рассказали обеим парам о наших долгих молитвах, в которых просили, чтобы они стали членами нашей команды.

Клас и Эдуард посмотрели друг на друга и рассмеялись. Затем они сообщили нам, что в течение всех этих месяцев просили Бога показать, нужно ли им уходить из школы, чтобы присоединиться к нам. Это признание стало для меня самой лучшей новостью.

«Я хочу спросить только об одном», — сказал Эдуард.

«Что такое, Эд?»

«Больше всего на свете мне бы хотелось помогать разбирать корреспонденцию и участвовать в организации работы». Затем торопливо, словно пытаясь убедить меня, он добавил: «Я ответственный и аккуратный человек, и я очень люблю эту работу. Как вы думаете, мне можно будет работать в офисе?»

Я посмотрел на Корри. Она с огромным трудом сдерживалась, чтобы не засмеяться. Даже на тот момент писем накопилось так много, что одна из наших кофейных чашек затерялась в этих кипах на несколько

недель. И вот без наших молитв пришло Божье решение.

«Ну, что ж, Эдуард, — сказал я, — думаю, мы сможем разрешить и этот вопрос».

Двенадцатый член нашей команды — необычный парень: он словно состоит из множества разных лиц. Когда мы разговариваем с различными людьми в Европе и Америке, нас постоянно спрашивают: «Можно съездить с вами хотя бы разочек?»

Мы стали молиться о таких просьбах. Мы подумали, а может быть, действительно стоит включать в нашу команду временных работников?

В качестве эксперимента однажды мы сказали «да» и обнаружили, что этот вариант партнерства весьма эффективен. Такая система давала возможность за короткий срок научить человека тому, чего мы сами достигли за долгие годы. И после того как его активная работа в группе прекращалась, он становился нашим молитвенным партнером. Но самым серьезным и неожиданным достоинством такого вида сотрудничества стало возникновение и увеличение таких же, как наша, групп в других странах.

Мы считаем, что наша команда достигла оптимального размера. Мы не стали организацией, мы — организм, живая и действенная ассоциация отдельных людей, которые знают друг друга очень близко, искренне заботятся друг о друге и чувствуют взаимное уважение, так что правила и распоряжения становятся ненужными. Благодаря малочисленности

нашей группы, любой член команды может ежедневно молиться за своих братьев: за всех вместе и каждого в отдельности, ходатайствуя за их личные нужды и за успех их конкретной миссии. И почему не помочь возникновению двадцати, пятидесяти, сотни подобных групп там, где звучит призыв, — чтобы каждая, выполняя собственное конкретное предназначение, трудилась ради приближения Царства Божьего?

В этом и заключается роль временных участников. После ознакомительной поездки такой человек едет домой, убежденный, что подобная работа возможна и необходима. «Когда я вернулся, я два месяца не мог говорить ни о чем другом, — рассказывал один студент Библейского института, основанного Дуайтом Мооди в Шотландии. — Этим служением заинтересовались еще трое студентов, и теперь мы планируем поездку в Югославию этим летом».

Подготовка миссионеров стала важной частью нашей работы. Однако, когда мы берем людей в качестве временных участников, мы требуем выполнения двух условий. Мы настаиваем на том, чтобы каждый пережил личную встречу со Христом и научился работать под водительством Святого Духа. Мы подчеркиваем важность отсутствия отрицательного отношения к людям в работе с коммунистами. Если человек испытывает неприязнь к какому-либо правительству, если он больше говорит о пороках коммунизма, чем о благодати Божьей, тогда мы начинаем подозревать, что это воин, плохо вооруженный для предстоящей битвы.

Итак, работа продолжается. Она все время меняется и всегда остается новой.

Сегодня Библии в Югославию можно привозить легально. Мы больше не ввозим их как контрабандный товар, потому что библейский магазин снова открыт и процветает. Более того, в прошлом году мы дали Джамилю тысячу долларов, чтобы он купил на них новые Библии для тех церквей, у которых для этого нет денег. Трудно поверить, что я знаю Джамиля вот уже десять лет.

В Болгарии Авраам все так же ищет своих голиафов. Только теперь у него есть новые камушки для пращи — карманные Библии, которые мы привозим ему сотнями. В течение следующих двух лет мы хотим издать карманные Библии на языках всех стран, куда мы ездим, включая албанский. Когда мы получим такие Библии, мы верим, что Бог покажет нам средства, при помощи которых мы отдадим их в руки тех, кого Он избрал.

В Восточной Германии мы теперь можем проводить массовые евангелизационные собрания почти без помех. Однажды я сам проповедовал четырем тысячам человек: две тысячи сидели в большом конференц-зале, и еще две тысячи стояли в проходах и вестибюлях, а также слушали через громкоговорители снаружи.

С появлением в нашей команде Класа и Эдуарда с женами мы теперь можем ездить в каждую из стран по меньшей мере раз в год. Этой весной я снова посетил Кубу. С Божьей помощью до конца 1967 г. я успею побывать еще в двух государствах: Северной Корее и Северном Вьетнаме. Конечно, в какие-то страны мы

можем ездить и чаще. Но если кто-то слишком примелькается в одном месте, его заменяет другой.

Мы увидели, в чем еще нуждаются пасторы за Занавесом, и доставляем им необходимое с Божьей помощью. Речь идет об автомобилях. Машина для пастора — это пара крыльев, которые могут переносить его в деревни и города, где годами не бывает богослужений. Легкий на подъем пастор может помочь христианским общинам объединяться друг с другом.

Первая такая машина была доставлена Вильгельму и Мар на юге Восточной Германии. Когда я в одном из разговоров упомянул, что Вильгельм с мучительным кашлем преодолевает на мопеде тысячи миль в год, несколько голландцев решили пожертвовать для него большую сумму денег.

«Анди, — сказали они, — мы даем тебе эти деньги для конкретной цели. Мы считаем, что у Вильгельма должен быть автомобиль. Пожалуйста, купи его и отдай от нашего имени».

Вильгельм не поверил своим глазам, когда однажды я подъехал к его дому в саксонских горах и вручил ему ключи от новой машины. Мар теперь пишет, что его кашель почти полностью прошел. Тот первый автомобиль Вильгельма уже отработал свой срок, и те же голландские друзья подарили ему вторую машину. Он тоже стал миссионером и вместе с членами своей восточногерманской группы ездит на этой машине в Польшу и Чехословакию, проводя там собрания.

Это самая радостная весть для меня — то, что христиане одной страны за Занавесом помогают своим

братьям в другой. Такое служение несомненно соответствует планам Божиим. Смелый остаток Его Церкви, разбросанной по многим странам, обретает силу, объединяясь, и расстается со своими страхами, стараясь поддержать друг друга. У таких миссионеров нет денег для поездок за рубеж, но мы можем помочь им. И им намного легче, чем нам, добиваться свободы передвижения в странах коммунистического блока, свободы проведения собраний и обмена письмами. Одна чехословацкая церковь, с которой мы работали, послала своих миссионеров в Бразилию и Корею, и там они служат вместе с миссионерами с Запада.

Мы живем в меняющемся мире. Не все изменения добрые. В одном месте ограничения снимаются, в другом усиливаются. Примерно в одно и то же время в Белграде открылся библейский магазин, а в Венгрии началась новая волна преследований христиан. За последние несколько месяцев в Китае, к великой радости солдат Красной армии, были сожжены сотни тысяч Библий и сборников гимнов. Может быть, это событие ознаменовало конец периода несколько презрительного отношения китайского правительства к христианству и начало новых гонений на верующих.

Но Бог не признает поражения. Люди могут противостоять Ему, нападать, сопротивляться, но никогда не нужно сомневаться в исходе битвы. Каждый день мы видим новые доказательства того, что воистину все — и даже злые дела — служат во благо всем, кто носит Его имя.

В Румынии есть римско-католический священник, которому мы помогали покупать Библии и восполняли другие его нужды в течение многих лет. Во время возвращения из последней поездки в Вену таможенники обнаружили в его машине Библии, которые он вез тайком.

Священник был в ужасе. Он уже сидел в тюрьме по ложному обвинению, но теперь совершил реальное преступление и знал, что будет сурово наказан за это. В то время в Румынии стоимость Библии равнялась месячной заработной плате, а он вез около двухсот Библий.

Но как раз в этот момент к границе подъехала другая машина. Из нее вышел бизнесмен, который был на короткой ноге с местными таможенниками. При виде огромного количества Библий, выгруженных из автомобиля священника, он остановился как вкопанный. «Библии? — спросил он. — Слушайте, продайте мне эти Библии. Они ведь конфискованы, правильно?»

«Да, они конфискованы, но мы не можем их продать».

Бизнесмен подмигнул. «Даже за» — он наклонился и сказал на ухо офицеру сумму. Глаза таможенника округлились.

«Неужели они действительно того стоят?»

«Больше. Я на них еще заработаю».

Чиновники на минутку призадумались. «Подождите, мы посоветуемся». Они пошептались, затем вернулись к бизнесмену, решив, что цена

достаточно высока, чтобы можно было поступиться своими принципами. Бизнесмен заплатил наличными, загрузил Библии в машину и уехал в Румынию.

В помещении повисла неловкая тишина. «Вы мне все еще предъявляете обвинение во ввозе Библий?» — спросил священник.

«Библий? — переспросили чиновники. — Какие Библии? Где вы видите Библии? Вы лучше езжайте, пока ворота открыты».

Библии, естественно, отправились на черный рынок, но по крайней мере они благополучно попали в Румынию, где верующие как-нибудь наберут денег, чтобы купить их.

Но из всех знамений нашего времени самым вдохновляющим для нас является все более возрастающая свобода передвижения в коммунистических странах. Каждый год туда приезжают тысячи людей с Запада, и несколько сотен из них едут с желанием найти своих братьев-христиан. Даже люди, никогда не мечтавшие стать миссионерами, могут теперь помочь нашему делу, что раньше было просто невозможно. Контрабанда Библий — опасное дело, но многие таможенники ничего не скажут, если среди личных вещей путешественника увидят одну Библию на местном языке (которую можно приобрести в Библейских обществах). Китай и Албания — единственные страны, где оставленная на столе или забытая на прилавке Библия не скоро найдет жаждущую истины душу.

Тысячи туристов, тысячи Божьих посланников посещают не только музеи и фабрики, но также находят места, где христиане встречаются, чтобы поклоняться Богу. И кто-то из этих гостей встанет на собрании и скажет исцеляющие слова: «Приветствуем вас от имени братьев из Голландии из Англии из Америки»

«Чем все это кончится? — спросил я у Корри. — Где может остановиться этот поток любви?»

«Не знаю, — ответила она и засмеялась. — Мы не знаем, что нас ждет впереди. Помнишь? Мы не знаем, куда поведет нас дорога, но...»

«Давай пойдем по ней вместе».

Вместе, вдвоем. Вместе, все двенадцать. Все тысячи. Никто не знает, куда приведет нас этот путь. Но мы знаем, что следующее путешествие будет самым волнующим из всех.

Сегодня работа брата Андрея продолжает расти и шириться и достигает таких регионов, где вера обходится ее последователям дорого. Это Китай, Латинская Америка и исламский мир.